

Международный научный
и общественно-политический журнал

ОБЩЕСТВО И ЭКОНОМИКА SOCIETY AND ECONOMY

№12, 2022

Журнал учрежден академиями наук – участниками
Международной ассоциации академий наук

Выходит 12 раз в год.

Временно исполняющий обязанности
главного редактора журнала –
зам. главного редактора **П. Кохно**

Редакционная коллегия: д. э. н. **А. Алирзаев**, академик НАН Беларуси **Е. Бабосов**, академик НАН Украины, иностранный член РАН **В. Геец**, д.э.н. **Р. Джабиев**, академик АН Республики Таджикистан **М. Диноршоев**, академик РАН **В. Журкин**, член-корр. РАН **И. Иванов**, д.э.н. **С. Калашников**, академик АН Республики Таджикистан **Н. Каюмов**, академик НАН Кыргызской Республики **Т. Койчуев**, д.э.н. **П. Кохно** – зам. гл. редактора, д. филос. н., иностранный член РАН **Нгуен Зуй Куи**, академик РАН **А. Некипелов**, академик НАН Беларуси **П. Никитенко**, академик РАН **Б. Порфирьев**, д. э. н. **А. Расулев**, академик АН Молдовы **А. Рошка**, академик НИА Республики Казахстан **О. Сабден**, **В. Соколин**, д. филос. н. **О. Тогусаков**, академик НАН Украины **Ю. Шемшученко**, д. э. н. **Е. Ясин**.

СОДЕРЖАНИЕ

Татьяна Соколова. Человеческий потенциал стран ЕАЭС: вызовы и угрозы в условиях переформатирования постсоветского пространства	5
Наталья Куликова, Ирина Синицина. Россия и страны Центрально-Восточной Европы: новый железный занавес	16
Аркадий Мартынов. К национальной стратегии устойчивого развития	40
Игорь Николаев. Отрасли российской экономики и формирование ее новой модели в кризис, связанный с пандемией COVID-19	56
Павел Лимарев. Возможности государственной поддержки малого и среднего бизнеса в условиях санкционных воздействий	75
Екатерина Романчук. Сотрудничество МВФ с развивающимися странами: опыт Центральной Азии	81
Наталья Данилина. Геймификация как новое прочтение игры в цифровой экономике: теоретическое и практическое обоснование	104
Рогнеда Васильева, Валентин Войтенков, Алина Уразбаева. Влияние структуры государственных расходов на экономический рост в российских регионах	125
<i>ОБЗОР</i>	
Елена Зотова. Производство, наука, образование: сценарии будущего: VIII международный конгресс (ПНО-2021)	142
Алфавитный указатель 2022 года	149

CONTENTS

T. Sokolova. Human potential of the EAEU countries: challenges and threats at the time of reformatting the post-soviet area.....	5
N. Kulikova, I. Sinitsina. Russia and the countries of Central and Eastern Europe: the new “iron curtain”	16
A. Martynov. On the national strategy of sustainable development ...	40
I. Nikolaev. Russian industries and the formation of a new economic model of Russia in the context of the crisis caused by the COVID-19 pandemic	56
P. Limarev. The possibilities for the provision of government support to small and medium-sized businesses in the face of sanctions	75
E. Romanchuk. IMF cooperation with developing countries: the experience of Central Asia	81
N. Danilina. Gamification as a new interpretation of the game in the digital economy: theoretical and practical rationale	104
R. Vasilyeva, V. Voytenkov, A. Urazbaeva. The impact of the structure of government spending on economic growth in the regions of Russian Federation	125
<i>OVERVIEW</i>	
E. Zotova. Production, science, education: future scenarios. VIII international congress (PSE-2021)	142
Alphabetical Index	149

Журнал «Общество и экономика» включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата и доктора наук по специальностям: 22.00.03 – экономическая социология и демография (социологические науки); 5.4.4 – социальная структура, социальные институты и процессы (социологические науки); 5.4.7 – социология управления (социологические науки).

Научно-организационная работа
по изданию журнала осуществляется при поддержке
Федерального государственного бюджетного учреждения науки
Института экономики Российской академии наук

© 2022

Татьяна Соколова

кандидат экономических наук, старший научный сотрудник
Института экономики Российской академии наук (г. Москва, Россия)
(e-mail: sokolova99@mail.ru)

ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ СТРАН ЕАЭС: ВЫЗОВЫ И УГРОЗЫ В УСЛОВИЯХ ПЕРЕФОРМАТИРОВАНИЯ ПОСТСОВЕТСКОГО ПРОСТРАНСТВА

В статье рассматриваются проблемы устойчивости человеческого потенциала постсоветских государств в новых социально-экономических реалиях. На одном полюсе находится Россия, где цена социальной адаптации к беспрецедентному санкционному давлению чрезвычайно высока, на другом – страны ЕАЭС, в которых в силу социально-экономической связанности с Россией неизбежно сужается горизонт для дальнейшего развития и наращивания человеческого потенциала. Показано, что в ближайшей перспективе межстрановые различия на постсоветском пространстве в уровне и качестве человеческого потенциала, скорее всего, будут только нарастать и определяться как запасом накопленной в досанкционный период социальной прочности общества, так и возможностями социальной политики оперативно гасить волны от макроэкономических шоков.

Ключевые слова: человеческий потенциал, ЕАЭС, постсоветское пространство, социальная политика, санкции, уровень жизни.

DOI: 10.31857/S020736760023426-7

Беспрецедентные геополитические вызовы и угрозы, с которыми столкнулась мировая экономика в 2022 г., отозвались мощным эхом на всем постсоветском пространстве. В результате в государствах Евразийского экономического союза (ЕАЭС), обладающих наибольшей степенью социально-экономической связанности, был запущен процесс кардинального переформатирования сложившихся моделей национальных хозяйственных механизмов.

По оценкам Евразийского банка развития (ЕАБР), опубликованным в мае 2022 г., адаптация экономики региона к новым условиям может занять несколько лет. При этом может наблюдаться разнонаправленная динамика ВВП. Так, в базовом сценарии ЕАБРа в 2022 г. прогнозируется сокращение ВВП России на 7,0%, в Белоруссии – на 6,5% вследствие разрывов производственно-логистических цепочек, повышенной неопределенности и санкций. Рост экономик остальных стран-участниц замедлится в силу тесных экономических связей с Россией и снижения темпов роста мировой экономики. По итогам 2022 г., рост ВВП Армении прогнозируется в размере 1,0%, Казахстана – 2,5%, Киргизии – 1,1%.

В России и Белоруссии в 2023 г. прогнозируется сокращение ВВП (–3,0%); прирост ВВП Казахстана, напротив, составит 4,8%. Этому будут способствовать завершение работ по увеличению мощностей по добыче нефти на месторождении Тенгиз, а также реализация государственных программ, направленных на повышение доходов населения. Рост ВВП Киргизии и Армении в 2023 г. продолжится

и составит 1,6% и 3,5% соответственно. Его поддержат процессы переориентации экспортеров и трудовых мигрантов на новые рынки [8. С. 6].

Более оптимистичен октябрьский прогноз Всемирного банка, согласно которому в 2022 г. экономика России должна сократиться на 4,5%. Предполагается, что падение будет не таким сильным, как прогнозировалось изначально, прежде всего, благодаря решительным мерам налогово-бюджетной политики, а также резкому росту цен на энергоносители, за счет которых увеличились бюджетные поступления. Вместе с тем избежать резкого падения реальных доходов населения в ближайшей перспективе, видимо, не удастся. В 2023 г. рецессия продолжится из-за влияния санкций, а также уменьшения фискальной экспансии. Согласно тому же прогнозу в Казахстане в 2022 г. рост ВВП должен замедлиться до 3%, а в Армении достичь 7% за счет резкого роста денежных переводов и мигрантов из России. Однако в 2023 г. эти факторы будут сnivelированы инфляционным давлением и напряженностью на государственной границе Армении. В Белоруссии рецессия будет, скорее всего, углубляться, в 2023 г. прогнозируется сокращение экономической активности и рост бедности. Экономике Киргизии, возможно, удастся преодолеть трудности более мягко – ускорившийся в январе-июле рост ВВП до 7,7%, вероятно, позволит завершить 2022 г. с показателем ВВП 4% [36. Р. 119, 123, 137, 149].

Растущая социально-политическая турбулентность существенно ослабляет интеграционную направленность постсоветского мира, "усиливает его и без того не дремлющий дезинтеграционный потенциал" [23. С. 57]. Название очередного доклада ПРООН о человеческом развитии за 2021/22 гг. – «Неопределенные времена, неустроенные жизни: создавая будущее в меняющемся мире» – говорит само за себя. Индекс развития человеческого потенциала, который измеряет состояние здоровья, образования и уровня жизни, впервые за 32 года (в течение которых он рассчитывался) снижается во всем мире два года подряд. Человеческое развитие вернулось на пять лет назад, к уровню 2016 г., что свело на нет большую часть прогресса в достижении Целей в области устойчивого развития [35].

Высокие «перегрузки» испытывает весь социальный «каркас» и на постсоветском пространстве. Очевидно, что странам ЕАЭС предстоит заплатить высокую социальную цену за преодоление жесткой внешней и внутренней геополитической и геоэкономической нестабильности. Системный кризис затронет прямо или косвенно все сферы социальной жизни, что неминуемо приведет в той или иной степени к сокращению накопленного человеческого потенциала¹. "Кризисы, связанные со спадом производства, всегда ведут к потере человеческого капитала,

¹ Человеческий потенциал – это совокупность способностей, знаний, навыков и личностных характеристик человека вне зависимости от того, в какой мере они находят или могут найти конкретное применение в экономической деятельности. Человеческий потенциал экономики – это более узкая (прикладная) трактовка, нацеленная только на различные сферы трудовой деятельности и потребления и исключающая при этом жизненные установки людей, их представления о мире, ценности, здоровье (особенно психоэмоциональное), устойчивость к стрессам и мотивацию к активному образу жизни (см.: [29] и [5. С. 106]).

поскольку затрагивают и меняют структуру спроса на труд" [10. С. 234]. И даже в процессе реформирования, не сопровождающегося столь серьезными социально-экономическими потрясениями, разрушаются старые институты, а вместе с ними происходит списание "старого" человеческого капитала. Формирование нового человеческого капитала ставит временные пределы эффективности любых реформ, поскольку требует, как правило, значительного времени для адаптации людей к институциональным реформам [5. С. 110]. В противном случае (когда скорость институциональных изменений существенно превышает социокультурные), формируются, как полагает Н.М. Плискевич [22], так называемые "институциональные рубцы", препятствующие всестороннему развитию человеческого потенциала.

Вместе с тем и сама профессия, будучи одним из слагаемых человеческого потенциала, становится (особенно в переломные моменты) тем социальным институтом, который позволяет человеку сменить или адаптировать ее к изменившимся обстоятельствам, моделируя тем самым свой социальный статус (материальное положение, стиль жизни, круг общения и пр.) [30. С. 223]. Таким образом, человеческий потенциал, накопленный ранее, отчасти помогает сгладить издержки адаптационного периода.

Очевидно, что в условиях новых геополитических и геоэкономических реалий имеющиеся межстрановые различия в ЕАЭС в уровне и качестве человеческого потенциала, скорее всего, будут только нарастать. Как отмечает Л.Б. Вардомский, «межстрановые различия в человеческом потенциале не могут быть долгосрочным фактором развития евразийского интеграционного проекта, необходима программа перенацеливания деятельности ЕАЭС на согласованное и совместное развитие человеческого потенциала и его более эффективное использование, прежде всего, через координацию национальных стратегий развития и реализацию совместных экономических и социальных проектов» [7. С. 25]. Ввиду того что масштаб количественной и качественной дифференциации человеческого потенциала определяется как запасом достигнутой в досанкционный период социальной прочности общества, так и способностью национальной социальной политики оперативно гасить волны от макроэкономических шоков, очевидно, потребуются еще большая, чем раньше, как отмечал А.А. Аузан еще в 2015 г., «защита статей государственного бюджета, нацеленных на инвестиции в человеческий капитал» [4. С. 244]. Сопоставление долей расходов на образование и здравоохранение, с одной стороны, и расходов на оборону и безопасность, с другой, в общем объеме расходов консолидированного бюджета в странах ЕАЭС в 2016 и 2020 гг. наглядно показывает отсутствие значимой положительной динамики в сторону социализации расходов госбюджета (табл. 1).

Все это доказывает ограниченность чисто рыночных решений большинства социальных проблем и необходимость интеграции государственной социальной

и экономической политики, активного участия государства в корректировке провалов рынка и одновременно — стимулирование развития экономики с помощью вложений в человеческий капитал [31. С. 174]. Однако в странах ЕАЭС и, особенно в России, сейчас это трудно осуществимо, поскольку в ближайшей перспективе приоритет будет, скорее всего, отдан расходам на оборону и безопасность.

Таблица 1

Доля расходов на образование, здравоохранение и оборону в общем объеме расходов консолидированного бюджета в странах ЕАЭС (%)

	Образование		Здравоохранение		Оборона, общественный порядок и безопасность	
	2016 г.	2020 г.	2016 г.	2020 г.	2016 г.	2020 г.
Армения	8,4	7,6	6,1	7,8	35,7	28,5
Белоруссия	16,8	16,4	14,7	16,4	9,9	10,0
Казахстан	17,7	18,8	11,0	11,7	10,8	10,1
Киргизия	20,1	19,6	8,8	2,0	10,5	9,8
Россия	9,9	10,3	10,0	11,7	20,4	13,2

Источник: рассчитано автором: [25. С. 405–407].

Вместе с тем в современных условиях важнейшим фактором обеспечения экономической безопасности ЕАЭС становится именно человеческий потенциал. Так, Н. Юрова полагает, что необходимо пересмотреть подходы в рамках внутриинтеграционного взаимодействия в плоскости формирования, развития, реализации и сохранения человеческого потенциала и идти по пути укрепления сотрудничества для повышения экономической безопасности евразийского региона, находящейся под угрозой ввиду значительных проблем в уровнях и синхронности развития человеческого потенциала в странах ЕАЭС [33. С. 62, 70].

Кроме того, есть шанс, что в рамках интеграционного объединения сработает так называемый «синергетический эффект», который снивелирует издержки социально-экономического кризиса в странах-участницах. По мнению Г.И. Осадчей и Е.Е. Киселевой, «преодолению экономического кризиса будет способствовать укрепление и развитие интегрированного экономического пространства, в котором каждый участник, за счет синергетического эффекта, сможет заработать больше, чем он мог бы заработать, находясь вне этого пространства» [20. С. 2]. Это могло бы, в свою очередь, стать весомым доказательством экономической природы ЕАЭС, сводящим на нет усилия западных экспертов представлять его как политический, а не экономический союз [28. С. 104]. Однако, поскольку «интеграционная миссия стран ЕАЭС на Западе рассматривается как реальная угроза...», странам региона необходимо быть готовыми к тому, что «...геополитический троллинг и санкционное давление будут только нарастать» [23. С. 68].

Сравнение основных слагаемых близких по значению индексов человеческого развития (ИЧР) в России и Белоруссии² показывает, что более высокое положение России в рейтинге стран ЕАЭС по ИЧР (52-е место в 2021 г.) объясняется большей величиной показателя душевого валового национального дохода (ВНД), тогда как Белоруссия (60-е место в 2021 г. по ИЧР) опережает Россию по ожидаемой продолжительности жизни и демонстрирует меньший коэффициент неравенства людей (табл. 2).

Среди стран ЕАЭС наибольшую сбалансированность слагаемых индекса ИЧР демонстрирует, как видно из данных табл. 2, Казахстан, наименьшую – Киргизия. В 2021 г. Казахстан занимал 56-е место в рейтинге по ИЧР, Киргизия – 118 место. При этом разрыв становится еще больше (61-е в Киргизии против 141-е в Казахстане), если сравнить ИЧР в этих странах, скорректированные с учетом неравенства в трех основных измерениях человеческого развития (здоровье и долголетие, знания и достойный уровень жизни).

Таблица 2

Индекс человеческого развития (ИЧР и ИЧРН)* и его компоненты в ЕАЭС

Страны/ года	Рейтинг по ИЧР				Рейтинг по ИЧРН (ИЧР, скорректиро- ванный с учетом неравенства)	Ожидаемая продолжи- тельность жизни при рождении (в годах)	Ожидаемая продолжительность обучения (в годах)	Средняя продолжительность обучения (в годах)	Валовой национальный доход (ВНД) на душу населения (в долл. США 2017 г. по ППС)	Коэффициент неравенства людей**
	2010	2015	2019	2021						
Армения	76	84	81	85	98	72,0	13,1	11,3	13 158	9,1
Белоруссия	61	52	53	60	70	72,4	15,2	12,1	18 849	5,3
Казахстан	66	56	51	56	61	69,4	15,8	12,3	23 943	6,9
Киргизия	109	120	120	118	141	70,0	13,2	11,4	4 566	9,2
Россия	65	49	52	52	53	69,4	15,8	12,8	27 166	8,4

* до 2013 г. – «Индекс развития человеческого потенциала» (ИРЧП)

** средний показатель неравенства, рассчитываемый по трем основным измерениям человеческого развития (здоровье и долголетие, знания и достойный уровень жизни).

Источник: составлено автором по: [14. С. 347–348], [15. С. 343–344; 351–353], [34. Р. 149–150]; [35. Р. 272–273, 281–283].

² Детальный анализ основных тенденций человеческого развития в России и Белоруссии проведен в статье [19].

ИЧР с поправкой на неравенство (ИЧРН) показывает, насколько неравномерно распределены среди населения достижения страны в области человеческого развития. Чем сильнее неравенство, тем ниже значение ИЧРН по сравнению с ИЧР. Эти «потери» (разница в процентах между значением ИЧРН и значением ИЧР) составили в России в 2021 г. 8,6%, в Белоруссии – 5,3%, Казахстане – 6,9%, Армении и Киргизии – 9,4%. Важно, что всем странам-членам ЕАЭС за прошедшее десятилетие с 2010 по 2021 гг. удалось добиться устойчивого нисходящего тренда в динамике этого показателя (табл. 3), что с высокой долей вероятности может говорить о влиянии евразийской интеграции на постепенное улучшение условий жизни населения участвующих в ней государств. Примечательно, что наименее успешной Киргизии удалось за этот период снизить показатель потерь значения индекса ИЧР почти на 6 процентных пунктов. Это самый высокий показатель среди стран ЕАЭС, свидетельствующий о постепенном сближении и выравнивании уровней развития внутри рассматриваемого региона.

Таблица 3

Потери значения индекса ЧР, обусловленные неравенством в распределении достижений в области человеческого развития (%)

	2010 г.	2015 г.	2018 г.	2021 г.
Армения	11,0	9,3	9,9	9,4
Белоруссия	9,3	6,4	6,4	5,3
Казахстан	13,6	10,1	7,1	6,9
Киргизия	15,1	12,3	9,5	9,4
Россия	11,5	9,8	9,9	8,6

Источник: составлено автором по: [35. Р. 281–283], [15. С. 308–310], [14. С. 206–207], [34. Р. 153–154].

В Казахстане провозглашена и последовательно реализуется государственная политика, основанная на принципе человекоцентричности. Он лежит в основе всех национальных программ, а также прописан в Национальном плане развития Республики Казахстан до 2025 года [18. 177]. Киргизия же оказалась «заложницей» так называемого «высокообразованного молодежного бугра» (необычно высокая доля молодежи в возрасте 15–24 лет в общей численности взрослого населения). В условиях низкого уровня ВВП и вялой экономической динамики высокообразованная молодежь не могла найти достойную работу, что привело в 2005 и 2010 гг. к мощному взрыву протестных настроений в стране [12. С. 51].

В России в рамках действующей с начала 90-х гг. модели экономики отсутствуют возможности адекватной реализации человеческого потенциала, что подчеркивается в ряде российских исследований. Так, по мнению С. Долматовой, высокое социальное неравенство влечет за собой неравный доступ населения к качественному образованию, здравоохранению, культуре. В результате

образуется замкнутый круг, когда при крайне неравномерном распределении ресурсов, в условиях деиндустриализации и гипертрофии финансового сектора, в бедственном положении оказываются отрасли, связанные с формированием человеческого потенциала, и воспроизводятся неравные условия для его реализации [16. С. 361]. В. Гимпельсон и Р. Капелюшников отмечают, что невостребованность человеческого капитала (в силу отсутствия соответствующих его уровню рабочих мест) приводит к его постепенной утрате [9, 11]. В России с середины 2000-х гг. фиксируются рост безработицы среди лиц с высшим образованием и снижение отдачи от его уровня. В основе этих процессов – дисбаланс между числом лиц с высшим образованием и численностью рабочих мест, предполагающих его использование. Так, в России в 2018 г. доля лиц с высшим образованием достигла 34,2% занятых, при том что количество рабочих мест для специалистов высшей квалификации было гораздо меньше – 24,6% [27. С. 114].

Таким образом, возможная причина кроется не только и не столько в низком качестве рабочей силы, сколько в «плохих» рабочих местах, на которых не предъявляются повышенные требования к образованию работников, и не предлагается значимых премий даже для носителей развитого человеческого капитала [2. С. 92]. На парадоксальную ситуацию бедности российских профессионалов обращают внимание в своем исследовании Н.Е. Тихонова и Е.Д. Слободенюк. В конце 2019 г. средняя зарплата профессионалов в России составляла после вычета налогов 34733 руб. при 29293 руб. по работающим в среднем, что свидетельствует о недооценке высококвалифицированного нефизического труда в российской экономике и о дисбалансе спроса и предложения на соответствующем сегменте рынка труда. Слабая связь качества человеческого капитала и уровня заработной платы демотивирует профессионалов в наращивании их знаний и навыков [27. С. 114-115; 132].

Учитывая распространенную в последние 25 лет практику «покупки дипломов», уровень реального образования не растет. Так, в 2015 г. в России у 8% лиц с дипломом об окончании высшего учебного заведения общее количество лет обучения было менее 15, а у 4% – менее 14 лет, при этом не все имели даже законченное школьное образование [26. С. 89–90]. Кроме того, профили полученного образования и трудовой деятельности часто не соответствуют друг другу, однако это, как ни парадоксально, никак не отражается на уровне заработной платы.

В итоге, значительная часть специалистов с высокой профессиональной и образовательной подготовкой, в т.ч. с высшим образованием, работают не по специальности или вообще оставляют пределы родной страны в поисках более привлекательных рынков труда и приемлемых условий для достойной занятости. Только за два прошедших десятилетия Россия потеряла примерно половину своих ученых, в том числе – в существенной части прикладной науки, а ведь это была, действительно, «мощная армия ученых, занятая организацией внедрения научно-технических новшеств» [32. С. 141].

Другой, помимо России, яркий пример — это Армения, где в буквальном смысле «таксисты страны имеют два высших образования», поскольку выпускникам вузов найти работу по специальности практически невозможно, и они вынуждены работать в сфере обслуживания населения [1. С. 114]. Армения, по сути, превратилась в страну-донора высокообразованных и квалифицированных кадров. Большой отток произошел из Национальной академии наук Армении, численность академических работников в которой сократилась в период с 1990 по 2008 г. с 7 до 3,5 тыс. человек. Причем отток научных кадров произошел в основном за счет наиболее активной возрастной группы (30–50 лет), в итоге сейчас стоит серьезная проблема, связанная со старением трудового персонала научных организаций, где преобладают сотрудники в возрасте 50–70 лет. Наиболее тревожны возрастающие миграционные настроения у значительной части молодежи. Результаты социологического исследования, проведенного в Армении, показали, что уже 2011 г. почти 40% опрошенной молодежи в возрасте от 18 до 30 лет, имеющие высшее или среднее специальное образование, хотели навсегда уехать из страны [3. С. 60]. После вступления Армении в 2015 г. в ЕАЭС поток мигрантов из Армении вновь усилился, при этом основным направлением трудовой миграции была Россия. По оценкам экспертов, вступление Армении в ЕАЭС позволило снизить риск бедности домохозяйств трудовых мигрантов на 2,5 процентных пункта, а риск острой бедности — на 4,5 процентных пункта [13. С. 29]. Справедливо отмечается, что «экономика Армении строится не на экспорте продукции, производимой в стране, а человеческого капитала, или рабочей силы, дивиденды от которого возвращаются в страну в виде частных трансфертов» [3. С. 61]. Несмотря на снижение доли денежных переводов в ВВП за последние годы (с 19% в 2013 г. до 12% в 2021 г.), они все еще остаются значительным источником дохода в Армении. Однако, по прогнозам ЕАБР, спад российской экономики отрицательно отразится на рынке труда и на располагаемом доходе населения, ограничивая таким образом потоки переводов трудовых мигрантов. Сокращение денежных переводов из России может привести к прямым потерям ВВП Армении на 1,0% в течение 2022 г. [8. С. 14].

Перед серьезными вызовами со стороны интеллектуальной миграции стоят и государства Центральной Азии. Эксперты обращают внимание на то, что без системных реформ и серьезного подхода к проблеме оттока кадров неопределенными выглядят перспективы реализации стратегий развития центрально-азиатских государств, что несет в себе мощный вызов для их социальной стабильности и безопасности [6. С. 117].

По данным Всемирного банка, межстрановые различия в уровне валового внутреннего продукта на душу населения тесно связаны с уровнем развития человеческого капитала. Его вклад весьма существенен и может достигать от 10% до 30% [37. Р. 51]. По оценкам экспертов, в странах с наиболее развитой экономикой в среднем 60% прироста национального дохода определяется приростом

знаний и уровнем образования. Увеличение бюджетных расходов на образование на 1% ведет к росту ВВП на 0,35% [1. С. 107]. Многие исследователи полагают, что «именно конкуренция за высококачественный человеческий капитал, а не за минеральные ресурсы, будет определять положение страны в мировом экономическом обороте, тенденцию ее к маргинализации или, наоборот, выдвижение к доминированию» [4. С. 244]. Чтобы избежать крупномасштабной «утечки мозгов» из ЕАЭС, необходимо «поднять общий уровень социокультурного развития широкого большинства, способного если и не вливаться непосредственно в «креативный класс», то вполне качественно отвечать на исходящие из него импульсы и в целом создавать комфортную для его передовых представителей среду» [21. С. 34].

Сейчас странам ЕАЭС необходимо приложить максимум совместных усилий, чтобы избежать ошибок и просчетов, допущенных при распаде СССР в начале 90-х гг. прошлого столетия, когда в результате «идеологического шока» произошло «разрушение советской идентичности многих представителей старших поколений и утрата смысла прожитой ими жизни» [24. С. 35], был фактически утрачен накопленный ранее человеческий капитал.

В связи с этим в условиях текущего реформирования постсоветского пространства на первый план в государствах ЕАЭС выходят проблемы устойчивости не только чисто экономического, но и социального, человеческого, развития. На одном полюсе находится Россия, где цена социальной адаптации к беспрецедентному санкционному давлению чрезвычайно высока, на другом — остальные страны ЕАЭС, в которых в силу социально-экономической связанности с Россией неизбежно резко сузился горизонт для дальнейшего развития и наращивания человеческого потенциала.

Литература

1. *Агаджанова З.Г., Петросян И.Б.* Влияние качества высшего образования на экономический рост. Мировые тенденции и проблематика современной Армении // Научные исследования XXI века. 2022. № 1 (15). С. 105–116.
2. *Аникин В.А.* Человеческий капитал в посткризисной России: состояние и отдача // The Journal of Institutional Studies (Журнал институциональных исследований). 2018. Т. 10. № 2. С. 92.
3. *Аракелян И.А., Погосян Р.М.* Динамика и структура трудовой миграции из Армении // Sciences of Europe. 2022. № 87–2 (87). С. 58–63.
4. *Аузан А.А.* О возможности перехода к экономической стратегии, основанной на специфике человеческого капитала в России // Журнал Новой экономической ассоциации. 2015. № 2 (26). С. 243–248.
5. *Балацкий Е.В.* Институциональные реформы и человеческий капитал // Журнал Новой экономической ассоциации. 2021. № 3 (51). С. 103–124.
6. *Бахриев Б., Ризоён Ш.* Центральная Азия перед вызовами интеллектуальной миграции: тенденции и перспективы // Мировая экономика и международные отношения. 2022, № 66. № 7. С. 117–126.

7. *Вардомский Л.Б.* Пространственное измерение евразийской интеграции // Региональные исследования. 2021. № 4 (74). С. 18–28.
8. *Винокуров, Е., Кузнецов, А., Бердигулова, А., Федоров, К., Харитончик, А., Бабаджанян, В.* Макроэкономический прогноз ЕАБР: экономики региона в новой реальности. Май 2022 // М.: Евразийский банк развития. 2022. 43 с.
9. *Гимпельсон В.Е.* Нужен ли российской экономике человеческий капитал? Десять сомнений // Вопросы экономики. 2016. № 10. С. 129–143.
10. *Гимпельсон В.Е.* Человеческий капитал в эпоху санкций и контрсанкций: некоторые перераспределительные последствия // Журнал Новой экономической ассоциации. 2022. № 3 (55). С. 234–238.
11. *Гимпельсон В.Е., Капелюшников Р.И.* Российская модель рынка труда: испытание кризисом // Журнал Новой экономической ассоциации. 2015. № 2 (26). С. 249–254.
12. *Глазова Е.С.* Киргизия: институциональные изменения как выход из "ловушек развития" // Южно-российский журнал социальных наук. 2019. Т. 20. № 4. С. 49–62.
13. *Денисова И.А., Оксиденко В.Г., Чудиновских О.С.* Влияние общего рынка труда ЕАЭС на уровень благосостояния домохозяйств мигрантов (на примере Армении) // Прикладная эконометрика. 2022. № 1 (65). С. 29–44.
14. Доклад о человеческом развитии 2016: Человеческое развитие для всех и каждого. Программа развития ООН. Нью-Йорк. 2016. С. 287.
15. Доклад о человеческом развитии 2020: Следующий рубеж. Человеческое развитие и антропоцен. Программа развития ООН. Нью-Йорк. 2020. С. 347–348.
16. *Долматова С.А.* Проблема реализации человеческого потенциала и социальное расслоение: замкнутый круг? / Форсайт "Россия": новое индустриальное общество. Будущее. Сборник докладов Санкт-Петербургского международного экономического конгресса (СПЭК-2018), 2019. Т. 2. Издательство: Институт нового индустриального развития имени С.Ю. Витте. С. 361–369.
17. Евразийский экономический союз в цифрах // М.: Евразийская экономическая комиссия. 2022. 189 с.
18. *Кожабаяева С.А., Муқан Б.Г., Елишбаев Р.К.* Развитие человеческого потенциала в Казахстане: проблемы и методы анализа // Экономика: стратегия и практика. 2021. Т. 16. № 4. С. 174–187.
19. *Липатова Л.Н., Прюель Н.А., Градусова В.Н.* Развитие человеческого потенциала в Российской Федерации и Республике Беларусь: основные достижения и проблемы // Развитие территорий. 2020. № 3 (21). С. 50–54.
20. *Осадчая Г.И., Киселева Е.Е.* Человеческий потенциал устойчивого развития Евразийского экономического союза: оценка динамики // Социальное пространство. 2021. Т. 7. № 4. С. 1–15.
21. *Плискевич Н.М.* Институты, ценности и человеческий потенциал в условиях современной модернизации // Мир России. Социология. Этнология. 2022. № 3 (31). С. 33–53.
22. *Плискевич Н.М.* Институциональные рубцы в "пограничных" обществах и эволюция человеческого потенциала (Часть 1: Институциональные рубцы) // Вопросы теоретической экономики. 2022. № 3. С. 130–143.
23. Постсоветское пространство: между Европой и Азией / Б. П. Гуселетов и др.; отв. ред. Б.П. Гуселетов // М.: ФНИСЦ РАН. 2022. 187 с.
24. Социокультурные особенности российской модернизации: материалы круглого стола // М.: Экон-Информ. 2009. 152 с.
25. Статистический ежегодник Евразийского экономического союза // М.: Евразийская экономическая комиссия. 2021. 460 с.

26. Тихонова Н. Е., Каравай А. В. Динамика некоторых показателей общего человеческого капитала россиян в 2010–2015 гг. // Социологические исследования. 2018. № 5. С. 89–90.
27. Тихонова Н.Е., Слободенюк Е.Д. Бедность российских профессионалов: распространенность, причины, тенденции // Мир России. 2022. Т. 31. № 1. С. 113–137.
28. Травин Н.А., Ованесов А.Ю. ЕАЭС в публикациях ведущих западных «фабрик мысли» в 2019 году // М.: Издательство «Перо». 2020. URL: http://open-analytics.ru/uploads/files/download/EAES_v_publicacijah_veduschih_zapadnih_fabrik_misli.pdf
29. Федотов А.А. Качество жизни и человеческий потенциал в концепциях устойчивого и человеческого развития (Ч. 1 и 2) // Народонаселение. 2021. Т. 24. № 2; № 3. С. 53–65.
30. Хохлова М. Трудовая миграция в СНГ и российский рынок труда // Россия и новые государства Евразии. 2021. № IV (LIII). С. 221–227.
31. Шестакова Е.Е. Социальная политика в интересах развития человеческого потенциала: мировой опыт // Государственное управление. Электронный вестник. 2021. № 85. С. 167–188.
32. Эшттейн Д. Под дамокловым мечом // Мир перемен. 2017. № 3. С. 141.
33. Юрова Н., Яо Ц. Развитие человеческого потенциала как фактор обеспечения экономической безопасности стран ЕАЭС // Банковский вестник. 2022. № 1 (702). С. 62–72.
34. Human Development Report 2010: The Real Wealth of Nations. Pathways to Human Development // N.Y.: United Nations Development Programme. 2010.
35. Human Development Report 2021–22: Uncertain Times, Unsettled Lives: Shaping our Future in a Transforming World // New York: UNDP (United Nations Development Programme). 2022.
36. Social Protection for Recovery // Washington. DC: The World Bank. 2022. 160 p.
37. World Development Report 2019: The Changing Nature of Work // Washington, D. C.: World Bank. 2019.

Tatyana Sokolova (e-mail: sokolova99@mail.ru)

Ph.D. in Economics, Senior Researcher,

Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences (RAS) (Moscow, Russia)

HUMAN POTENTIAL OF THE EAEU COUNTRIES: CHALLENGES AND THREATS AT THE TIME OF REFORMATTING THE POST-SOVIET AREA

The article deals with the problems of the sustainability of human potential in the post-Soviet states in the new socio-economic reality. At one pole is Russia, where the price of social adaptation to unprecedented sanctions pressure is extremely high, at the other are the EAEU countries, in which, due to socio-economic connectivity with Russia, the horizon for human potential building and further development inevitably narrows. It is shown that inter-country differences in the level and quality of human potential in the post-Soviet area are likely to only increase in the near future and are determined, on the one hand, by the reserve of societal resilience accumulated in the pre-sanctions period, and on the other hand, by the ability of the social policy to quickly extinguish the waves from the macroeconomic shocks.

Keywords: human potential, EAEU, post-Soviet area, social policy, sanctions, standard of living.

DOI: [10.31857/S020736760023426-7](https://doi.org/10.31857/S020736760023426-7)

© 2022

Наталья Куликова

кандидат географических наук,
руководитель Центра восточноевропейских исследований
Института экономики Российской академии наук (г. Москва, Россия)
(e-mail: kulikova.home@gmail.com)

Ирина Синицина

кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник
Института экономики Российской академии наук (г. Москва, Россия)
(e-mail: Ira_Sinicyna@mail.ru)

РОССИЯ И СТРАНЫ ЦЕНТРАЛЬНО-ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ: НОВЫЙ ЖЕЛЕЗНЫЙ ЗАНАВЕС

В статье рассматриваются проблемы, связанные с участием стран Центрально-Восточной Европы (ЦВЕ) в экономических санкциях, введенных против России Евросоюзом, и в особенности связанные с ограничением импорта этими странами российских энергоносителей. Анализируются последствия санкционной войны для экономик стран ЦВЕ, для развития торговых связей с Россией, в т. ч. в результате ухода ряда компаний стран ЦВЕ с российского рынка. Рассмотрены перспективы для восстановления экономических связей стран ЦВЕ с Россией в среднесрочной перспективе.

Ключевые слова: Центрально-Восточная Европа, Евросоюз, Россия, экономические санкции, торговля, энергетическая зависимость.

DOI: 10.31857/S020736760023427-8

К истории вопроса об участии стран ЦВЕ в санкциях Запада против России.

Политические и экономические отношения России со странами ЦВЕ, которые прежде были партнерами СССР по Варшавскому договору и Совету экономической взаимопомощи, а ныне стали в своем большинстве членами НАТО и членами или кандидатами в члены ЕС, в настоящее время развиваются под влиянием санкционной войны Запада против России, начавшейся задолго до нынешнего геополитического кризиса. В 2014 г. после референдума о вхождении Крыма в состав России США, Евросоюз и поддержавшие их страны начали вводить санкции в отношении официальных лиц РФ и российских компаний. Наиболее жесткой ответной контрмерой со стороны России стало введение в 2014 г. эмбарго на поставки продовольственной продукции из этих стран.

Страны ЦВЕ – члены ЕС, одни с энтузиазмом, другие, подчиняясь общеевропейской дисциплине, поддержали введение Евросоюзом санкций против России. Присоединились к этим санкциям и страны ЦВЕ – кандидаты в члены ЕС, опасаясь подвергать риску свою «европейскую перспективу». Не применили санкции против России ни в 2014 г., ни позже только Сербия, а также Босния и Герцеговина, где этому воспрепятствовала Республика Сербская.

Прямые экономические потери большинства стран ЦВЕ как от санкций ЕС, так и от ответных ограничительных мер России, на том этапе санкционной войны оказались незначительными. Это было связано со структурой их экспорта, а именно с почти полным отсутствием в нем высокотехнологичного оборудования, запрещенного к поставкам в РФ, и с относительно небольшим объемом продовольственных товаров, ограничения на ввоз которых ввела Россия. Единственной страной, для которой введение этих ограничений оказалось достаточно болезненным ввиду значительного экспорта продовольствия в Россию, была Польша, однако ее предприниматели достаточно быстро адаптировались к новым реалиям, перестроив структуру своего производства и экспорта.

Страны ЦВЕ, не присоединившиеся к санкциям ЕС и, соответственно, не попавшие под действие российского продовольственного эмбарго, получили экономическую выгоду от его введения, незамедлительно воспользовавшись открывшейся возможностью расширить свои поставки на российский продовольственный рынок, заместив на нем продукцию вовлеченных в санкционную войну стран. В частности, Сербия во втором полугодии 2014 г. увеличила свой экспорт продуктов питания в Россию на 36%.

Страны ЦВЕ на новом витке экономической войны Запада с Россией.

С конца февраля 2022 г. страны ЦВЕ оказались вовлечены в новый раунд экономической войны Запада против России, открытый сразу после признания Россией 21 февраля независимости Донецкой и Луганской народных республик и подписания соглашений о дружбе и взаимопомощи с ними. Уже 22 февраля главы МИД стран ЕС согласовали пакет санкций, который коснулся нескольких российских банков, депутатов Государственной думы и ряда других лиц, а Германия дополнила этот пакет решением приостановить процедуру сертификации "Северного потока 2".

После начала специальной военной операции на Украине (далее – СВО) Европейский союз принял с февраля по октябрь 8 пакетов санкций. Кроме ЕС, о санкциях объявили США, Великобритания, Норвегия, Швейцария, Черногория, Канада, Япония, Южная Корея, Австралия, Новая Зеландия, Тайвань, Сингапур и Багамские острова. Всего против России по состоянию на 30 ноября 2022 г., согласно данным базы по отслеживанию санкций Castellum.ai [14], было введено 10207 ограничений в дополнение к тем 2695 ограничениям, которые уже действовали до 22 февраля 2022 г. При этом введенные санкции фактически носят коллективный характер (табл. 1).

В целом санкции Евросоюза направлены на финансовую систему и банковский сектор, транспортную и энергетическую отрасли российской экономики, поставки товаров, технологий и оборудования, визовую политику, спорт, СМИ и персоналии.

Одной из мер давления на Россию стало отключение крупнейших российских банков от системы межбанковских платежей SWIFT. Платежные системы

MasterCard и Visa остановили свою деятельность на территории РФ. Операции с ЦБ России были запрещены, а его размещенные за рубежом активы заморожены, из-за чего Россия технически лишилась возможности расплачиваться с нерезидентами.

Таблица 1

Основные секторальные санкции и торговые ограничения против России на 5 октября 2022 г.:

+ – анонсированы или введены;

– – не анонсированы

	Австралия	Канада	ЕС	Япония	Швейцария	Великобритания	США
Ограничения на импорт российской нефти	+	+	+	+	+	+	+
Ограничения на импорт российского газа	+	–	–	–	–	–	+
Ограничения на импорт российского угля	–	–	+	+	–	+	+
Ограничения на импорт российского золота	+	+	+	+	+	+	+
Ограничения на импорт российских металлов	–	–	+	–	+	–	–
Ограничения на экспорт металлов в Россию	+	–	–	–	–	–	–
Ограничения на экспорт предметов роскоши в Россию	+	+	+	+	+	+	+
Ограничения на импорт предметов роскоши из России	–	+	+	–	–	+	+
Ограничения на экспорт технологий в Россию	–	+	+	+	+	+	+
Ограничения на вещание российских государственных СМИ	+	+	+	–	–	+	+
Ограничения на экспорт профессиональных услуг ¹⁾ в Россию	–	+	+	+	+	+	+
Ограничение доступа России к фондам МВФ и Всемирного банка	–	+	+	+	–	+	+
Аннулирование статуса наибольшего благоприятствования для РФ	+	+	+	+	–	+	+
Ограничения по суверенному долгу России	+	+	+	+	+	+	+
Ограничения по корреспондентским счетам российских банков	–	–	–	–	–	+	+
Ограничения доступа российских банков к SWIFT	–	+	+	+	+	+	+

¹⁾ Консалтинг, бухгалтерские услуги и т.п.

Источник: [14].

Жесткие ограничения были введены в отношении транспортного сообщения. Сначала ЕС, как и ряд не входящих в него стран, запретил полеты самолетов российских авиакомпаний над своей территорией. Затем принятый 8 апреля пятый

пакет санкций включил запрет на заход российских судов в порты ЕС и на перевозки грузов по его территории наземным российским и белорусским транспортом, включая транзитный. Запрет не распространяется только на перевозку фармацевтических препаратов и медицинских изделий, сельскохозяйственных и продовольственных товаров (в том числе пшеницы), а также на автомобильный транспорт, совершающий перевозки в гуманитарных целях.

Были прерваны нормальные торговые отношения. В частности, пятый пакет санкций ЕС, принятый 8 апреля, включил запрет на экспорт в РФ топлива для реактивных двигателей, квантовых компьютеров, полупроводников, электроники, программного обеспечения, машин и транспортного оборудования [15]. Тем самым был ограничен доступ России к европейской высокотехнологичной продукции, за исключением потребительской. Одновременно был запрещен импорт из РФ традиционных продуктов российского производства, таких как удобрения, древесина, цемент, морепродукты и спиртные напитки [15]. Кроме того, в результате торговой и транспортной политики недружественных стран остановились поставки в РФ и из РФ многих из тех видов продукции, на которые санкционные ограничения формально не распространялись. Из России ушли многие иностранные компании, прекратились западные инвестиции.

Наиболее болезненным для стран ЦВЕ, которые в силу исторических причин и географического положения находятся в сильной зависимости от снабжения российскими энергоносителями (табл. 2), стало распространение Евро-союзом санкций на энергетический сектор, которое в конечном итоге предполагает полный отказ от импорта энергоносителей из России.

Таблица 2

Совокупная энергетическая зависимость ЕС и стран ЦВЕ-членов ЕС от России, 2020 г.

Страна	Доля российских энергоносителей в совокупном потреблении энергии (в %)
ЕС	24,4
Литва	96,1
Словакия	57,3
Венгрия	54,2
Польша	35,0
Латвия	31,0
Хорватия	24,7
Чехия	23,7
Эстония	21,4
Словения	17,6
Румыния	17,0
Болгария	15,4
<i>Для сравнения:</i>	
Германия	31,1

Источник: [18].

В рамках пятого пакета санкций был предусмотрен запрет на импорт из России угля и других видов твердого ископаемого топлива, который стал действовать с 10 августа. Принятый 3 июня шестой пакет санкций включил частичное эмбарго на импорт российской нефти. Запрет коснулся пока только морских поставок и его вступление в силу было поэтапным: до 5 декабря 2022 г. допускались «разовые» сделки по импорту или исполнению контрактов на закупку российской сырой нефти, заключенных до 4 июня; для нефтепродуктов аналогичные сделки разрешены до 5 февраля 2023 г.

Немедленное введение полного нефтяного эмбарго оказалось для ЕС неприемлемым из-за серьезных практических проблем, вытекающих из сильной нефтяной зависимости Восточной Европы от России (табл. 3). Одну из них представляет переналадка работы НПЗ, которые до сих пор использовали в качестве сырья только российскую нефть. Решение этой проблемы потребует продолжительного времени. Другая проблема заключается в том, что ряд стран ЦВЕ, наиболее сильно зависящих от импорта нефти и традиционно получающих нефть из России, не имеют логистических возможностей для быстрой переориентации на альтернативных поставщиков. Примером тому являются Словакия, имеющая самую высокую в ЕС долю российской нефти и нефтепродуктов в общем объеме их импорта — почти четыре пятых, и Венгрия, покрывающая за счет поставок из России почти половину потребностей в импорте нефти (табл. 3). Именно по настоянию этих стран, прежде всего Венгрии, запрет не коснулся поставок в ЕС российской нефти по южному отрезку нефтепровода «Дружба», по которому нефть из России идет через Белоруссию, Украину и Словакию в Венгрию. Временные послабления сделаны также для некоторых других стран восточной части Евросоюза — Болгарии, Чехии и Хорватии.

В более сложном положении оказалась дружественная России Сербия, не присоединившаяся к санкциям ЕС. Нефтяная индустрия Сербии (NIS), которая на 56,15% принадлежит «Газпром нефти», до сих пор получала российскую нефть для НПЗ Панчево по принадлежащему Хорватии Адриатическому нефтепроводу (JANAF) с нефтяного терминала в порту Омишаль на о. Крк. В январе NIS заключила с хорватским оператором JANAF новый договор на период с 1 января до 31 декабря 2022 г., которым забронировала транспортные мощности JANAF по принципу «бери или плати» для транспортировки нефти в общем объеме 3,2 млн т +/- 10% [1]. Однако с 1 ноября Сербия больше не может получать российскую нефть по Адриатическому нефтепроводу из-за санкций ЕС, которые распространяются на договор между оператором JANAF и NIS. Сербии придется выбирать из менее удобных и более дорогих направлений снабжения внутреннего рынка нефтью и нефтепродуктами, из-за чего страна будет терять, по словам президента А. Вучича, 600 млн долл. в год [9]. Изучаются, в частности, возможности поставок нефти танкерами по р. Дунай, а также через южное ответвление нефтепровода «Дружба», по которому нефть

из России идет до Венгрии, откуда она может доставляться в Сербию железнодорожным, речным или автомобильным транспортом [5].

Таблица 3

Зависимость стран ЦВЕ—членов ЕС от поставок российской нефти и нефтепродуктов, 2020 г.
(расчеты на основе энергетических балансов)

	Доля нефти и нефтепродуктов в энергообеспечении (в %)	Доля российской нефти в нефтеобеспечении (%)
ЕС	34,5	36,5
Болгария	24,5	13,1
Венгрия	28,6	57,4
Латвия	35,7	25,5
Литва*	39,2	202,7
Польша	28,8	76,3
Румыния	30,0	37,0**
Словакия*	21,9	159,4
Словения	33,0	24,9**
Хорватия	33,7	14,2**
Чехия	21,4	35,7
Эстония*	5,2	279,4**
<i>Для сравнения:</i>	35,2	35,2
Германия		

*Доля, превышающая 100%, означает, что страна импортирует больше нефти, чем требуется для внутреннего потребления, и экспортирует ее в сыром либо переработанном виде.

** Оценка Евростата.

Источник: [18].

Неоднократно обсуждалось в ЕС и газовое эмбарго. Однако ряд стран, в первую очередь многие страны ЦВЕ, отвергали возможность его введения из-за важнейшей роли российского газа в энергоснабжении (табл. 4). В Европе более двух третей электроэнергии вырабатывается из природного газа, 40% которого до недавнего времени поставлялось по «Северному потоку». Не вводя эмбарго, в ЕС стали прилагать все усилия для сокращения импорта российского газа путем его замещения газом от альтернативных поставщиков (прежде всего СПГ), реанимации энергогенерации на основе других, более «грязных» видов углеводородного топлива (в первую очередь угля и мазута), а также форсирования использования возобновляемых источников энергии.

Политика ЕС в отношении поставок энергоресурсов из России привела к стремительному росту цен на топливо и электроэнергию. В поисках выхода из сложившейся кризисной ситуации власти европейских стран стали стимулировать население к экономии энергии, нормировать ее потребление домохозяйствами с помощью регулирования тарифов, вводить ограничения на отопление общественных

зданий, частично компенсировать предприятиям и домохозяйствам возросшие затраты на энергообеспечение, прибегать к другим мерам. Еврокомиссия начала рассматривать варианты преодоления энергетического кризиса путем введения обязательного для всех стран уровня ограничения энергопотребления в странах-членах ЕС, совместных закупок ими энергоресурсов, установлении предельных закупочных цен на российскую нефть, газ и др.

Таблица 4

Зависимость стран ЦВЕ—членов ЕС от поставок российского газа, 2020 г.

	Доля газа в энерго-снабжении (в %)	Объем потребления газа (млрд м ³)	Объем импорта российского газа (млрд м ³)*	Доля российского газа в общем объеме импорта газа (в %)	Сопrotивление введению санкций в отношении российского газа
Чехия	18,1	8,5	4,0	100,0	+
Латвия	21,2	1,1	1,6	100,0	+
Венгрия	33,6	10,2	8,6	95,0	+
Словакия	24,9	5,0	7,6	85,4	+
Болгария	14,2	2,9	2,3	75,2	+
Польша	17,0	21,6	9,7	54,9	—
Эстония	7,8	0,4	0,3	46,2	—
Румыния	30,1	11,3	1,0	44,8	—
Литва	26,0	2,4	0,9	41,8	—
Словения	11,7	0,9	0,4	8,7	—

* Страна может перепродавать закупленный газ.

Источники: [10, 19].

Эти вопросы встали с особой остротой в связи с сокращением газовых поставок из России. Ответные санкции, которые 11 мая ввело российское правительство против 31 западной компании, запрещают Газпрому использовать для транспортировки газа через Польшу магистральный газопровод «Ямал — Европа», принадлежащий компании EuRoPol GAZ S.A [11]. По газотранспортной системе Украины объем прокачки уменьшен, поскольку Украина отказалась принимать российский газ через газоизмерительную станцию «Сохрановка» по причине ее нахождения на неподконтрольной украинской стороне территории ЛНР. Поставки газа по главному маршруту, МГП «Северный поток-1», из-за вызванных антироссийскими санкциями проблем с ремонтом турбин Siemens для головной компрессорной станции «Портовая» с 27 июля 2022 г. были сокращены до 33 млн м³ в сутки (то есть до 20% от пропускной способности) [3], а с 31 августа остановлены полностью — сначала в связи с плановым техобслуживанием единственного оставшегося в работе газоперекачивающего агрегата

(из шести основных), а затем из-за взрывов на обеих нитках газопровода «Северный поток-1» и на одной из двух ниток так и не вступившего в строй «Северного потока-2» 26 сентября 2022 г. Несмотря на все сложности с поставками газа, вариант запуска МГП «Северный поток-2» не рассматривался властями Германии и до взрывов одной из его ниток. В условиях сокращения поставок стоимость сентябрьских фьючерсов на газ на европейских биржах в конце августа преодолела отметку в 3500 долларов за 1000 м³, что стало рекордом с начала марта 2022 г., когда цена взлетела до 4000 долларов из-за опасений запрета на импорт российских энергоресурсов. В конце сентября максимальный уровень биржевых цен достигал 2120 долларов за 1000 м³, снизившись до минимального по сравнению с серединой года уровня в 1550 долларов в первой декаде октября после заполнения европейских газохранилищ в среднем более чем на 90%.

В целях экономии имеющихся ресурсов 5 августа ЕС принял чрезвычайный план по сокращению потребления газа на 15% в период с 1 августа 2022 г. по 31 марта 2023 г. по сравнению со средними показателями за последние 5 лет. План вызвал разногласия в ЕС. Венгрия, которая вела на тот момент переговоры о закупке большего количества газа у России, поставила под сомнение законность этих правил, влияющих на национальный энергетический баланс и энергетическую безопасность страны. Польша заявила, что решения, влияющие на энергетический баланс стран-членов ЕС, должны приниматься при единогласном одобрении [12]. Однако позиция Венгрии и Польши не помешала принятию плана, поскольку по регламенту требовалась поддержка большинства, а не всех стран-членов.

Последствия санкций для экономики стран ЦВЕ.

Разворачивающийся геополитический кризис оказывает очевидное негативное влияние на экономику стран ЦВЕ. Последствия в финансовой сфере наступили сразу же после принятия Евросоюзом первых санкционных пакетов: валюты в странах, не перешедших на евро, ослабли из-за усиления макроэкономических рисков, а процентные ставки по государственному долгу в ряде стран выросли вследствие активизации антиинфляционной политики центральными банками.

Воздействие кризиса происходило по двум основным каналам. Первый – это усиление перебоев в цепочках поставок, до сих пор не восстановленных вследствие действующих в Китае ограничений из-за COVID-19. Второй – рост цен на сырьевые товары и энергоносители, важным экспортером которых на мировой рынок является Россия (наряду с Украиной). Вызванный этим ростом разгон инфляции набрал в странах ЦВЕ и Балтии, наиболее зависимых от поставок российского ископаемого топлива и сырья, самые высокие темпы в Европе (рис. 1). Так, по данным за июль 2022 г., потребительские цены взлетели в Эстонии на 23,2% по сравнению с июлем 2021 г., в Латвии – на 21,3%, Литве –

на 20,9%; в Чехии они выросли на 17,3%, в Словении, Хорватии, Словакии, Румынии, Польше, Венгрии и Болгарии – на 11,7–14,9%. Это вдвое (а в Латвии даже втрое!) выше январского уровня годовой инфляции и выше ее среднего уровня в ЕС (9,8%). Главным источником инфляции выступает стремительное удорожание энергоносителей. Двухзначными темпами растут и цены на продукты питания, несмотря на предпринимаемые в некоторых странах попытки их регулирования (основной причиной этого роста стал дефицит на мировых рынках из-за остановки экспорта российской и украинской сельхозпродукции) [23]. Рост цен на широкий ассортимент потребительских товаров отражается в росте показателей базовой инфляции (без учета цен на энергоносители и продукты питания). С макроэкономической точки зрения ускоряющаяся и расширяющаяся инфляция, снижая реальные доходы населения, ухудшает перспективы экономического роста.

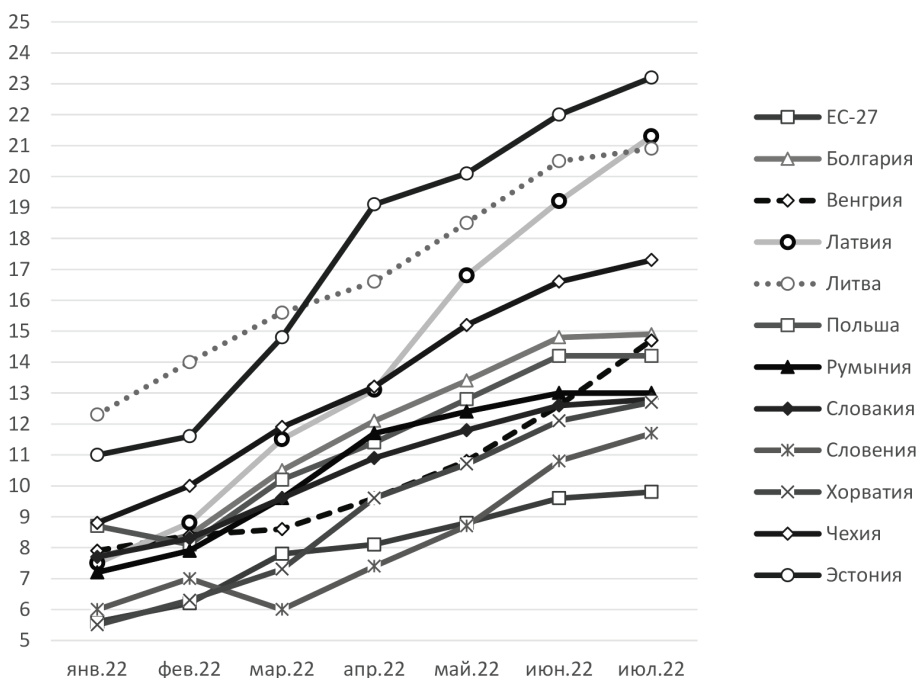

Рис. 1. Годовая инфляция в ЕС и странах ЦВЕ—членах ЕС (в %)

Источник: Eurostat, dataset PRC_NICP_MANR (дата обращения 04.09.2022).

Влияние санкций на экономику стран ЦВЕ через торговый канал оказалось относительно небольшим. Его последствия могли стать катастрофическими, если бы Евросоюз полностью запретил импорт российских энергоносителей, или если бы Россия сама прекратила их экспорт в ЕС. Торговые ограничения

за пределами энергетической сферы для стран ЦВЕ относительно безболезненны, поскольку их торговые и инвестиционные связи с Россией, и без того ослабшие за годы системной трансформации и евроинтеграции, еще больше сократились в результате обмена санкциями между ЕС и РФ после 2014 г. Попавший под запрет высокотехнологичный экспорт в Россию у стран ЦВЕ практически отсутствует, а доля этих поставок в РФ в общем объеме экспорта настолько мала, что их дополнительное сокращение не может заметно отразиться на темпах экономического роста. Зависимость стран ЦВЕ от импорта из РФ неэнергетических товаров тоже стала ничтожной за небольшим числом исключений. Поэтому даже в случае реализации самых пессимистичных прогнозов экономической ущерб от торговых ограничений вне энергетики в странах ЦВЕ вряд ли и в дальнейшем будет существенным.

Таким образом, в странах ЦВЕ геополитический кризис пока вызывает серьезное инфляционное воздействие и в меньшей степени проявляется в снижении темпов экономического роста. Динамика ВВП в первом полугодии 2022 г. мало изменилась по сравнению со вторым полугодием 2021 г. Исключением были только Польша и страны Балтии, где темпы прироста ВВП во втором квартале заметно снизились в годовом выражении (табл. 5).

Таблица 5

Динамика ВВП в ЕС, в странах ЦВЕ – членах ЕС и в Сербии в 3–4 кв. 2021 г. и в 1–2 кв. 2022 г.

	Темпы прироста ВВП по отношению к соответствующему кварталу предыдущего года, %				Темпы прироста ВВП по отношению к предыдущему кварталу, %			
	2021-3кв	2021-4кв	2022-1кв	2022-2кв	2021-3кв	2021-4кв	2022-1кв	2021-2кв
ЕС	4,0	4,8	5,5	4,2	2,0	0,7	0,8	0,7
Болгария	5,3	5,0	4,2	4,0	1,0	1,2	0,9	0,8
Чехия	6,6	7,4	8,0	6,5	1,1	2,3	1,8	1,1
Эстония	4,4	2,5	5,9	2,9	0,6	0,0	2,2	0,0
Хорватия	6,5	5,8	4,1	2,8	0,7	1,1	0,6	0,3
Латвия	6,1	8,0	9,2	4,7	2,6	1,8	2,5	-2,1
Литва	5,6	1,4	6,4	5,0	-3,7	1,7	5,3	1,8
Венгрия	1,2	1,2	3,0	1,7	0,4	0,4	0,4	0,5
Польша	4,8	10,4	9,4	8,3	1,4	5,2	0,7	0,8
Румыния	14,7	10,1	6,8	7,8	1,8	1,1	2,8	2,0
Словения	3,8	3,5	4,6	3,7	1,7	0,8	0,6	0,5
Словакия	9,2	7,2	4,5	0,3	0,8	0,8	0,0	-1,3
Сербия	7,7	7,3	4,1	3,9	1,5	1,6	-0,6	1,2
<i>Для сравнения:</i>								
Германия	1,8	1,2	3,5	1,7	0,8	0,0	0,8	0,1

Примечание: ВВП рассчитан на основе календарных и сезонно скорректированных данных.
Источник: Eurostat, dataset NAMQ_10_GDP (дата обращения 05.12.2022).

Продемонстрированная большинством стран ЦВЕ в первом полугодии 2022 г. устойчивость экономики объясняется тем, что им еще только предстояло ощутить в полной мере эффект вступления в силу эмбарго на импорт угля и нефти из России, а также сокращения Россией поставок газа. Очевидно, что уже во второй половине года высокая инфляция, перебои в цепочках поставок, рост цен на сырье и энергию, снижение динамики промышленного производства и внешнего спроса могут резко затормозить экономику во всех странах ЦВЕ. Причем если МВФ, Всемирный банк и другие международные организации прогнозируют замедление, но не остановку экономического роста в регионе, то независимые исследователи отмечают возрастающий риск скатывания в экономическую рецессию [22]. Столкнуть в нее могут обострение энергетического кризиса в случае дальнейшего сокращения поставок российского газа (особенно если зимой потребление топлива и энергии придется нормировать) и ужесточение денежно-кредитной политики из-за высокой инфляции.

Предвестниками ухудшения экономической ситуации в странах ЦВЕ являются возникающие у предприятий проблемы аномально высоких цен на газ и тарифов на электроэнергию, которые приводят к росту себестоимости производства, падению его рентабельности и снижению конкурентоспособности. Если богатые страны, такие как Германия, спасают свои ключевые компании, оказывая им господдержку, то в странах победнее предприятия стали закрываться или приостанавливать работу. Это особенно относится к металлургическим заводам и химическим предприятиям, в том числе выпускающим удобрения. Так, в Словакии завод Slovalco – главный поставщик алюминия в Европе с тремя сотнями штатных работников и более чем тысячей работников на смежных предприятиях – из-за высоких цен на электроэнергию сократил в начале года выпуск первичного алюминия на 40%, а с сентября свернул его полностью, оставив задействованными только перерабатывающие мощности [6]. В Румынии встал гигант химической промышленности Chimcomplex, выпускающий полиолы, октанол и изобутанол, необходимые для изготовления клея, герметика и лака [6]. Из-за сильного скачка цен на газ во второй половине августа крупнейшие химические компании Польши, Литвы и Венгрии объявили о приостановке / прекращении / сокращении производства удобрений. В частности, ведущий польский химический холдинг Grupa Azoty с конца августа до середины октября приостанавливал работу ряда предприятий по выпуску азотных удобрений, капролактама и полиамида; с сентября остановил выпуск аммиака и крупнейший химический завод в Прибалтике – литовский Achema [8]. С высокой вероятностью эта тенденция продолжится, что будет поддерживать высокие цены не только на азотные, но и на комплексные удобрения, в которых используется азотная составляющая.

Антироссийские санкции наносят ущерб и некоторым другим отраслям экономики стран ЦВЕ. В частности, сильно страдает туристический сектор из-за

запрета на полеты российских самолетов над территорией ЕС, остановки деятельности в РФ систем MasterCard и Visa, а также ситуации со SWIFT, мешающей расчетам между туроператорами и туристическими компаниями. Многие курорты, где массово отдыхали россияне, а также где они скупали недвижимость, фактически остались без туристов. Так, в Болгарию не приехали около 350 тыс. россиян, у которых там есть летнее жилье. В Черногории также остались пустыми десятки тысяч домов и пострадал яхтенный туризм. В Чехии фактически обезлюдел «русский» курорт Карловы Вары [7].

К более отдаленным вероятным последствиям кризиса для стран ЦВЕ можно отнести усиление давления на государственные бюджеты из-за увеличения расходов на оборону и на переход к «зеленым» технологиям. Кроме того, эти страны, очевидно больше других стран ЕС, столкнутся с необходимостью затрат на содержание украинских беженцев. Только за первые 3 месяца СВО их уже прибыло в Европу более 6 млн, а весь приток может оказаться в разы больше, чем во время миграционного кризиса 2015–2016 гг. Введенная Еврокомиссией схема «временной защиты» призвана способствовать интеграции украинских беженцев в рынки труда ЕС. Однако здесь есть проблемы. Во-первых, это в основном женщины, дети и старики. Во-вторых, рынки труда в некоторых странах ЕС все еще не полностью восстановились после пандемии COVID-19 и не способны поглотить мощную волну новых мигрантов. В-третьих, хотя уровень образования на Украине в среднем выше, чем в ЕС, у европейцев есть сомнения в возможности быстрой адаптации украинских беженцев на рынках труда этих стран, по крайней мере, в краткосрочной перспективе [13. Р. 44–45].

Экономические отношения с Россией.

Для торговли стран ЦВЕ с Россией характерна выраженная асимметрия структуры товарных поставок, обусловленная преобладанием в импорте российского сырья, в основном энергоносителей.

Экспорт в Россию. Доля экспортных поставок в Россию в общем объеме экспорта стран ЦВЕ в последнее десятилетие почти не менялась, и в 2021 г. в подавляющем большинстве случаев не превышала 2% (рис. 2). Существенно более высокой эта доля была только в странах Балтии – Литве (10,8%), Латвии (7,3%) и Эстонии (6,4%), что связано, особенно в Литве¹, с большим объемом реэкспорта товаров, произведенных в других странах Евросоюза². На общем фоне несколько выделяются также Сербия, где доля поставок в Россию составила 3,9% за счет экспорта продовольствия (5,9% совокупного экспорта), сельскохозяйственного сырья (4,6%), продукции химической (5,8%) и швейно-текстильной

¹ Согласно экспертным оценкам специалистов из Литвы, около 85% литовских поставок в Россию – это реэкспорт товаров, произведенных в других странах ЕС [20].

² Хотя практически все страны включают в свой экспорт товары несобственного производства, в импорте принимающей страны (в соответствии с международной методологией учета товаров, рекомендованной ООН) эти товары учитываются по стране происхождения. Это один из факторов, вызывающих расхождение данных таможенной статистики России и стран ЕС.

(10,3%) промышленности, и Польша, где на долю России приходилось 2,8% общего объема экспорта, преимущественно за счет экспорта химических продуктов (5,8%).

Приведенные данные означают, что при высокой открытости экономик стран ЦВЕ созданный в них экспортный потенциал крайне слабо включен в сотрудничество с Россией и ограничение поставок товаров на российский рынок не затрагивает основу их внешнеэкономических связей.

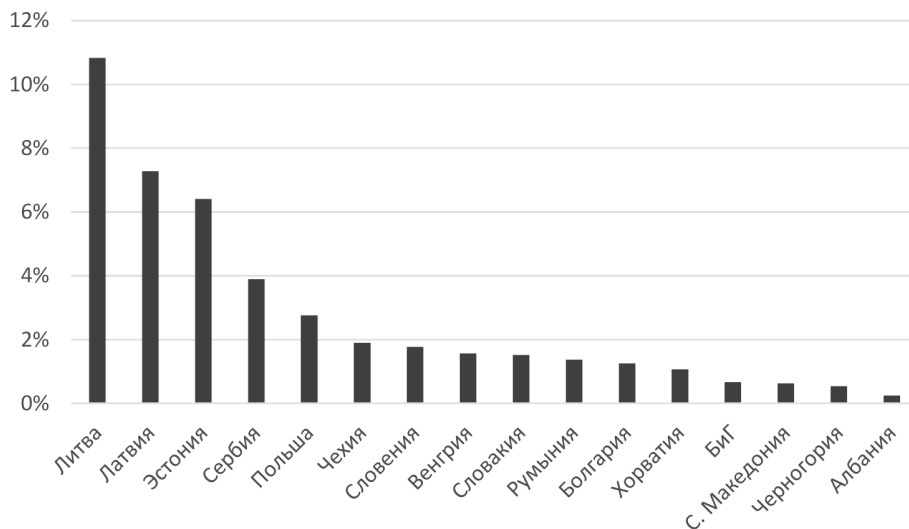

Рис. 2. Доля России в экспорте стран ЦВЕ в 2021 г. (в %)

Источник: рассчитано по: UNCTADStat.

Значение поставок из стран ЦВЕ для российской экономики выявляется при сопоставлении объема поставок отдельных товарных групп из стран региона с объемом российского импорта данной товарной группы в целом. На рис. 3 представлены данные по агрегированным товарным группам (SITC) на 2004 и 2021 гг., свидетельствующие, что по ряду позиций значение этих поставок для России на протяжении последнего без малого двадцатилетия не только сохранялось, но даже возрастало. Речь идет о поставках ряда промышленных изделий, транспортного и электронного оборудования, химических продуктов и сельскохозяйственного сырья.

Импорт из стран ЦЮВЕ отдельных товарных групп, особенно продовольствия, химической промышленности и машиностроения, имел немаловажное значение для российской экономики. Согласно оценкам ЮНКТАД, из стран региона в 2021 г. в Россию поступало 50% российского импорта кукурузы (Венгрия, Румыния, Сербия), 33,2% импорта алкогольных напитков (Литва,

Латвия), 27% – продуктов из муки и зерновых (Польша), 24,3% – шоколада (Польша, Болгария, Венгрия), 16,6% – семян и посадочных клубней, 15,2% замороженных и сушеных овощей, 11,6% – фруктовых и овощных соков (Польша), 11,4% – табачных изделий (Польша, Болгария), 10,9% – фруктовых консервов (Польша, Сербия) и т.д.

Рис. 3. Экспорт из стран ЦВЕ в РФ, 2004 и 2021 гг.

(в % к общему импорту Россией соответствующей товарной категории)

Источник: рассчитано авторами по данным UNCTADStat.

Страны ЦВЕ (Польша) в 2021 г. обеспечивали 100% российского импорта кокса и 34% – никелевого концентрата, 19,7% импорта электроэнергии (Литва, Латвия), 9,5% – серы (Польша), 8,1% – синтетического каучука (Польша, Чехия) и т.п.

Из продукции химической промышленности страны региона являлись важными поставщиками пластиковых труб и шлангов (30,4% российского импорта – Чехия, Польша), парфюмерных, косметических и туалетных препаратов (26,1% – Польша, Литва), пигментов, красок и лаков (22,2% – Польша, Литва, Эстония), пластмасс в виде моноволокна (19,5% – Польша и Словакия), мыла и моющих средств (19,1% – Польша, Сербия, Литва), медикаментов (17,1% импорта – Словения, Венгрия, Польша) и пр.

Страны ЦВЕ, в особенности Польша и Чехия, являлись важными поставщиками в РФ машиностроительной продукции. На регион приходилось 34,4% российского импорта парогенераторных турбин, 21,2% – автоприцепов и полуприцепов, 17,9% – сельскохозяйственных машин (кроме тракторов), 16,5% – бытовых электроприборов; около 15% импорта газовых турбин и реактивных

двигателей, оборудования для пищевой промышленности, печатных и брошюровочных машин, комплектующих и запчастей для автомобилей; около 14% импорта компьютеров; около 13% импорта электродвигателей и электрогенераторов, отопительного и холодильного оборудования, насосов и компрессоров.

Заметное место в российском импорте из стран региона занимают также полиграфическая продукция (20,6% российского импорта), санитарно-техническая арматура (20,2% – Польша, Словакия), измерительные приборы и счетчики (13,3%), бытовые изделия из пластмасс (14,1%), а также мебель (15,7%).

Приведенные примеры свидетельствуют, что прекращение и / или существенное сокращение поставок отдельных товарных групп в силу действия санкционных механизмов или добровольного ухода отдельных компаний с российского рынка может оказаться чувствительным для традиционных потребителей этой продукции в России. Для стран региона ЦВЕ разрыв налаженных цепочек поставок в ряде случаев также может оказаться ощутимым для отдельных компаний и производств. В настоящее время трудно оценить, в какой мере и насколько быстро производители в этих странах смогут адаптироваться к новым условиям и перестроить сложившиеся связи, найдя новые рынки для своей продукции.

Импорт из России. Ситуация с зависимостью стран ЦВЕ от импорта из России сложилась иначе. Его доля в общем объеме их импорта (в среднем 5%) заметно выше, чем в случае экспорта в Россию, и здесь в 2021 г. выделялись уже не только страны Балтии, но и Болгария (7,6% общего объема импорта), а также Польша (5,8%). Страны региона импортировали из России значительные объемы сырья и полуфабрикатов (в 2021 г. более 23% совокупного импорта ими серы и железного колчедана, более 20% – железной руды и концентратов, 28% – синтетического каучука, около 23% неорганических химических веществ, окисей и галогенных солей, 16% спиртов и фенолов, 20% удобрений и 28% сырья для их производства, 34% полуфабрикатов из чугуна или стали), 16% гидротурбин и ядерных реакторов.

Однако наибольшее значение для стран ЦВЕ имели российские поставки энергоносителей. Россия в 2021 г. обеспечила 38% совокупного импорта этими странами угля, свыше 60% сырой нефти, почти 70% природного газа и 62% прочих газообразных углеводородов, 22% сжиженного пропана и бутана, значительную часть другого углеводородного сырья. Крупные поставки энергоносителей, опирающиеся на созданную еще в социалистический период транспортную инфраструктуру, а также на введенные в строй в последние годы новые ее элементы, предопределили высокую степень общей энергетической зависимости значительного числа стран региона от России (см. табл. 2). По данным Евростата, если в среднем по странам ЕС доля российских энергоносителей в совокупном потреблении энергии в 2020 г. составляла чуть более 24%, то в большинстве стран ЦВЕ она была значительно

выше. Особенно сильно зависели от поставок энергоносителей из России Литва, Словакия, Венгрия, Польша и Латвия. Соответственно, введение санкций ЕС и ответные действия России в 2022 г. наиболее серьезным образом ударили именно по этой группе стран.

Влияние новой волны санкций на экономические отношения стран ЦВЕ с Россией.

Уход восточноевропейских компаний из России. В условиях геополитического кризиса массовый характер приобрел добровольный, т.е. напрямую не связанный с западными санкциями, политически мотивированный уход западных компаний с российского рынка. Наиболее полная информация об этих событиях собирается исследовательской группой Йельской школы менеджмента на основе как открытых источников и официальных сообщений компаний, так и инсайдерских данных [24]. На конец августа 2022 г. о добровольном сокращении деятельности в России сверх той, что запрещена санкциями, сообщило около 1140 компаний. Из них 87, то есть около 8%, – компании из стран ЦВЕ, главным образом из Польши (36) и Чехии (16), что примерно соответствует их доле в общем объеме прямых иностранных инвестиций в РФ. О сокращении инвестиций и остановке развития (но при сохранении значительной части бизнеса) на российском рынке объявили 8 компаний; 13 компаний отказались от большей части операций на рынке (сохраняя при этом присутствие в стране), 41 фирма временно свела практически к нулю почти все операции (но сохранила при этом возможность возврата на рынок), и полностью прекратили деятельность в России 25 компаний.

К числу компаний из последних двух категорий относятся, например, прекратившая все полеты в Россию Bulgarian Air и отказавшийся от любых операций с рублем болгарский Postbank; прекратившие поставки в Россию хорватские производители пищевых продуктов Podravka и Sardina, остановившая производство автомобилей в России и их экспорт в страну чешская Skoda, основные пивоваренные компании Чехии Budweiser Budvar, Staropramen, Plzeňský Prazdroj и др., крупные чешские производители тракторов Zetor и горнопроходческого оборудования T Machinery и ряд других.

Заморозили все российские экспортные контракты польская многонациональная корпорация KGHM Polska Miedź и ее дочерняя компания Zanam, выпускающая горнодобывающую технику, а также польский производитель машин для горнодобывающей промышленности и энергетики Famur и крупнейший в Польше производитель минеральных удобрений Grupa Azoty. Выставил на продажу свой бизнес в России один из крупнейших польских инвесторов в стране Cersanit (производство керамической плитки). Остановил выпуск автозапчастей российский филиал компании Bogyszew. Польская группа CCC, один из крупнейших в Европе производителей и ритейлеров обуви и аксессуаров, приостановила операции на российском рынке, а польский ритейлер и производитель одежды LPP (бренды Reserved, House, Cropp, Mohito и Sinsay)

продал российское подразделение китайскому консорциуму. Прекратили все транзакции в российских рублях польский банк Pekao и литовские Šiaulių bankas и OP Bank Lithuania.

Среди немногих компаний стран ЦВЕ, ограничивших свою деятельность на российском рынке, но сохранивших свое присутствие в стране, следует выделить польскую группу Polpharma BV, продолжающую производство в России на заводе ЗАО «Акрихин». Эта компания приняла решение ограничить поставки препаратов на российский рынок только педиатрическими препаратами, а также препаратами, используемыми в экстренных случаях или при лечении хронических заболеваний, отказавшись от поставок лекарственных средств, которые повышают качество жизни. Также резко ограничили свое взаимодействие с Россией польские нефтехимические гиганты PKN Orlen и Grupa Lotos, прекратив все танкерные закупки российской нефти.

Лишь несколько крупных компаний из стран ЦВЕ заявили о своем решении продолжить свой бизнес в России в обычном режиме («as usual»). В их числе – крупнейшая нефтегазовая компания Венгрии MOL Group, словенский производитель бытовой техники Gorenje, фармацевтические фирмы из Венгрии (Gedeon Richter) и Словении (Krka).

Среди причин, побуждающих иностранные компании уходить из России, обычно в качестве главной называют лишение возможности вывода из страны прибыли после объявленных российскими властями контрсанкций [2]. Однако на наш взгляд значительно более важным побудительным мотивом для компаний является сильное общественное давление, оказываемое на них в странах базирования. Поэтому в первую очередь уходят компании, для которых присутствие бренда в России может обернуться финансово значимым бойкотом потребителей их товаров и услуг, а если такие компании все же продолжают вести бизнес в России, то делают это, как правило, через дочерние структуры, дистрибьюторов и т.п. О значении этого фактора свидетельствует развернувшееся в ряде стран ЦВЕ, и в первую очередь в Польше, широкое движение потребителей за бойкот продуктов и услуг компаний, которые остаются на российском рынке.

Торговля с Россией. Торговый обмен стран ЦВЕ с Россией в I полугодии 2022 г. характеризовался разнонаправленной динамикой экспорта и импорта: на фоне быстрого роста стоимостных объемов импорта в результате скачкообразного повышения цен на энергоносители отмечалось сжатие экспорта (табл. 6). Это усилило тенденцию к увеличению отрицательного сальдо взаимной торговли.

События конца зимы – весны 2022 г. негативно сказались на динамике *импорта стран ЦВЕ из России*. Это в той или иной мере ощутили все страны, кроме Словении. Так, уже в марте и особенно в апреле – мае отмечалось абсолютное сокращение стоимостных объемов импорта из России в странах Балтии,

Польше, Румынии, Словакии и Чехии (при расчете месяц к месяцу). В феврале и апреле сокращение отмечалось также в Болгарии.

Таблица 6

Торговля стран ЦВЕ—членов ЕС с Россией в 1 полугодии 2022 г.

	Объем торговли в 1 полугодии 2022 г. в % к 1 полугодию 2021 г.		Сальдо торгового баланса, млн евро	
	Импорт из РФ	Экспорт в РФ	2021 г.	2022 г.
Болгария	247,4	99,3	-1043,7	-2877,8
Венгрия	259,5	67,4	-778	-3771,9
Латвия	126,1	109,1	102,3	-18,6
Литва	134,0	78,7	2,0	-935
Польша	160,6	67,3	-2678,4	-7799,6
Румыния	190,6	50,4	-815,8	-2240,8
Словакия	209,3	53,9	-1002,9	-3136,8
Словения	345,1	115,0	170,1	-381,3
Хорватия	179,6	78,6	-112,7	-290,8
Чехия	139,0	48,9	710,2	-730,2
Эстония	123,2	92,8	-585,0	-837

Источник: Eurostat, dataset EXT_ST_27_2020MSBEC.

В июне 2022 г. импорт из России в стоимостном выражении в странах Балтии и Польше был на 14–48% меньше, чем годом ранее, а в Чехии и Румынии лишь немного превысил уровень июня 2021 г. Вместе с тем ряд стран значительно нарастили закупки российских товаров. Особенно заметным их рост был в Хорватии, Венгрии и Словении, где стоимостной объем импорта в июне 2022 г. составил 282%, 342% и 640%, соответственно, к уровню июня предыдущего года. В основе этих тенденций лежала динамика стоимостного объема импорта минерального топлива, цены на которое в I полугодии 2022 г. резко подскочили³.

Импорт минерального топлива из России в натуральном выражении в период с марта по июнь 2022 г. сокращался во всех странах ЦВЕ, хотя и с разной интенсивностью (на протяжении трех и более месяцев – в Болгарии, Эстонии, Литве, Польше и Румынии). В целом за первое полугодие 2022 г. он наиболее значительно уменьшился в Латвии, где составил лишь 40% от уровня соответствующего периода предыдущего года. Меньше прошлогоднего был также натуральный объем импорта российского минерального топлива в Литве (63%), Эстонии (77%), Чехии и Польше (по 91%), а также в Словакии (96%). Примерно на уровне прошлого года он сохранился в Венгрии и Румынии, тогда как Словения, Хорватия и Болгария импортировали минерального топлива из

³ Мировая цена на нефть марки Brent выросла с июля 2021 г. по июль 2022 г. на 46,4%, а цены на природный газ на европейском рынке – более чем в четыре раза.

России в натуральном выражении даже больше, чем в первом полугодии 2021 г. – на 41%, 27% и 13% соответственно.

Несмотря на общую тенденцию к сокращению энергетического импорта из России, ни в одной из стран ЦВЕ, кроме Эстонии, оно не происходит сразу по всем трем основным энергоносителям – углю, нефти и газу (табл. 7).

Таблица 7

Индексы натуральных объемов импорта энергоносителей странами ЦВЕ–членами ЕС из России в I полугодии 2022 г. к I полугодию 2021 г. (в %)

	Уголь, кокс и брикеты	Нефть и нефтепродукты	Природный газ и газообразные горячие промышленные смеси
Болгария	139,4	152,5	78,8
Венгрия	119,1	211,3	57,0
Латвия	146,4	100,6	30,3
Литва	177,5	50,5	103,8
Польша	68,0	101,5	98,2
Румыния	104,9	139,9	30,5
Словакия	72,8	107,3	92,3
Словения	...	167,9	97,3
Хорватия	142,7	110,6	2,2
Чехия	37,8	114,8	43,9
Эстония	81,9	76,5	77,3

Примечание: данные по углю для Венгрии – за январь–март, для Словении отсутствуют, для Чехии – за январь–май, для Словакии – за январь–апрель; данные по газу для Хорватии за январь, март и апрель.

Источник: рассчитано авторами по: Eurostat, dataset DS-018995.

Так, в Хорватии резкое падение закупок российского природного газа (в связи с вводом в строй в 2021 г. терминала СПГ на о. Крк) было более чем компенсировано ростом импорта из России нефти и угля. То же относится к Словении, Болгарии, Венгрии и Румынии. В целом страны региона в наибольшей степени сократили импорт российского природного и сжиженного газа – в среднем на 35%, тогда как импорт угля большинство из них (кроме крупнейших покупателей – Польши, Чехии, Словакии, а также Эстонии) заметно нарастили, воспользовавшись отсрочкой введения эмбарго ЕС на его закупки в России. То же можно сказать и о нефти, импорт которой из РФ в страны региона в I полугодии 2022 г. вырос в среднем на 21% – очевидно, в преддверии вступления в силу нефтяного эмбарго. Сократили импорт нефти лишь две страны Балтии – Эстония и Литва.

Сокращение стоимостных объемов экспорта из стран ЦВЕ в Россию по итогам первого полугодия 2022 г. в основном пришлось на март и апрель, когда оно

отмечалось во всех странах региона, но особенно значительным было в Чехии, Румынии, Словакии и Польше (табл. 8). Это, по-видимому, было связано с реакцией государственных органов и общественности на события на Украине, а также с появлением многочисленных логистических и прочих препятствий для нормального осуществления торговых операций из-за введенных против России санкций. В мае–июне намечилось некоторое восстановление объемов поставок, что говорит о постепенной адаптации ведущих внешнеторговую деятельность хозяйствующих субъектов к новым условиям взаимодействия с Россией. Однако, по итогам полугодия только пяти странам удалось выйти на стоимостные объемы экспорта в Россию первой половины 2021 г., в других странах они остались значительно меньшими, особенно в Румынии, Чехии, Словакии и Польше.

Таблица 8

Стоимостные объемы экспорта из стран ЦВЕ–членов ЕС в Россию в I полугодии 2022 г.
(в % к соответствующему периоду 2021 г.)

	Январь	Февраль	Март	Апрель	Май	Июнь	Январь – Июнь
Болгария	106,8	91,2	75,7	134,1	105,5	121,4	102,5
Венгрия	121,5	91,0	64,5	62,0	117,2	156,9	71,6
Латвия	78,8	97,1	121,0	67,8	126,3	146,5	151,0
Литва	65,8	116,4	70,1	72,0	123,4	119,4	70,0
Польша	87,0	103,1	50,4	63,6	126,1	151,1	61,5
Румыния	118,0	85,8	39,9	29,1	295,4	55,0	19,3
Словакия	74,5	81,4	69,0	55,2	115,8	140,9	41,8
Словения	100,7	103,5	138,2	62,2	133,9	119,7	168,1
Хорватия	52,2	118,5	66,3	82,4	106,9	211,9	119,5
Чехия	109,2	82,8	32,6	80,6	118,5	145,2	33,3
Эстония	76,0	114,4	95,9	85,4	103,7	149,7	116,4

Источник: рассчитано по: Eurostat, dataset EXT_ST_27_2020MSBEC.

Перспективы восстановления отношений между странами ЦВЕ и Россией.

Экономический ущерб от санкционной войны грозит странам ЦВЕ, как и всей Европе, социальными потрясениями. Аномально высокие цены на топливо и энергию бьют не только по европейской промышленности, но и по реальным доходам граждан. Уменьшение объемов внесения удобрений вследствие сокращения их производства и импорта (в основном из-за логистических проблем) может привести к росту цен на продовольствие.

Экономические тяготы, которые ложатся на плечи граждан, вряд ли снизят напряженность в политических отношениях ЕС с Россией, заставят прекратить

санкционную войну и восстановить прежние экономические связи РФ с Европой, в том числе со странами ЦВЕ. Согласно результатам опроса Евробарометра, проведенного с 19 апреля по 16 мая 2022 г. в 27 странах-членах ЕС, отрицательное отношение к России всюду нарастает, и особенно ярко это выражено в странах ЦВЕ (табл. 9).

Таблица 9

Отношение к России в странах ЦВЕ–членах ЕС согласно опросам Евробарометра осенью 2018 г. и весной 2022 г.

	«Весьма положительное» и «Скорее положительное»		«Весьма отрицательное» и «Скорее отрицательное»		Затрудняюсь ответить
	IV–V. 2022	Прирост/сни- жение по срав- нению с X-XI.2018	IV–V. 2022	Прирост/сни- жение по сравнению с X-XI.2018	
ЕС-27*	10	–20	85	23	5
Болгария	49	–28	43	28	8
Словакия	20	–42	67	41	13
Латвия	19	–22	73	23	8
Словения	19	–29	76	29	5
Румыния	18	–42	76	44	6
Венгрия	17	–26	77	28	6
Эстония	16	–16	79	18	5
Хорватия	13	–51	81	47	6
Польша	9	–20	89	26	2
Чехия	9	–27	86	27	5
Литва	5	–37	91	37	4

* Результаты для ЕС получены путем взвешивания результатов по странам-членам с учетом численности населения.

Источник: [16. Р. ТА31].

Положительное восприятие России сохранилось только у 10% респондентов по сравнению с 30% в 2018 г., когда аналогичный опрос проводился в последний раз. Несмотря на то что четверо из десяти респондентов сказали, что уже испытывают давление на свой уровень жизни, 80% из них поддержали введение санкций против России [17].

Таким образом, очевидно, что кризис в отношениях России со странами ЦВЕ, как и со всей Европой, затянется. Большая часть европейцев, похоже, готова терпеть лишения, и это дает европейским политикам широкое поле возможностей для антироссийских действий. ЕС уже не ограничивается принятием официальных пакетов санкций, Брюссель призывает страны-члены

разрывать сотрудничество с Россией даже в сферах, которые под санкции не попали [4].

Литература

1. *Алифиров Е.* Хорватский нефтетранспортный оператор JANAФ приостановит прокачку нефти для сербской NIS. 29.03.2022. URL: <https://neftegaz.ru/news/transport-and-storage/731837-khorvatskiy-neftetransportnyy-operator-janaf-priostanovit-prokachku-nefti-dlya-serbskoj-nis/> (дата обращения 16.09.2022).
2. *Блинова О.* Шесть сценариев ухода // Компания. 21.06.2022. URL: <https://ko.ru/articles/shest-stsenarijev-ukhoda/> (дата обращения 29.08.2022).
3. *Витвицкий А.* "Газпром" снижает поставки по "Северному потоку". 27.07.2022. URL: <https://ria.ru/20220727/gaz-1805212292.html> (дата обращения 26.09.2022).
4. Захарова прокомментировала рекомендации Еврокомиссии странам ЕС. 18.06.2022. URL: <https://iz.ru/1351873/2022-06-18/> (дата обращения 16.09.2022).
5. *Игнатьева А.* Минэнерго Сербии изучает направления снабжения нефтью в обход JANAФ. 30.03.2022. URL: <https://neftegaz.ru/news/transport-and-storage/731948-mine-nergo-serbii-izuchaet-napravleniya-snabzheniya-neftyu-v-obkhod-janaf/> (дата обращения 16.09.2022).
6. *Красикова И.* "Грядет катастрофа". В Европе массово останавливаются крупнейшие заводы. 29.08.2022. URL: <https://ria.ru/20220829/zavody-1812363074.html> (дата обращения 27.09.2022).
7. Курорты пусты, отели заперты: стало известно, как санкции повлияли на туризм Европы. 15.06.2022. URL: <https://www.tourprom.ru/news/55776/> (дата обращения 27.09.2022).
8. *Мордюшенко О.* Европа перестает выпускать удобрения. 26.08.2022. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5526650> (дата обращения 27.09.2022).
9. *Полякова В.* Сербия с ноября не сможет импортировать российскую нефть из-за санкций ЕС. 14.06.2022. URL: <https://www.rbc.ru/politics/14/06/2022/62a8676b9a7947c06189b282> (дата обращения 15.09.2022).
10. Российский газ в Европе: страны — лидеры по объему закупок. 01.02.2022. URL: <https://ria.ru/20220201/gaz-1765279827.html> (дата обращения 06.08.2022).
11. *Свицкова Е.* Российские контрсанкции запрещают Газпрому использовать МГП Ямал-Европа. 12.05.2022. URL: <https://neftegaz.ru/news/transport-and-storage/737012-rossiyskie-kontrsanksii-zapreshayut-ispolzovat-gazpromu-mgp-yamal-evropu/> (дата обращения 16.09.2022).
12. *Abnett K.* EU countries rubber-stamp emergency gas cuts, Poland and Hungary oppose. 05.08.2022. URL: <https://www.reuters.com/business/energy/eu-countries-rubber-stamp-emergency-gas-cuts-poland-hungary-oppose-2022-08-05/> (дата обращения 26.09.2022).
13. *Astrov V. et al.* Russia's Invasion of Ukraine: Assessment of the Humanitarian, Economic and Financial Impact in the Short and Medium Term / WIIW Policy Notes and Reports 59, April 2022. URL: <https://wiiw.ac.at/russia-s-invasion-of-ukraine-assessment-of-the-humanitarian-economic-and-financial-impact-in-the-short-and-medium-term-dlp-6132.pdf> (дата обращения 02.10.2022).
14. *Castellum.Ai.* Russia Sanctions Dashboard. Current as of 30 November 2022. URL: <https://www.castellum.ai/russia-sanctions-dashboard/> (дата обращения 06.12.2022).

15. EU. Council Regulation (EU) 2022/576 of 8 April 2022 amending Regulation (EU) No 833/2014 concerning restrictive measures in view of Russia's actions destabilising the situation in Ukraine // Official Journal of the European Union. L 111. Vol. 65. 8 April 2022. P. 1–66. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=OJ:L:2022:111:FULL&from=EN> (дата обращения 21.09.2022).
16. Eurobarometer 97.3. EP Spring 2022 Survey: Rallying around the European flag - Democracy as anchor point in times of crisis. Brussels, European Union. June 2022. Data Annex. URL: <https://europa.eu/eurobarometer/surveys/detail/2792> (дата обращения 24.09.2022).
17. European Parliament. EU-Wide Survey: In face of Ukraine war, Citizens close ranks in support of EU. Press Releases. 22-06-2022. URL: <https://www.europarl.europa.eu/news/en/press-room/20220616IPR33222/eu-wide-survey-in-face-of-ukraine-war-citizens-close-ranks-in-support-of-eu> (дата обращения 24.09.2022).
18. Eurostat. Imports from Russia in gross available energy in 2020 (including Eurostat estimates). URL: https://ec.europa.eu/eurostat/documents/38154/4956229/EnergyMixDependency_ImportsRussia-10MARCH2022.xlsx/ (дата обращения 02.10.2022).
19. How will Europe cope if Russia cuts off its gas? // The Economist. Jan. 29, 2022.
20. *Mauricas Z.* Lithuania: Economic dependence on Russia // Nordea Research, 20 March 2014. URL: <https://corporate.nordea.com/api/research/attachment/7286> (дата обращения 18.08.2022).
21. Statista. Share of Russian products in total oil and petroleum product imports in the European Union (EU) and the United Kingdom (UK) in 2020, by country. March 2022. URL: <https://www.statista.com/statistics/1298031/dependence-on-russian-oil-in-the-eu-and-uk> (дата обращения 01.10.2022).
22. WIIW. Impressive Resilience is Unlikely to Last. Economic Forecasts for Eastern Europe for 2022-24. WIIW Monthly Report No. 7-8, July-August 2022. URL: <https://wiiw.ac.at/monthly-report-no-7-8-2022-p-6246.html> (дата обращения 30.09.2022).
23. WIIW. Summer Forecast: Eastern Europe's resilience likely to fade as war and inflation pressures mount. 06.07.2022 / Wiener Institut für Internationale Wirtschaftsvergleiche. URL: <https://wiiw.ac.at/summer-forecast-eastern-europe-s-resilience-likely-to-fade-as-war-and-inflation-pressures-mount-n-560.html> (дата обращения 28.09.2022).
24. Yale School of Management. Over 1,000 Companies Have Curtailed Operations in Russia – But Some Remain. URL: <https://som.yale.edu/story/2022/over-1000-companies-have-curtailed-operations-russia-some-remain> (дата обращения 27.08.2022).

Natalya Kulikova (e-mail: kulikova.home@gmail.com)

Ph.D. in Geography

Head, Center of Eastern European Studies

Institute of Economics, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

Irina Sinitsina (e-mail: Ira_Sinicyna@mail.ru)

Ph.D. in Economics

Leading Researcher

Institute of Economics, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

RUSSIA AND THE COUNTRIES OF CENTRAL AND EASTERN EUROPE: THE NEW “IRON CURTAIN”

The article deals with the problems associated with the participation of the countries of Central and Eastern Europe (CEE) in the economic sanctions imposed against Russia by the European Union, especially those related to the restriction of imports of Russian energy resources by these countries. The authors analyze the consequences of the sanction war for the economies of CEE countries, for the development of trade relations with Russia, including those resulting from the withdrawal of a number of CEE countries' companies from the Russian market. The prospects for the restoration of economic ties between the CEE countries and Russia in the medium term are considered.

Keywords: Central and Eastern Europe, European Union, Russia, economic sanctions, international trade, energy dependence.

DOI: 10.31857/S020736760023427-8

© 2022

Аркадий Мартынов

доктор экономических наук, главный научный сотрудник

Института экономики Российской академии наук (г. Москва, Россия)

(e-mail: socpolamv@mail.ru)

К НАЦИОНАЛЬНОЙ СТРАТЕГИИ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ

Дискуссионная статья касается проблемы ускорения перехода к устойчивому развитию в Российской Федерации. Для достижения разнородных целевых ориентиров устойчивого развития требуется консолидация совместных усилий ключевых субъектов. Это становится возможным, как следует из приведенной аргументации, посредством разработки и реализации индикативной национальной Стратегии, представляющей собой обоснованное позитивное и системное видение устойчивого развития как трансформации на обозримую перспективу.

Ключевые слова: устойчивое развитие, трансформация социальной системы, национальная стратегия, государственно-частное партнерство.

DOI: 10.31857/S020736760023428-9

Принятие ООН в 2015 году рамочной концепции устойчивого развития – Повестки2030 – повлияло на планы развития многих стран, в том числе и России.

Конечно, следует исходить из существующих реалий: продолжающийся военный конфликт на Украине и применение жестких санкций со стороны западных стран обусловили рецессию во многих экономических секторах. Однако в целом их воздействие на развитие отечественной экономики было, по всем оценкам, ограниченным [1]. Резонно полагать, что наблюдающийся временный экономический спад не станет барьером для будущих перемен в русле идеологии устойчивого развития [2]. Они могут быть реализованы, используя существующий ресурсный и человеческий потенциал, как и утвердившиеся институты своеобразно смешанной национальной экономики.

Существенная черта Повестки2030 заключается в целостном охвате важных составляющих социальной жизни. Вместе с тем в настоящее время в определенных общественных кругах приоритет отдается борьбе с изменением климата, и только в дальнейшем предполагается достижение других объявленных целей с использованием существующего арсенала средств, моделей и методов. Такой подход к разрешению климатической проблемы посредством экстраординарных решений неизбежно сопряжен с крупными затратами, обременительными для существующих национальных государств, и столь же огромными сопутствующими рыночными и иными издержками. Это утверждение в полной мере сочетается со скромными результатами недавнего мирового саммита в Глазго, на который возлагались очень большие надежды [3].

По нашему мнению, справедлив следующий аргумент. Улучшение состояния окружающей среды и относительная климатическая стабилизация зависят

от ожидаемого интегративного последствия позитивных сдвигов во всех областях трансформации общества как консолидированной социальной системы [4]. Особо значима зависимость экологических и климатических индикаторов от эффективности использования материальных ресурсов. В то же время сказанное, конечно, не ставит под сомнение исключительную значимость усилий непосредственно в области экологии и стабилизации климата, объективно реализуемых в относительно автономном режиме.

Ключевые субъекты устойчивого развития. Говоря о тенденции приближения к устойчивому развитию (УР) в последнее десятилетие, резонно акцентировать внимание на фундаментальном сдвиге, произошедшем в современном бизнесе. Он заключается в переходе от общих (часто называемых философскими) принципов корпоративной социальной ответственности к завоевавшим признание стандартам ESG (экология – социальная деятельность – управление). Эти новые стандарты непосредственно связаны с целями и задачами устойчивого развития, представленными в Повестке2030.

Нельзя не акцентировать внимание на обращение многих российских предприятий к ESG-приоритетам. Так, крупные компании делают ESG-повестку частью плана долгосрочного развития своего бизнеса, чтобы обеспечить инвестиционную привлекательность и получить потребные кредиты наряду с возможным специальным финансированием. В прошедшем 2021 году уже 30% компаний имели ESG-рейтинг и еще 13% намеревались его получить к 2024 году [5]. В настоящий момент стратегии подавляющего числа обследуемых компаний включают разделы, посвященные устойчивому развитию. Правда, только в 30% компаний ключевые индикаторы, характеризующие внедрение ESG-принципов, используются при определении вознаграждения сотрудников [6].

Есть основания полагать, что ESG повестка сохранится и будет распространяться в отечественном корпоративном бизнесе, несмотря на режим санкций. В значимой мере этот тренд обусловлен тесным и все более расширяющимся сотрудничеством российских компаний с азиатскими партнерами, ориентированными на достижение целей устойчивого развития в своей деятельности. В условиях резких изменений на энергетических рынках, в том числе вызванных введением углеродного налога в ЕС, и адаптации к санкциям крупный бизнес стоит перед необходимостью усиления инициатив по всем ESG-направлениям.

Одновременно ESG-повестка расширяется за счет вовлечения новых участников – предприятий малого и среднего бизнеса (МСП), которые являются поставщиками крупных компаний. Несмотря на общеэкономический спад, объем контрактов между крупными компаниями и субъектами МСП существенно вырос в текущем году [7]. Исследователи справедливо обращают внимание на потенциально высокий вклад существующего малого и среднего предпринимательства в достижение императивов устойчивого развития. Об этом, например, свидетельствует выбор потребителей в пользу экологически безупречных и эксклюзивных продуктов питания и предметов мебели, производимых индивидуальными предпринимателями. В ближайшей перспективе

прогнозируется успешная диффузия «зеленых» и, в частности, циркуляционных технологий в МСБ во многих регионах нашей страны. Правда, при оценке такого рода прогнозов следует учитывать сегментационную ограниченность развития рассматриваемого сектора, в основной своей части фактически зависящего от крупных корпораций.

Позитивный вклад в разрешение проблем устойчивости в разных секторах вносит и новый эко системный бизнес, функционирующий на принципах равноправия и транспарентности [8]. Так, результаты деятельности ряда крупнейших мировых корпораций (таких, как Тенсент, Микрософт и Амазон), которые теперь частично инкорпорируют в себя экосистемные бизнес-сети, во все большей степени соответствуют императивам устойчивости.

Вместе с тем, несмотря на сказанное, явная ошибка заключается в отведении рыночному бизнесу исключительной роли в обеспечении устойчивого развития. Конкретные производители, в том числе самые крупные, ориентированы на выполнение императивов УР главным образом в границах отдельных рыночных сегментов. Судя по реальному опыту, в России благотворительную (именно благотворительную!) деятельность крупного бизнеса на поприще финансирования проектов и мероприятий в области УР отличают ограниченные масштабы. Кардинальное увеличение этих масштабов противоречит целям максимизации финансовых результатов, сохранения и улучшения конкурентных позиций, остающихся главными для успеха современных корпораций на существующих рынках. По этой причине распространенное представление, касающееся «чудодейственной» роли крупного бизнеса в процессе системного перехода к устойчивому развитию, вызывает известное отторжение.

Ряд исследователей приводят аргументы в пользу того, что проблема координации решений ключевых субъектов в различных областях устойчивого развития остается далекой от разрешения (например, [9–12]). Исходя из внутренней логики интегративной концепции УР, можно утверждать: достижение целей УР возможно только при участии всего общества, а, значит, его представляющих субъектов общественной регуляции. Главным из них выступает само государство, роль которого как системного регулятора по-прежнему остается неоспоримой в случае предполагаемого сохранения институтов гибридного государственного капитализма в нашей стране. Без активного участия государственных агентств на всех трех системных уровнях – федеральном, региональном и местном – в необходимой мере не достижимы целевые ориентиры устойчивого развития в части индикаторов производства и потребления ресурсов, состояния социальных секторов и разрешения гуманитарных проблем.

Вместе с тем во многих случаях наиболее эффективными исполнителями строго адресных социальных проектов оказываются независимые негосударственные организации (НГО), хорошо адаптирующиеся к внешней локальной среде, человеческой и природной, в связи с чем их роль, очевидно, будет усиливаться.

Отметим, что нынешнее российское правительство, состав которого кардинально обновился три года назад, последовательно выступает проводником принятого долгосрочного курса в области декарбонизации экономики. Разработанная в прошлом году правительством рабочая программа «Цели и основные направления устойчивого (в том числе зеленого) развития Российской Федерации» конкретизирует этот курс [13].

Также нельзя обойти вниманием резко возросшую в последнее время активность правительств многих отечественных областей на поприще устойчивого развития [14,15]. Резонно упомянуть хотя бы о совместной реализации несколькими областями фронтального стратегического проекта "Волга – экологический прорывной регион ESG". Большой резонанс вызвало и заключение целым рядом регионов соглашений о сотрудничестве с крупнейшими российскими банками, касающегося выпуска региональных "зеленых" облигаций и использования сопутствующих банковских продуктов. По-видимому, произошел долгожданный сдвиг в политике региональных властей в сторону устойчивого развития. Весьма показательно, что национальное рейтинговое агентство с этого года начало присваивать ESG-рейтинги субъектам РФ.

Уместно добавить, что в городах ряда регионов, в частности, в Ленинградской области, происходят существенные подвижки в отношении улучшения экосоциальной среды [16]. Она во все большей мере соответствует условиям функционирования «умных городов» в их признанном понимании, сформулированном в Повестке2030.

Конечно, нельзя игнорировать широко распространенное мнение о том, что государство-«левиафан» неизбежно подавляет инициативу других экономических субъектов. Такова часто встречающаяся практика административного «выкручивания рук» частным предпринимателям, особенно в провинциальных регионах, де-факто после заключения договоров о хозяйственном партнерстве. В такой ситуации рыночные и социальные предприниматели оказываются не заинтересованными в эффективном деловом сотрудничестве с государственными органами. Тем более, исходя из императивов устойчивого развития применительно к экономической деятельности.

Тем не менее выход из положения, на наш взгляд, существует. Использование широких ресурсных и институциональных возможностей в настоящих условиях преобладания государственного патернализма позволяет достигнуть сотрудничества между основными субъектами, приносящего желаемый синергетический эффект. Решающее значение при переходе к устойчивому развитию приобретает совершенствование механизмов взаимодействия экономических агентов государства, рыночных и социальных предпринимателей.

В первую очередь представляется необходимым использование эффективного механизма государственно-частного партнерства (ГЧП). Так, продолжительный практический опыт во всем мире подтверждает ключевое

значение ГЧП в выполнении экологических, инфраструктурных и многих других проектов в области устойчивого развития [17,18].

В России в настоящее время внедряется система оценки качества и сертификации инфраструктурных проектов, осуществляемых в форме государственно-частного партнерства, именно с позиции соответствия ESG-стандартам. Кроме того, механизм участия государства в долевым финансировании предполагается использовать для выполнения целой серии климатических проектов по снижению выбросов парниковых газов.

В данной связи нельзя обойти вниманием причины, препятствующие использованию ГЧП для выполнения экологических и других проектов в области устойчивого развития [18]. Справедливым представляется заключение: действующие правовые нормы законов, регулирующие деятельность ГЧП на федеральном и региональном уровне, нуждаются в серьезном улучшении, направленном на снижение давления интересов публичного партнера [20]. Тогда станет реальным достижение «ценностной гармонии» участников соглашений ГЧП [21]. В результате масштабы и эффективность их деятельности могут кардинально увеличиться.

Особенно велик потенциал расширения публично-частных партнерств, функционирующих в рамках локальной, местной экономики, о чем свидетельствует успешный опыт многих стран, особенно Скандинавии и Юго-Восточной Азии.

Нам представляется, что большую значимость в этой связи будет иметь коренное реформирование на демократических принципах местного самоуправления (МСУ) как института самоорганизации граждан в целях самостоятельного решения вопросов местного значения. Настала пора институционализации, прежде всего в части правового режима, коллективных действий граждан, направленных на обеспечение занятости и повышение благосостояния, улучшение качества жизни и поддержание благоприятной природной среды в рамках местного сообщества.

Первоочередной результат такого реформирования, опираясь на подготовленный в 2022 году Новый Федеральный закон [22], призван выразиться в предоставлении полноценной экономической и финансовой самостоятельности органам МСУ, формируемым в результате прямых муниципальных выборов. Тогда они будут заинтересованы в эффективном партнерстве с частным бизнесом и социальными предпринимателями на поприще УР именно на локальном уровне в соответствии с передовой мировой практикой.

По сути дела, на локальном уровне государственные организации призваны будут выступать в роли публичных инвестиционных компаний, предоставляя на соревновательной основе частному бизнесу – в основном, индивидуальным предприятиям по своему юридическому статусу – прямые инвестиции, займы

и гарантии по кредитам. Таким путем фактически будет обеспечиваться самозанятость населения, неиспользуемый потенциал которой в настоящее время очень велик. Как следствие, может быть частично разрешен столь важный в настоящее время вопрос достижения уровня нормальной занятости в отдаленных регионах и в небольших городах.

О целесообразности разработки национальной стратегии устойчивого развития. Основываясь на рамочной концепции Повестки2030, достижимо системное видение трансформации общества, с учетом набора целей УР, определенных на перспективу. Во многих странах в острый период Пандемии наблюдался регресс с точки зрения приближения к этим целям. В настоящий момент после преодоления пика Пандемии возникает потребность в радикальных, совсем не эволюционных подвигах по всем основным направлениям устойчивого развития в рамках социальной системы определенной страны [23]. Такой целостный сдвиг становится возможным только при условии выявления значимых каузальных связей между признанными целевыми индикаторами устойчивого развития (ЦУР).

Было бы неправомерным преуменьшать сложность проблемы одновременного достижения различных ЦУР, принимая во внимание эффекты как дополнения (*complementarities*), так и замещения (*trade-off*) между трансформационными процессами приближения к ним. Так, увеличение сельскохозяйственной продукции, направленное на преодоление бедности, посредством повышения производительности и культивации земель часто приводит к сокращению лесных ресурсов и биоразнообразия. В свою очередь, повышение энергоэффективности за счет использования воспроизводимых ресурсов может быть, как свидетельствует множество примеров, связано с ухудшением состояния территориальных экосистем и водного баланса.

В контексте сказанного, широко принятый подход к изолированному исследованию траекторий приближения к отдельным 17 целям и корреспондирующих с ними 169 задачам Повестки2030 вызывает критику (например, [24,25]). Он сопряжен с фрагментарным видением процессов приближения к устойчивой трансформации в той или иной стране с позиции общесоциальной системной устойчивости: по сути, вопрос о степени приближения национального развития к устойчивой общесоциальной трансформации фактически выпадает из поля зрения.

Определенно, для проектирования устойчивого развития как трансформации требуется принимать в расчет принципиальные различия между ЦУР с точки зрения зависимости степени их достижения от действий ключевых субъектов – требуется реализация целого ряда различных каузальных прикладных моделей, отражающих специфическое сочетание действий этих субъектов. Таким путем может быть достигнуто «наведение» действий субъектов УР на желаемые целевые ориентиры, с учетом упомянутых эффектов взаимного дополнения и замещения процессов приближения к ним. Вопреки популярным представлениям, разрешение этой сложной задачи посредством спонтанного

применения ESG-стандартов и обычных рыночных регуляторов не представляется достижимым: при действии сугубо рыночных механизмов с высокой вероятностью необходимые диапазоны пропорций между различными направлениями устойчивого развития будут нарушены.

В силу высказанной аргументации целесообразна разработка индикативной национальной Стратегии, представляющей собой обоснованное позитивное и притом системное видение устойчивого развития как трансформации на обозримую перспективу. Стоит заметить, что в настоящее время национальные стратегии устойчивого развития приняты только в нескольких странах—Германии, Швейцарии и Канаде [26–28]. Однако их число может существенно увеличиться в ближайшие годы после преодоления пика Пандемии, принимая во внимание, по крайней мере, подготовку всесторонних национальных докладов о реализации ЦУР в широком числе стран.

В Стратегии призваны быть представлены оптимистичные и в то же время реально достижимые целевые ориентиры приближения к траектории УР по всем значимым направлениям. Для этого потребуется обновление существующих правительственных прогнозов и программ.

Как известно, Россия входит в десятку стран, которые производят наибольшее количество выбросов парниковых газов, как в абсолютном выражении, так и на душу населения. Исходя из такой ситуации, по мнению многих экспертов, явно неприемлемо сокращение загрязняющих выбросов к 2030 г. только на 4% в сравнении с 2019 г. согласно последним проектировкам Минэкономки. По-видимому, в ближайшем будущем целесообразным станет введение специального углеродного налога, подобному действующему в ЕС. Альтернативное решение – внедрение механизма торговли квотами на выбросы парниковых газов, как в Китае. Однако такой механизм, стоит заметить, не подходит в обозримой перспективе для отсталых российских регионов.

Также в кардинальном пересмотре нуждаются прежние проектировки энергопотребления и его структуры. До сих пор Россия остается третьим крупнейшим потребителем энергии в мире, а потери электроэнергии составляют до 50% ее использования. Ожидаемые экспортные потери России составят в лучшем случае десятки миллиардов долларов вследствие беспрецедентного перехода развитых стран мира к низкоуглеродной, а в дальнейшем к безуглеродной экономике [29]. Для их компенсации необходимо скорейшее достижение показателей энергоэффективности передовых стран, сопровождаемое максимально возможным увеличением использования воспроизводимых энергетических ресурсов на базе новейших удешевляющих технологий. Формат системной национальной стратегии как раз позволяет адекватно представить эффективную модель грядущего энергетического перехода как результата взаимодействия государственных агентств и бизнеса, так и реализации технологических инноваций с учетом всех значимых межсекторных связей.

Исходя из обновленных проектировок, в Стратегии должны быть обоснованы ключевые решения по поддержке различных многочисленных проектов по преодолению климатических ухудшений, инициированных Парижским соглашением по климату 2016 года. То же касается экологических региональных проектов.

Координирующая роль национальной Стратегии устойчивого развития. Определенно, в процессе разработки Стратегии следует в первую очередь принимать в расчет фундаментальную дивергенцию между группами ЦУР. По нашему представлению, целесообразна реструктуризация ЦУР, по крайней мере, по пяти консолидированным группам. Первую группу представляют специфические цели (целевые ориентиры) производства и потребления ресурсов. Вторую группу – целевые макроориентиры устойчивого производства и распределения ресурсов (материальных, нематериальных, денежных в виде доходов и капитала), притом удовлетворяющие необходимым балансовым ограничениям. Экологические и климатические цели составляют третью группу. Четвертая группа охватывает косвенно измеримые цели и задачи устойчивого развития социального, над-экономического значения. Наконец, последняя группа включает неизмеримые, сугубо гуманитарные индикаторы. Разумеется, взаимосвязи между различными целями и задачами призваны быть непосредственно инкорпорированы в упомянутые модели.

Наше исходное предположение: специфические и макроцели выступают структурообразующими в отношении всех остальных признанных ЦУР. Вполне понятны аргументы в пользу этого утверждения как бы от противного.

Во-первых, неудовлетворительное приближение к целям устойчивого производства и потребления, как и к макроцелям, фактически делает крайне проблематичным решение большинства задач в области экологии и стабилизации климата. Потребная нагрузка на бюджет государства оказывается слишком обременительной.

Во-вторых, невыполнение структурообразующих ЦУР однозначно сопряжено с избыточными материальными издержками, инвестициями и затратами на воспроизводство человеческого капитала для достижения целей, касающихся устойчивого образования, здравоохранения, культурного досуга, и тем более, сугубо гуманитарных целей. В пользу сказанного косвенно свидетельствуют международные страноведческие сопоставления. Так, в Германии и Швейцарии в сравнении с Францией и Австрией степень достижения структурообразующих ЦУР существенно выше, что коррелирует с гораздо более низкой бюджетной нагрузкой на социальные цели [30].

Эскизная рамочная модель достижения структурообразующих, специфических и макроцелевых, ориентиров УР представлена на объемном рис. 1. Сфокусируем внимание только на нескольких моментах.

Первый момент. Необходимо особо учитывать объективную автономность происходящих технологических перемен, как и демографических и климатических

изменений. Весомость этих относительно экзогенных драйверов достижения ЦУР по всем признакам кардинально возросла.

Второй момент. Следуя трансформационной парадигме, достижение траектории устойчивого производства и потребления ресурсов во всей социальной системе предполагает ее качественный переход во времени и пространстве относительно исходного состояния. Такой переход неизбежно связан с внутрисистемными и надсистемными сдвигами. И в конечном итоге, эти системные сдвиги призваны выступать также драйверами достижения специфических ЦУР в соответствии с Повесткой 2030.

Третий момент. Хорошо известны аргументы в обоснование основных наднациональных системных сдвигов, требуемых для перехода к УР. Единственно, хотелось бы акцентировать внимание на безотлагательной необходимости долговременного разрешения проблем целого ряда стран. В результате должны быть элиминированы грандиозные миграционные потоки и другие процессы, оказывающие сильное дестабилизирующее воздействие на весь мировой социум.

Четвертый момент. Инициативная роль корпоративного бизнеса, как и независимого малого и среднего бизнеса, в достижении устойчивого производства и потребления ресурсов не вызывает сомнений. Также трудно поставить под вопрос важный и позитивный вклад в реализацию императивов УР, который уже сейчас вносит экосистемный бизнес, функционирующий на принципах прозрачности. В то же время, значимость общественной регуляции для приближения к специфическим ЦУР, особенно за границами рыночных секторов, остается первостепенной.

Исходя из сказанного, принципиальное значение будет иметь инкорпорирование в Стратегию дополнительных макроцелей в качестве первоочередных. Они представимы индикаторами распределения финансовых ресурсов и капитала, потенциала занятости и численности трудового миграционного потока. Частично эти целевые ориентиры, стоит заметить, присутствуют в обновленной Стратегии устойчивого развития Германии [26].

Особо важную проблему, нельзя не отметить, представит обеспечение сбалансированности обновленного расширенного круга макроиндикаторов устойчивого развития. Возникнет необходимость применения усовершенствованной процедуры их согласования. Такая процедура давно апробирована в ЕС [31]; определено целесообразно заимствование этой практики и в нашей стране. Резонно надеяться, что следствием автоматизации и цифровизации станет достижение системного синтеза информации разных уровней и тем самым кардинальное ослабление информационных изъянов большинства сегментов рыночной и иной предпринимательской деятельности. Тогда станет целесообразным инкорпорирование в Стратегию в качестве целевого ориентира ключевого (с позиции долгосрочного

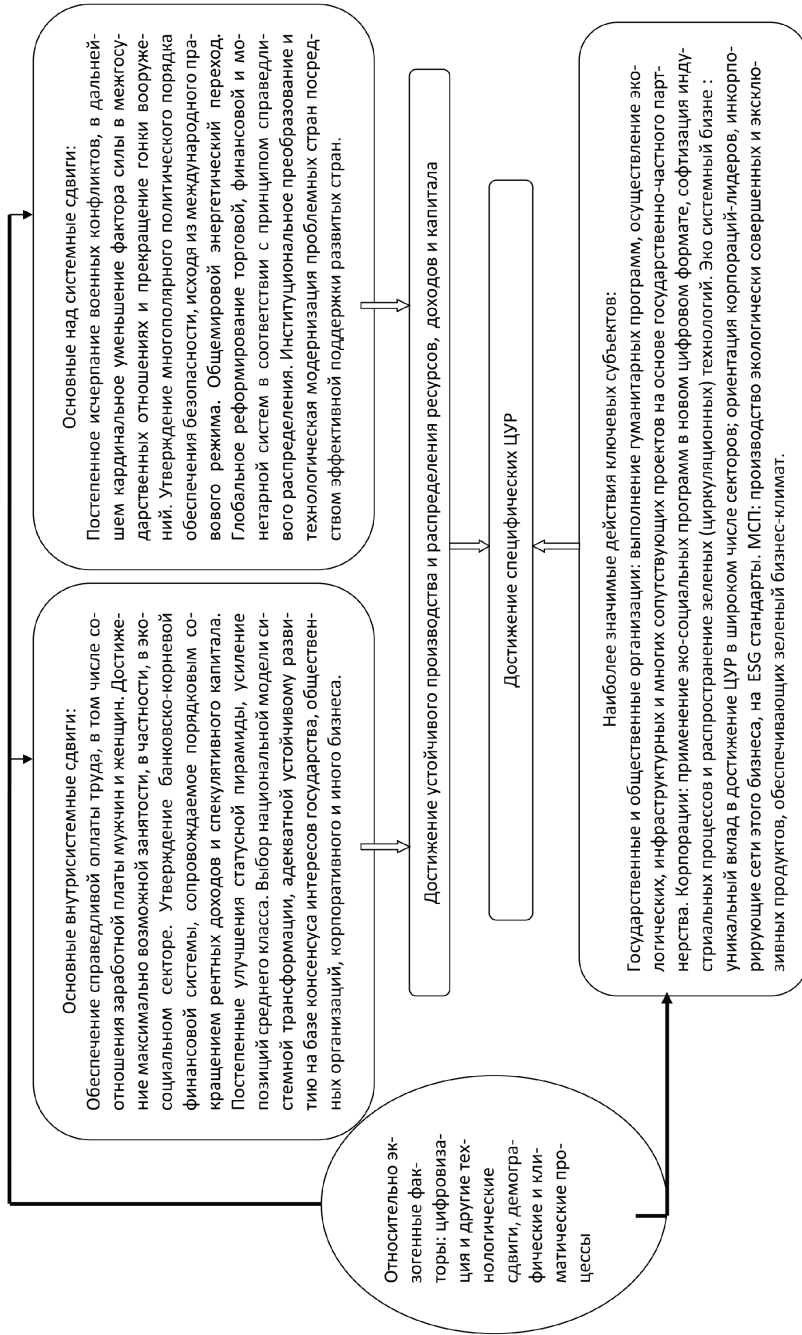

Рис. 1. Драйверы достижения специфических и макроцелей УР на национальном уровне: рамочный эскиз

Источник: интерпретация автора.

национального программирования) индикатора долгосрочного потенциального выпуска, в том числе в секторном и региональном измерениях. Именно этот индикатор адекватно отражает условия сбалансированного распределения (аллокации) ресурсов относительно основных факторов выпуска (производительного капитала, труда и инноваций) с учетом реальных рыночных характеристик (в их числе неполной эластичности заработной платы, относительной жесткости цен и др.) [32]. Столь же важный дальнейший шаг заключается в инкорпорировании вилочных индикаторов устойчивого распределения доходов и капитала, исходя из влияния этих процессов на долгосрочный потенциальный выпуск и его основные составляющие.

Предлагаемый подход к реструктуризации и расширению состава ЦУР позволяет отразить каузальные связи между ними, которые необходимо принимать в расчет при проектировании будущих траекторий устойчивого развития. Тогда в полной мере такое проектирование будет выступать органичным звеном прогнозов / программ (планов) национального экономического и социального развития в соответствии с внутренней логической последовательностью их разработки. На этой основе становится возможным проектирование всего широко спектра процессов, опосредующих переход к устойчивому общесоциальному развитию как системной трансформации [23].

Доминирующее влияние драйверов достижения специфических и макроцелей на приближение к 3ЦУР, 4ЦУР and 5ЦУР с учетом действий ключевых субъектов отражено на рис. 2. Фактически речь идет о двухстадийном проектировании достижения этих трех групп «ведомых» целей.

Следуя представленному подходу, последовательное проектирование процессов достижения ЦУР предполагает адекватную оценку эффектов дополнения и замещения между индикаторами приближения к ним. Тогда в ходе разработки национальной стратегии устойчивого развития станет реальным согласование проектируемых траекторий достижения ЦУР (рис.3).

Также разработка Стратегии открывает возможность для эффективной долгосрочной координации бюджетного финансирования и индикативных долгосрочных инвестиционных программ по отдельным направлениям устойчивого развития.

Особо важный вопрос заключается в изыскании источников бюджетного финансирования, в решающей мере направленного на достижение гуманитарных целей и приближение к императивам устойчивости в сферах образования, здравоохранения и социальной инфраструктуры (включаяющей сектор культуры) [33]. Вследствие усилившихся бюджетных ограничений, по-видимому, становится необходимым сокращение до минимума неэффективных бюджетных ассигнований и перенаправление освободившихся бюджетных ресурсов на решение задач по обозначенным направлениям УР.

Как показывает международный опыт, для успешного развития зеленой экономики и связанного с ней сектора устойчивого финансирования

возникает потребность в выработке четко и эффективно скоординированной государственной политики привлечения частных капиталов. Долгосрочное проектирование решений, обеспечивающих взаимное дополнение инвестиций ГЧП, корпоративного бизнеса и МСП в зеленую экономику, достижимо именно в рамках национальных Стратегий.

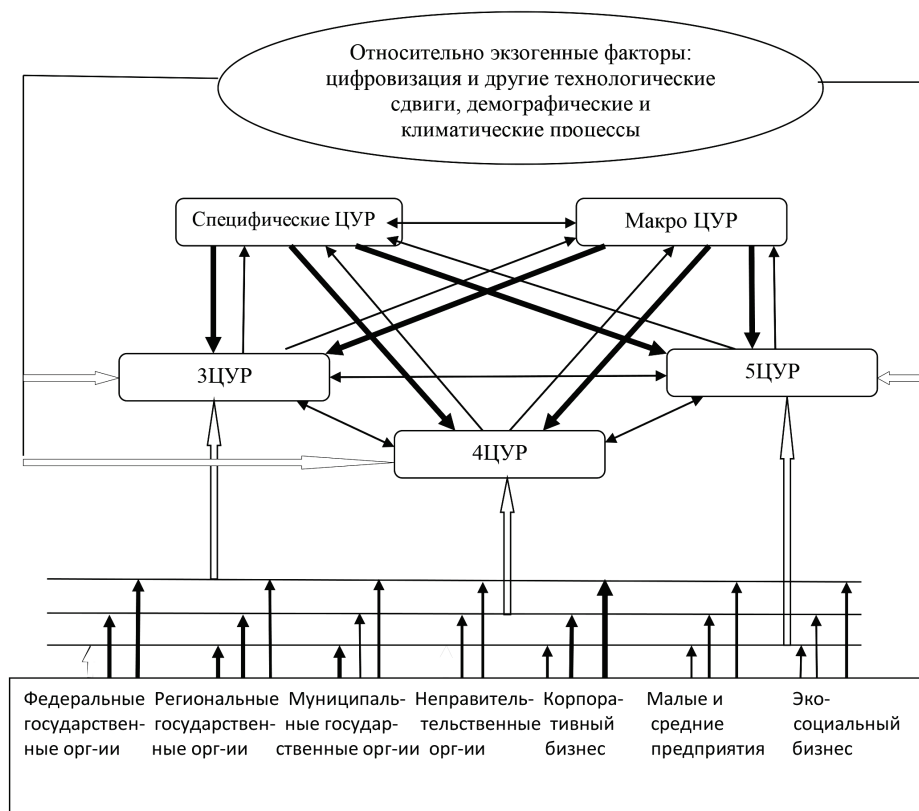

Рис. 2. Приближение к 3ЦУР, 4ЦУР и 5ЦУР: рамочный эскиз^{*)}

^{*)} Относительная значимость действия субъекта по приближению к определенной группе ЦУР отражается толщиной направленной линии-стрелки.

Источник: интерпретация автора.

Добавим, что немалый резерв для ускорения приближения к энергетическим, экологическим и климатическим императивам УР состоит в кардинальном сужении «коричневого» строительства, охватившего все российские регионы в настоящий момент. Для замещения его значительной части на «зеленое», экологически выверенное, возникли большие возможности, которые могут быть реализованы в короткие сроки. Речь идет, заметим, не только о строительстве многоквартирных домов в соответствии с «зеленым» стандартом, получившим

недавно широкое признание в нашей стране. Интенсивное использование экологических конструкционных материалов вкупе с вторичными и воспроизводимыми материалами, как и новейшими ресурсосберегающими технологиями, вполне достижимо также при строительстве различных инфраструктурных и промышленных объектов.

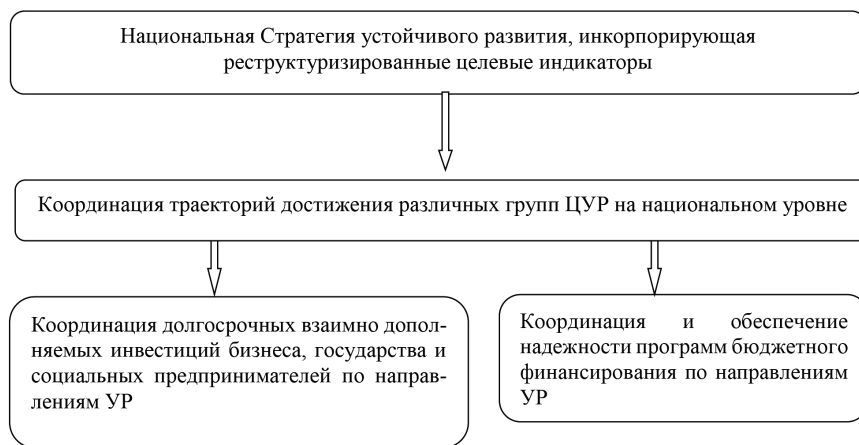

Рис. 3. Координирующая роль национальной Стратегии устойчивого развития

Источник: интерпретация автора.

Конечно, разработку Стратегии не следует воспринимать как панацею для разрешения всех отечественных проблем. Она призвана быть органично вписана в процесс принятия долгосрочных политических решений в широком их понимании.

Так, крайне актуальной проблемой станет обоснование взаимосвязей стратегии устойчивого развития России с другими автономно разрабатываемыми стратегиями (концепциями) на долгосрочную перспективу. В их числе – внешнеполитической стратегией и стратегией национальной безопасности, военной доктриной, долгосрочной политикой социального обеспечения, демографической и миграционной стратегиями. Также потребуются согласование, по крайней мере, на экспертном уровне, узловых стратегических решений в отношении императивов устойчивого развития, с одной стороны, и дальнейшего институционального реформирования экономических и социальных секторов, принятых программ в области цифровизации и автоматизации, регулирования занятости, с другой.

Организационный механизм реализации Стратегии. По всей видимости, исходная разработка Стратегии призвана быть возложена на Межведомственную

правительственную комиссию по устойчивому развитию. В ходе работы комиссии должно быть достигнуто тесное взаимодействие между различными министерствами и агентствами и тем самым согласование их проектировок по всем направлениям устойчивого развития.

Параллельно возникнет потребность в создании объединенного Парламентского совещательного Совета по устойчивому развитию. В его задачи будет входить подготовка экспертных заключений и рекомендаций (включая материалы для обсуждения) по итогам обсуждений в комиссиях Совета Федерации и Государственной думы, касающихся значимых аспектов устойчивого развития. В первую очередь речь идет о приближении к императивам устойчивости в бюджетной политике, социальном обеспечении, городском и сельском развитии.

Кроме того, для обеспечения продуктивного взаимодействия всех заинтересованных сторон в ходе перехода к УР более чем своевременным становится создание специального общественного Совета с участием представителей Правительства, министерств и ведомств. Он должен объединить авторитетных представителей всех звеньев бизнес сообщества, как и неправительственных организаций, в их числе СМИ. Деятельность Совета должна быть направлена на взаимодействие с федеральными и региональными государственными органами, как и на поддержку поисковых проектов по перспективным направлениям УР с учетом региональных особенностей. Особое значение будет иметь активное участие научного сообщества в деятельности Совета. Формат Совета позволит вести диалог представителей государственных организаций с широким числом признанных научных исследователей, представляющим различные дисциплины. Этот диалог призван выразиться в рекомендациях по обновлению национальной Стратегии устойчивого развития.

Литература

1. Прогноз социально-экономического развития РФ на 2023 год и на плановый период 2024 и 2025 годов. URL: https://www.economy.gov.ru/material/file/ea2fd3ce38f2e28d51c312acf2be0917/prognoz_socialno_ekonom_razvitiya_rf_2023-2025.pdf
2. *Пешков А., Микрюков Г.* Задачи устойчивого развития в условиях экономической турбулентности остаются актуальными / Российская Газета, специальный выпуск. 18 октября 2022. URL: <https://rg.ru/gazeta/rg-spec/2022/10/18/8.html>
3. Was COP26 in Glasgow a success? 2021. The Economist. Available at: <https://www.economist.com/international/2021/11/14/was-cop26-in-glasgow-a-success>
4. *Мартынов А.* Об идеологии будущего мирового прогресса // Общество и экономика. 2018. № 11. С. 5–24. URL: <https://oie.jes.su>
5. *Катасонова Ю., Митрофанов П.* Будущее рынка устойчивого финансирования: сохранить и усилить национальную экспертизу // РА Эксперт, 30 марта 2022. URL: <https://raexpert.ru/2022/03/30/katasonova-yu-mitrofanov-p-budushchee-rynka-ustoychivogo-finansirovaniya-sohranit-i-usilit-natsionalnuyu-ekspertizu/>
6. Национальное Рейтинговое Агентство. ESG-рэнкинг российских компаний промышленного сектора. Сентябрь 2022.
7. Малые и средние предприятия с начала года выступили поставщиками почти в половине закупок госкомпаний / Ведомости. 24 октября 2022.

8. Третьякова Е., Фрейман Е. Экосистемный подход в современных экономических исследованиях // Вопросы управления. 2022. № 1. С. 6–20.
9. Tosun, J., & Leininger, J. 2017. Governing the Interlinkages between the Sustainable Development Goals: Approaches to Attain Policy Integration. *Global Challenges*, 1, 9: 1700036. URL: <https://doi.org/10.1002/gch2.201700036>
10. Nilsson M., Chisholm E., & Griggs D. 2018. Mapping interactions between the sustainable development goals: lessons learned and ways forward. *Sustainability Science*, 13:1489–1503. URL: <https://doi.org/10.1007/s11625-018-0604-z>
11. Feola J., & Jaworska S. 2019. One transition, many transitions? A corpus-based study of societal sustainability transition discourses in four civil society’s proposals. *Sustainability Science*, 14:1643–1656. URL: <https://doi.org/10.1007/s11625-018-0631-9>
12. Pham—Truffert M., Metz F., Fischer M., Rueff H., & Messerli P. 2020. Interactions among Sustainable Development Goals: knowledge for identifying multipliers and virtuous cycles. *Sustainable Development*, 28, 5: 1236–1250. DOI: 10.1002/sd.2073
13. Цели и основные направления устойчивого (в том числе зеленого) развития Российской Федерации. 2021 (распоряжение от 14 июля 2021 года № 1912-р). URL: <https://government.ru/docs/42795>
14. Калмацкий М. Российские регионы внедряют принципы устойчивого развития / Российская Газета, специальный выпуск. 18 октября 2022. URL: <https://rg.ru/gazeta/rg-spec/2022/10/18/8.html>
15. Феgefин А., Пастухова Е., Комкова Н., Шампуров И. ESG повестка в регионах: есть ли перспективы? 25 октября 2022. URL: <https://plus-one.ru/ecology/2022/10/25/esg-povestka-v-regionah-est-li-perspektivy>
16. Турских Т., Галиева Г. ESG-оценка развития российских городов: новые условия – новые задачи для территорий. Эксперт РА. Июль 2022. URL: <https://rosinfra.ru/files/analytic/document/151fd2c66265dcc58547618b3cc90199.pdf>
17. Ríos I. D.L., Ortuño M., Rivera M. Private-public partnership as a tool to promote entrepreneurship for sustainable development: WWP Torrearte experience // Sustainability. 2016; 8(3):199. DOI: 10.3390/su8030199
18. Mouraviev N., Kakabadse N.K. Public–private partnerships in Russia: dynamics contributing to an emerging policy paradigm // Policy Studies Journal. 2014; 35(1):79–96.
19. Седаш Т.Н., Тютюкина Е.Б. Государственно-частное партнерство как инструмент формирования новой климатической экономики // Экономика. Налоги. Право. 2021. № 4. С. 96–102. DOI: 10.26794/1999-849X-2021-14-4-96-102
20. Запорожан А.Я. Проблемы формирования и перспектива развития государственно-частного партнерства в России // Власть и экономика. 2017. № 4. С. 64–71. DOI: 10.22394/1726-1139-2017-4-65-72
21. Бедняков А.С. Государственно-частное партнёрство как модель развития публичной инфраструктуры // Вестник МГИМО-Университета. 2022. № 1, С. 143–173. DOI:
22. Законопроект № 40361-8 «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти». URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/40361-8>
23. Мартынов А. Эволюция и устойчивое развитие: в чем заключается различие? // Общество и экономика. 2021. №10. С. 5–19. URL: <https://oie.jes.su/s020736760017256-0-1>.
24. Sachs J., Schmidt-Traub G., Kroll C., Lafortune G., Fuller G. 2021. Sustainable Development Report 2021 // New York: Bertelsmann Stiftung and Sustainable Development Solutions Network. Available at: <https://sdgindex.org/reports/sustainable-development-report-2021/>

25. TWI2050 - The World in 2050. 2019. The Digital Revolution and Sustainable Development: Opportunities and Challenges // Laxenburg: International Institute for Applied Systems Analysis. DOI: 10.22022/TNT/05-2019.15913. Available at: <https://pure.iiasa.ac.at/15913>
26. German Sustainable Development Strategy. 2021. Update // Berlin: The Press and Information Office of the Federal Government.
27. 2030 Sustainable Development Strategy. 2022. The Federal Council. Available at: <https://www.eda.admin.ch/agenda2030/en/home/strategie>
28. A federal sustainable development strategy for Canada 2019–2022. 2019. Government of Canada. Available at: https://www.fsds-sfdd.ca/downloads/FSDS_2019-2022
29. Fostering Effective Energy Transition. 2022 Edition. World Economic Forum. Available at: https://www3.weforum.org/docs/WEF_Energy
30. Europe Sustainable Development Report. 2021. Online database. Available at: <https://eu-dashboards.sdgindex.org/downloads>
31. Alert Mechanism Report 2022. 2021. European Commission. Available at: <https://ec.europa.eu/info/publications/2022-european-semester-alert-mechanism-report>
32. *Мартынов А.* Устойчивый прогресс как результат обще социальной трансформации // Общество и экономика. 2021. № 1. С. 100–120. DOI:10.31857/S020736760013405
33. United Nations, Inter-agency Task Force for Development. 2022. Financing for Sustainable Development Report // N.Y.: United Nations. <https://developmentfinance.un.org/fsdr2022>.

Arkady Martynov (e-mail: socpolamv@mail.ru)

Grand Ph.D. in Economics, Professor, Chief Researcher,
Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences (RAS)
(Moscow, Russia)

ON THE NATIONAL STRATEGY OF SUSTAINABLE DEVELOPMENT

The article deals with a disputable problem of accelerating the transition to sustainable development in the Russian Federation. Achieving heterogeneous sustainable development targets requires the consolidation of joint efforts of the key actors. This becomes possible, the author maintains, through the development and implementation of an indicative national Strategy, which presents a reasonable positive and systematic vision of sustainable development as a transformation path to the foreseeable future.

Keywords: sustainable development, transformation of the social system, national strategy, public-private partnership.

DOI: 10.31857/S020736760023428-9

© 2022

Игорь Николаев

доктор экономических наук, главный научный сотрудник
Института экономики Российской академии наук (г. Москва, Россия)
(e-mail: nikolaev1806@mail.ru)

ОТРАСЛИ РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКИ И ФОРМИРОВАНИЕ ЕЕ НОВОЙ МОДЕЛИ В КРИЗИС, СВЯЗАННЫЙ С ПАНДЕМИЕЙ COVID-19

Отрасли российской экономики по-разному проходили кризис, вызванный пандемией COVID-19, начавшейся в 2020 году.

Анализ финансовых показателей отраслевого уровня (прибыли, рентабельности, коэффициента автономии и др.) позволяет объективно оценить отрасли (виды экономической деятельности) и сделать более обоснованные выводы о том, какие из них «чувствовали себя» лучше с точки зрения демонстрируемых показателей, какие – хуже, и как меняется отраслевая модель российской экономики.

Ключевые слова: отрасли российской экономики, финансовые показатели, прибыль, рентабельность.

DOI: 10.31857/S020736760023429-0

Пандемия COVID-19 еще официально не закончилась, Всемирная организация здравоохранения пока не сделала на этот счет соответствующих заявлений. Однако по всем признакам (и все человечество на это очень надеется) это серьезнейшее испытание для него близится к завершению.

Для экономики пандемия COVID-19 тоже была сильнейшим стрессом, от которого она еще не оправилась. Казалось бы, по завершении 2022 года можно подводить итоги того, как экономика пережила кризис, связанный с пандемией COVID-19. Объективный экономический анализ требовал бы именно такого подхода. Однако в 2022 году произошли такие серьезные события, которые по силе своего воздействия на экономику оказали и будут оказывать влияние не меньшее, чем пандемия COVID-19.

События эти обусловлены острейшим геополитическим кризисом, связанным с Украиной, вследствие которого один форс-мажорный крайне негативный фактор (пандемия COVID-19) наложился на другой (украинский кризис). И тот и другой факторы влияли на экономику в 2022 году. Причем если фактор пандемии COVID-19 постепенно утрачивал в течение 2022 года свое влияние, то фактор Украины, напротив, свое влияние усиливал. Таким образом, попытка выявления эффекта влияния пандемии COVID-19 на экономику может быть проведена на основании экономических показателей только до 2022 года, потому что перспективы четкого выделения влияния и фактора пандемии COVID-19 и фактора геополитического кризиса, связанного с событиями в Украине, не представляются удовлетворительными в условиях их одновременного действия. В связи с этим, временной контур для отраслевого анализа состояния российской экономики вынужденно ограничивается 2020–2021 годами.

Пандемия COVID-19 стала шоком не только для российской, но и для мировой экономики в целом. Тем не менее, Россия с падением ВВП в 2020 году на 2,7% выглядела по этому показателю совсем неплохо. Во всяком случае — лучше, чем многие развитые страны. Однако в самой российской экономике, если рассматривать ее в отраслевом разрезе (по видам экономической деятельности), все было не так однородно. Одни отрасли развивались лучше, другие — хуже. Так происходит всегда, даже во время самых тяжелых экономических кризисов есть отрасли, которые чувствуют себя лучше других. Не стал исключением и период пандемии COVID-19.

С одной стороны, даже без проведения какого-либо анализа понятно, какие отрасли, если можно так сказать, выиграли от пандемии COVID-19. Так, фармацевтическая отрасль оказалась в выигрышном положении с точки зрения спроса на ее продукцию. По мере развития пандемии COVID-19 и тех мер, которые стали предприниматься с целью предотвращения распространения коронавирусной инфекции, становилось понятным, кто в большей степени страдает в этот период, а какие отрасли будут иметь незначительные издержки. Локдауны, а именно из-за них были самые большие экономические издержки (во всяком случае на первом этапе пандемии) затронули, в первую очередь, такие виды экономической деятельности, как туризм, общепит и гостиничный бизнес. А вот добычи полезных ископаемых локдауны не коснулись.

С другой стороны, анализ по объективным экономическим показателям может «высветить» лидерство, выигрышное положение отраслей, которое в период пандемии COVID-19 не являлось очевидным. В целом же задачу можно сформулировать следующим образом: необходимо выделение отраслей российской экономики, которые в период пандемии COVID-19 показали себя наиболее успешными.

Методология анализа. Прежде всего необходимо определиться с «полем» отраслей, которые анализируются на предмет успешности прохождения ими «ковидного» кризиса. Первоначальный массив отраслей был сформирован на основе классификатора ОКВЭД 2. Классификатор ОКВЭД 2 содержит 21 раздел (A-U), из которых для данной работы существенны 19 (A-S). В ОКВЭД 2 использованы иерархический метод классификации и последовательный метод кодирования. Кодовое обозначение для идентификации группировок видов экономической деятельности состоит из двух — шести цифровых знаков. Его структура может быть представлена в следующем виде:

- XX класс
- XX.X подкласс
- XX.XX группа
- XX.XX.X подгруппа
- XX.XX.XX вид

Были рассмотрены финансовые показатели по разделам, классам и подклассам первого уровня (более подробная детализация в данном случае была бы излишней). Основой перечня отраслей служит перечень классов ОКВЭД 2. Разделы включались в перечень отраслей только в том случае, если показатели по классам, содержащимся в них, не отличались между собой существенным образом. Подклассы первого уровня рассматривались в том случае, когда внутри класса показатели очень существенно отличались в зависимости от того, к какому подклассу они относились. Поэтому, например, обеспечение электроэнергией, газом и паром вошло в список видов экономической деятельности, а торговля не вошла, но при этом в список вошли все ее отрасли: оптовая торговля, розничная торговля и торговля автотранспортными средствами и мотоциклами, их обслуживание и ремонт. Аналогично, в список не вошёл класс «Растениеводство и животноводство, охота и предоставление соответствующих услуг в этих областях», но по отдельности вошли все подклассы первого уровня, составляющие его: растениеводство, животноводство, смешанное сельское хозяйство, охота и вспомогательная деятельность. В результате был сформирован перечень из 81 вида экономической деятельности (9 разделов, 62 класса, 10 подклассов первого уровня).

Успешность отраслей (видов экономической деятельности) можно оценивать по целому ряду показателей: индексам производства, показателям инвестиционной активности, показателям производительности труда, индексам предпринимательской уверенности, финансовым показателям, показателем экспорта и пр. В этом достаточно обширном перечне показателей, тем не менее, выделяются финансовые показатели и показатели, характеризующие динамику производственной деятельности (индексы производства). Успешность прохождения кризиса, вызванного пандемией COVID-19, предполагает, прежде всего, достижение хороших финансовых показателей того, сколь прибыльными, рентабельными и т.п. были предприятия отрасли в этот сложный период.

В качестве критериев (признаков), на основе анализа которых можно судить об успешности прохождения отраслями пандемии COVID-19, были использованы следующие финансовые статистические показатели отраслевого характера, публикуемые Росстатом:

1. Прибыль до налогообложения (январь–октябрь 2017–2021 гг.).
2. Соотношение убытков и прибыли до налогообложения (январь–октябрь 2017–2021 гг.).
3. Уровень рентабельности товаров (январь–сентябрь 2017–2021 гг.).
4. Рентабельность активов (январь–сентябрь 2017–2021 гг.).
5. Коэффициент текущей ликвидности (январь–сентябрь 2017–2021 гг.).
6. Коэффициент автономии (январь–сентябрь 2017–2021 гг.).
7. Доля просроченной кредиторской задолженности в общем объёме кредиторской задолженности (январь–октябрь 2017–2021 гг.).

Для каждого финансового показателя из этого перечня были рассчитаны средние значения за январь–октябрь (январь–сентябрь) 2020–2021 гг. и за январь–октябрь (январь–сентябрь) 2017–2019 гг. Выбор периода январь–октябрь (сентябрь) был предопределен последними имеющимися данными Росстата за 2021 год. Затем было рассчитано их соотношение. Такие расчёты были проведены по всем отраслям и по экономике в целом. В случае, если динамика отрасли по определённому финансовому показателю была лучше, чем в среднем по экономике¹, такая отрасль была отнесена к успешным. Следует отметить, что для некоторых из указанных показателей существуют нормативные значения. Для целей данной работы эти нормативы второстепенны, но, тем не менее, в некоторых случаях резкое падение показателей по отдельным отраслям из нормативных пределов повлияло на присвоенный им статус (перспективные или нет).

На первой стадии были отобраны те отрасли, показатель по прибыли которых удовлетворял установленному критерию. Затем отобранные отрасли были проанализированы с точки зрения других критериев. Наконец, эти отрасли в соответствии с проведённым анализом ранжировались в порядке убывания их успешности.

Прибыль (убыток) до налогообложения. Прибыль (убыток) до налогообложения – это, по определению Росстата, *сальдированный финансовый результат (прибыль минус убыток) – балансовая прибыль, рассчитываемая как сумма прибыли (убытка) от продаж, процентов к получению, доходов от участия в других организациях, прочих доходов, уменьшенных на величину прочих расходов.* В статистике Росстата, помимо показателя прибыли (убытка) до налогообложения, есть также показатели, называемые «сумма прибыли» и «сумма убытка». В отличие от прибыли (убытка) до налогообложения, эти показатели представляют собой финансовый результат прибыльных и убыточных организаций соответственно. В сумме финансовый результат прибыльных и убыточных организаций по отрасли равен сумме прибыли до налогообложения.

Применение первого признака успешности отраслей (динамики соотношения средней прибыли в январе–октябре 2020–2021 гг. и средней прибыли в январе–октябре 2017–2019 гг. в соответствии с общероссийским классификатором видов экономической деятельности (ОКВЭД 2) в период пандемии COVID-19 позволил из рассмотренного 81 вида деятельности выделить 43 отрасли в качестве тех, где ситуация была лучшей, чем в среднем по данному показателю по всей экономике.

Нужно отметить, что прибыль этих отраслей составляла порядка половины всей прибыли российской экономики. Данные отрасли являлись, таким образом, своеобразным локомотивом экономического роста. При этом 15 отраслей наиболее успешно проходили коронавирусный кризис: их прибыль росла

¹ В данном случае «лучше» не всегда означает более высокие темпы роста. В частности, для показателей соотношения убытков и прибыли до налогообложения и доли просроченной кредиторской задолженности лучшая динамика означает более низкие темпы роста показателя по сравнению со средним значением по всем видам экономической деятельности.

быстрее среднеэкономического показателя в 2 и более раза. Если среднеэкономический показатель роста прибыли составил 1,4 раза, то у отраслей-лидеров он составил более 2,8 раза:

По абсолютным показателям среди отобранных отраслей-лидеров следует выделить: добычу металлических руд с прибылью в 1611 млрд рублей в январе–октябре 2021 года, деятельность по предоставлению финансовых услуг, кроме услуг по страхованию и пенсионному обеспечению – с прибылью в 1119,1 млрд рублей, торговлю оптовую и розничную автотранспортными средствами и мотоциклами и их ремонт – с прибылью в 353,5 млрд рублей.

Соотношение убытков отрасли и прибыли до налогообложения. Данный показатель представляет собой *соотношение величины убытков отрасли (по модулю, т.е. со знаком «плюс») и величины её прибыли до налогообложения*. Показатель рассчитывался только для отраслей, отобранных по критерию «Прибыль (убыток) до налогообложения». В среднем по всем видам экономической деятельности соотношение убытков к прибыли в январе–октябре 2020–2021 гг. выросло в 2,3 раза по сравнению с уровнем января–октября 2017–2019 гг. В лучшей отрасли по данному показателю – деятельности в области культуры, спорта, организации досуга и развлечений – соотношение убытков и прибыли, напротив, снизилось, причем в 24 с лишним раза.

Уровень рентабельности товаров. Показатель рассчитывался как *соотношение величины сальдированного финансового результата (прибыль минус убыток) от продаж и себестоимости проданных товаров, продукции, работ, услуг (включая коммерческие и управленческие расходы)*. Другими словами, рентабельность товаров показывает, какая прибыль приходится на каждый рубль затрат. Нормальным считается положительный уровень рентабельности². Также в качестве ориентира можно рассматривать положительную динамику рентабельности³.

Уровень рентабельности товаров у подавляющего большинства отобранных ранее отраслей в январе–сентябре 2017–2021 гг. оставался положительным. Исключение составили всего 3 отрасли:

- деятельность в области культуры, спорта, организации досуга и развлечений, где рентабельность в январе–сентябре 2017–2019 гг. была отрицательной;
- производство кинофильмов, видеофильмов и телевизионных программ, издание звукозаписей и нот, где рентабельность была отрицательной в январе–сентябре 2020 г.;
- деятельность по предоставлению финансовых услуг, кроме услуг по страхованию и пенсионному обеспечению, где рентабельность в январе–сентябре 2017 г. равнялась нулю.

² См., например, Методологические рекомендации по проведению анализа финансово-хозяйственной деятельности организаций (утв. Госкомстатом России 28 ноября 2002 г.)

³ О. Воробьева. Рентабельность продукции: как рассчитать и проанализировать. Финансовый директор, интернет-публикация от 16.06.2020. URL: <https://www.fd.ru/articles/158211-rentabelnost-produktsii>

При этом по отраслям наблюдались существенные отличия как в самом уровне рентабельности, так и в динамике этого уровня. В среднем по экономике уровень рентабельности товаров в январе–сентябре 2020–2021 гг. вырос по сравнению с уровнем рентабельности товаров в январе–сентябре 2017–2019 гг. на 10%.

К отраслям, успешно переживающим пандемию, были по данному критерию отнесены 30 отраслей, у которых уровень рентабельности товаров в январе–сентябре 2020–2021 гг. вырос по сравнению с январём–сентябрём 2017–2019 гг. выше, чем в среднем по всем отраслям, а также ещё один вид деятельности, у которого этот показатель был отрицательным из-за того, что рентабельность была отрицательной в 2017–2019 гг., а в 2020–2021 гг. она стала положительной.

Бесспорным лидером по данному критерию стала деятельность по предоставлению финансовых услуг, кроме услуг по страхованию и пенсионному обеспечению, в которой уровень рентабельности товаров в период пандемии COVID-19 превзошел уровень рентабельности в доковидные времена в 5,3 раза. В январе–сентябре 2020 года уровень рентабельности вообще составил 54,7%, в то время как в целом по обследуемым видам экономической деятельности он составил в этот период 8,9%.

Рентабельность активов. Рентабельность активов – это *отношение сальдированного финансового результата (прибыль минус убыток) к стоимости активов организаций*. Данный показатель характеризует качество управления капиталом – другими словами, он показывает, какую прибыль приносит каждый рубль, вложенный в активы. Рентабельность активов должна быть положительной, при этом для каждой отрасли характерно своё значение показателя. Так, у капиталоемких отраслей (железнодорожный транспорт, трубопроводный транспорт, электроэнергетика и т.п.) рентабельность активов будет ниже, чем в сфере услуг, не требующей больших капиталовложений. Согласно Методологическим указаниям Росстата по проведению анализа финансово-хозяйственной деятельности организаций, компания характеризуется как предприятие с устойчивым финансовым положением, если рентабельность активов положительна и имеет положительную динамику.

В среднем по экономике рентабельность активов в январе–сентябре 2020–2021 гг. снизилась по сравнению с рентабельностью активов в январе–сентябре 2017–2019 гг. на 3%, а в 8 отраслях хотя бы в один год из рассмотренного периода рентабельность активов была отрицательной. Как и по показателю рентабельности товаров, так и по показателю рентабельности активов в лидерах оказалась деятельность в области культуры, спорта, организации досуга и развлечений, в которой средний рост этого показателя в период пандемии COVID-19 превысил соответствующий показатель допандемийных времен более чем в 3,5

раза. Самый высокий показатель рентабельности активов показала добыча металлических руд — 34,9% (январь—сентябрь 2021 года).

Коэффициент автономии. Коэффициент автономии (коэффициент финансовой независимости) характеризует *отношение собственного капитала к общей сумме капитала (активов) организации*. Коэффициент показывает, насколько организация независима от кредиторов. Чем меньше значение коэффициента, тем в большей степени организация зависима от заемных источников финансирования и тем менее устойчиво ее финансовое положение⁴.

Методологические рекомендации Росстата по проведению анализа финансово-хозяйственной деятельности организаций содержат указание, что коэффициент автономии, равный 50% или выше, означает высокую степень независимости от внешних источников финансирования. Общепринятое нормальное значение коэффициента автономии в российской практике составляет 50% и более (оптимальное 60–70%). В мировой практике считается допустимым иметь до 30–40% собственного капитала. «Нормальность» показателя в большой степени зависит от отрасли, а, точнее, от соотношения в структуре организации внеоборотных и оборотных активов. Чем более фондоемкое производство, и, соответственно, чем больше у организации доля внеоборотных активов, тем больше долгосрочных источников требуется для их финансирования, а значит, больше должна быть доля собственного капитала (выше коэффициент автономии)⁵. В работе «Моделирование финансового состояния сельскохозяйственных организаций при оценке их кредитоспособности»⁶ приводятся нормативные значения коэффициента автономии для ряда отраслей, составляющих производственную цепочку сельхозпродукции. Так, для торговли и посредников коэффициент автономии должен быть выше 30%, для сельского хозяйства, пищевого и перерабатывающего производств, а также для прочих — выше 50%. В статье «Коэффициент финансовой автономии (Коэффициент финансовой независимости)»⁷ указывается, что для коммерческих банков характерным значением коэффициента автономии считается 5% и ниже. Рост коэффициента автономии свидетельствует об увеличении собственного капитала и укреплении финансовой независимости. С другой стороны, увеличение объема собственного капитала снижает его рентабельность. Уменьшение значения с течением времени отражает снижение финансовой устойчивости и появление финансовых рисков. Однако, бывают моменты, когда предприятию необходимы заемные средства, например, при расширении и модернизации

⁴ URL: https://www.audit-it.ru/finanaliz/terms/solvency/coefficient_of_autonomy.html

⁵ Там же.

⁶ Васина Н.В. Моделирование финансового состояния сельскохозяйственных организаций при оценке их кредитоспособности: Монография // Омск: Изд-во НОУ ВПО ОмГА, 2012. 49 с.

⁷ Кобылецкий В.Р. Коэффициент финансовой автономии (Коэффициент финансовой независимости) // Онлайн-журнал «Financial Analysis online». URL: <https://www.finalon.com/ru/slovar-ekonomicheskikh-pokazatelej/333-finansovaya-avtonomiya-pokazatel-finansovoj-nezavisimosti> (дата просмотра: 18.08.2020).

производства – в такие периоды коэффициент автономии будет снижаться, но это не будет являться признаком снижения финансовой устойчивости. В среднем по экономике коэффициент автономии в январе–сентябре 2020–2021 гг. снизился по сравнению с коэффициентом автономии в январе–сентябре 2017–2019 гг. на 2%. При этом в 11 отраслях ситуация оказалась не лучше среднеэкономической: коэффициент автономии в них или снизился еще больше, чем в среднем, или снижение было таким же.

В целом по обследуемым видам экономической деятельности коэффициент автономии составил в январе–сентябре 2021 года 48,9%. Лидером же с показателем 94,6% была в этот период, а также в сравнении с соответствующими показателями предыдущих лет, деятельность по обеспечению безопасности и проведению исследований.

Коэффициент текущей ликвидности. Показатель текущей ликвидности – это *отношение суммы оборотных средств к краткосрочным обязательствам*. Согласно Методологическим рекомендациям Росстата по проведению анализа финансово-хозяйственной деятельности организаций, коэффициент текущей ликвидности должен быть равен или выше 200%. Однако на практике в разных отраслях могут быть иные приемлемые уровни значения коэффициента. В мировой практике даже допускается снижение показателя для некоторых отраслей до 150%. Значение коэффициента ниже 100% может говорить о трудностях в погашении организацией ее текущих обязательств. Однако, часто низкий коэффициент оправдан мощным потоком наличности (например, в розничной торговле). Слишком высокий (выше 300%) коэффициент является нежелательным, поскольку может говорить о вовлечении лишних оборотных активов, снижении эффективности их использования. Однако сам по себе высокий коэффициент текущей ликвидности ещё не говорит о неэффективности: для того чтобы сделать какие-либо выводы, нужно сопоставлять его со структурой активов и с другими показателями.

В среднем по экономике коэффициент текущей ликвидности в январе–сентябре 2020–2021 гг. вырос по сравнению с коэффициентом текущей ликвидности в январе–сентябре 2017–2019 гг. на 2%. Самый высокий показатель коэффициента текущей ликвидности в последние годы был у добычи металлических руд – 340,8% (январь–сентябрь 2021 года). Для сравнения: в целом по обследуемым видам экономической деятельности в этот период значение показателя составило 159,8%.

Кредиторская задолженность организаций. Кредиторская задолженность включает в себя задолженность по целому ряду статей⁸:

- задолженность по расчетам с поставщиками и подрядчиками за поступившие материальные ценности, выполненные работы и оказанные услуги, в том числе задолженность, обеспеченная выданными векселями;

⁸ Из паспорта соответствующего показателя Росстата.

- задолженность по расчетам с дочерними и зависимыми обществами по всем видам операций;
- задолженность по оплате труда, представляющая собой начисленные, но не выплаченные суммы;
- задолженность по отчислениям на государственное социальное страхование, пенсионное обеспечение и медицинское страхование работников организации, задолженность по всем видам платежей в бюджет и внебюджетные фонды;
- задолженность организации по платежам по обязательному и добровольному страхованию имущества и работников организации и другим видам страхования, в которых организация является страхователем;
- полученные авансы, включающие сумму авансов, полученных от сторонних организаций для предстоящих расчетов по заключенным договорам, а также штрафы, пени и неустойки, признанные организацией или по которым получены решения суда (арбитражного суда) или другого органа, имеющего в соответствии с законодательством Российской Федерации право на принятие решения об их взыскании и отнесенные на финансовые результаты организации.

Динамика кредиторской задолженности сама по себе даёт мало информации о состоянии отрасли ввиду большого разнообразия включаемых в это понятие балансовых статей. Причины роста кредиторской задолженности могут быть самыми разнообразными: рост объемов производства; рост просроченной дебиторской задолженности из-за ухудшения финансового состояния покупателей; создание сверхнормативных запасов сырья, материалов, комплектующих; невозможность получения банковских кредитов из-за высоких процентов или неплатежеспособности организации; затоваривание готовой продукцией из-за снижения спроса на нее и т.д.⁹ Поэтому и рост кредиторской задолженности может говорить как об улучшении, так и об ухудшении финансового состояния отрасли.

На уровне предприятий важной частью анализа является, во-первых, сопоставление динамики кредиторской и дебиторской задолженностей (т.е. анализ возможности компании отвечать по своим обязательствам) – в нормально функционирующем предприятии эти потоки имеют схожую динамику и, во-вторых, анализ динамики доли просроченной кредиторской задолженности в общем её объёме: рост такой доли может говорить о возможных проблемах.

В среднем по экономике доля просроченной кредиторской задолженности за указанный период снизилась на 13%, что является достаточно хорошим показателем, особенно учитывая пандемию.

Самый низкий показатель доли просроченной кредиторской задолженности в январе–сентябре 2021 года имели: деятельность по трудоустройству и подбору персонала и деятельность по предоставлению финансовых услуг, кроме услуг по страхованию и пенсионному обеспечению – всего лишь 0,1%, в то время как

⁹ Грачева Н.А., Соломатина Н.С. Анализ кредиторской задолженности организаций // Инновационная экономика: перспективы развития и совершенствования. №5 (31), 2018. С. 29–36.

в целом по обследуемым видам экономической деятельности этот показатель в данный период составил 5,3%.

Финальный анализ отобранных отраслей. Результаты. Для финального анализа отраслей, отобранных по финансовым показателям, было сделано сопоставление всех перечисленных выше финансовых показателей с целью выделения наиболее успешных и наименее успешных отраслей. В таблице приведены все отрасли и все показатели, значимые для анализа. Отрасли отсортированы в порядке частоты попадания в «серый» сегмент, то есть в том случае, если отрасль по соответствующему показателю имела результат худший, чем в среднем по обследуемым видам экономической деятельности. При этом считается, что все показатели обладают одинаковым весом, т.е. попадание в «серый» сектор по, например, рентабельности активов равноценно попаданию в «серый» сектор по, например, коэффициенту автономии и другим показателям. Внутри групп с одинаковым количеством показателей, попавших в «серый» сектор, отрасли отсортированы по величине соотношения средней прибыли в январе-октябре 2020–2021 г. и средней прибыли в январе-октябре 2017–2019 г.

Отрасли, показатели которых не попадали в «серый» сектор или попали в него по 1–2 показателям, демонстрируют наиболее успешное преодоление кризиса пандемии. Таких отраслей оказалось 30. Предприятия-представители этих отраслей, безусловно, могут и должны рассматриваться как наиболее успешные в период пандемии COVID-19, тем более, что доля их прибыли в общем объеме прибыли экономики России в январе–октябре 2021 г. была весьма значительной, составив 30,1%. Те отрасли, которые не попали в «серый» сектор ни по одному показателю, являются бесспорными лидерами экономики с точки зрения лучших финансовых показателей. Таких отраслей оказалось всего 7, но их прибыль составила в январе–октябре 2021 г. 10,2% всей прибыли экономики: (1) Деятельность по обеспечению безопасности и проведению исследований; (2) Деятельность в области культуры, спорта, организации досуга и развлечений; (3) Добыча металлических руд; (4) Растениеводство; (5) Производство резиновых и пластмассовых изделий; (6) Деятельность в области права и бухгалтерского учета; (7) Производство одежды.

Впечатляющий рост прибыли по виду деятельности «Деятельность по обеспечению безопасности и проведению исследований» обусловлен в основном ростом прибыли в деятельности частных охранных служб, которая в рассмотренный период составляла 96–100% прибыли в деятельности по обеспечению безопасности и проведению исследований. Этот рост начался в середине 2020 г. и был скачкообразным: в июне 2020 г. прибыль частных охранных служб составила 63,4 млрд руб., что особенно удивительно на фоне прибыли в 536 млн руб. в мае 2020 г. В декабре 2020 г. прибыль выросла на 61,9 млрд руб., в сентябре 2021 г. – на 67,2 млрд руб. Вне указанных месяцев прибыль прирастала очень плавно. Чем объясняется столь значительный и столь неравномерный

рост прибыли именно в январе и декабре 2020 г., а так же в сентябре 2021 г., сказать однозначно трудно – вероятно, сыграли роль некие крупные контракты. В результате прибыль выросла в период пандемии в 20,2 раза по сравнению с 2017–2019 гг., это второй по величине рост из всех рассматриваемых видов экономической деятельности (на первом месте – производство прочих готовых изделий с ростом в 38,2 раза).

Таблица

Рост финансовых показателей отраслей в январе-октябре 2020–2021 гг. по отношению к январю-октябрю 2017–2019 гг.

(включены только те отрасли, прибыль которых в январе-октябре 2020–2021 гг. выросла по отношению к прибыли в январе-октябре 2017–2019 гг. выше, чем в среднем по экономике)

Вид экономической деятельности	Прибыль, раз	Доля просроченной кредиторской задолженности в общем объеме кредиторской задолженности, %	Соотношение убытка и прибыли, %	Уровень рентабельности товаров, %	Рентабельность активов, %	Коэффициент автономии, %	Коэффициент текущей ликвидности, %
Деятельность по обеспечению безопасности и проведению расследований	20,2	0,47	0,34	1,38	1,31	1,54	1,67
Деятельность в области культуры, спорта, организации досуга и развлечений	3,26	0,59	–24,4	–1,72	3,51	1,34	1,63
Добыча металлических руд	3,01	0,49	0,67	1,68	1,94	1,05	1,31
Растениеводство	2,58	0,84	0,42	1,67	1,71	1,01	1,14
Производство резиновых и пластмассовых изделий	2,05	0,52	0,47	1,26	1,45	1,04	1,10
Деятельность в области права и бухгалтерского учета	1,89	0,51	0,47	1,22	1,43	1,14	1,58
Производство одежды	1,76	0,25	0,64	1,32	1,24	1	1,05

Вид экономической деятельности	Прибыль, раз	Доля просроченной кредиторской задолженности в общем объеме кредиторской задолженности, %	Соотношение убытка и прибыли, %	Уровень рентабельности товаров, %	Рентабельность активов, %	Коэффициент автономии, %	Коэффициент текущей ликвидности, %
Производство прочих готовых изделий	38,2	2,25	0,06	2,17	-43,3	1,57	1,47
Предоставление прочих видов услуг	3,99	1,35	-0,07	1,82	3,75	1,24	1,16
Производство лекарственных средств и материалов, применяемых в медицинских целях	3,85	1,04	0,66	1,62	1,94	1,00	1,11
Государственное управление и обеспечение военной безопасности; социальное обеспечение	3,13	0,03	0,44	2,87	3,28	0,99	0,76
Торговля оптовая и розничная автотранспортными средствами и мотоциклами и их ремонт	3,03	1,4	0,16	1,79	2,12	1,36	1,14
Деятельность по обслуживанию зданий и территорий	2,99	0,72	0,86	1,09	1,32	1,25	1,07
Строительство	2,86	1,13	0,38	1,23	2,62	1,08	1,03
Образование	1,98	0,83	0,81	1,25	1,05	0,98	1,15
Лесоводство и лесозаготовки	1,93	0,48	-0,46	1,31	2,18	1,39	1,00
Производство прочих неметаллической минеральной продукции	1,65	0,57	0,61	1,23	1,24	1,05	0,92
Аренда и лизинг	1,65	0,03	0,12	0,85	1,29	1,13	1,06

Вид экономической деятельности	Прибыль, раз	Доля просроченной кредиторской задолженности в общем объеме кредиторской задолженности, %	Соотношение убытка и прибыли, %	Уровень рентабельности товаров, %	Рентабельность активов, %	Коэффициент автономии, %	Коэффициент текущей ликвидности, %
Производство кокса и нефтепродуктов	1,6	0,86	2,57	1,33	1,27	1,07	1,05
Ремонт и монтаж машин и оборудования	1,58	1,1	0,96	1,17	1,36	1,14	1,07
Торговля розничная, кроме торговли автотранспортными средствами и мотоциклами	1,57	0,95	1,04	1,57	1,29	1,12	1,09
Производство табачных изделий	1,55	н.д.	0,44	1,00	1,59	1,13	1,07
Смешанное сельское хозяйство	5,96	2,49	0,13	2,81	2,49	0,99	0,91
Обработка древесины и производство изделий из дерева и пробки, кроме мебели, производство изделий из соломки и материалов для плетения	4,98	1,16	-0,95	2,28	3,36	1,24	1,01
Деятельность в области архитектуры и инженерно-технического проектирования; технических испытаний, исследований и анализа	3,89	2,28	0,32	1,46	1,89	0,91	1,07

Вид экономической деятельности	Прибыль, раз	Доля просроченной кредиторской задолженности в общем объеме кредиторской задолженности, %	Соотношение убытка и прибыли, %	Уровень рентабельности товаров, %	Рентабельность активов, %	Коэффициент автономии, %	Коэффициент текущей ликвидности, %
Производство машин и оборудования, не включенных в другие группировки	2,99	1,57	-1,35	1,28	2,71	1,02	0,93
Производство текстильных изделий	2,28	1,18	0,74	1,49	1,87	1,02	1,00
Производство мебели	1,84	0,77	1,71	0,88	1,42	0,99	0,90
Деятельность по трудоустройству и подбору персонала	1,46	0,24	1,48	1,62	0,82	1,20	0,89
Производство пищевых продуктов	1,41	0,62	0,77	0,98	1,16	1,07	0,99
Деятельность по предоставлению финансовых услуг, кроме услуг по страхованию и пенсионному обеспечению	3,1	0,52	4,98	5,26	1,25	0,79	0,77
Разработка компьютерного программного обеспечения, консультационные услуги в данной области и другие сопутствующие услуги	2,59	0,11	1,14	1,05	0,52	1,51	0,81
Деятельность автомобильного грузового транспорта и услуги по перевозкам	2,45	0,47	0,2	0,86	1,33	0,82	0,93

Вид экономической деятельности	Прибыль, раз	Доля просроченной кредиторской задолженности в общем объеме кредиторской задолженности, %	Соотношение убытка и прибыли, %	Уровень рентабельности товаров, %	Рентабельность активов, %	Коэффициент автономии, %	Коэффициент текущей ликвидности, %
Водоснабжение; водоотведение, организация сбора и утилизации отходов, деятельность по ликвидации загрязнений	2,05	0,92	0,56	1,19	1,71	0,94	0,92
Деятельность в области здравоохранения и социальных услуг	2,03	1,04	1,68	1,22	1,23	0,93	1,02
Производство химических веществ и химических продуктов	1,68	1,22	4,58	1,24	0,99	0,96	1,05
Производство металлургическое	1,57	0,96	2,51	1,21	1,18	0,99	0,99
Животноводство	1,94	2,37	0,12	0,94	1,59	0,95	0,97
Производство кинофильмов, видеофильмов и телевизионных программ, издание звукозаписей и нот	-2,59	0,39	5,76	0,37	-0,28	1,17	0,75
Деятельность профессиональная научная и техническая прочая	2,02	н.д.	171,3	0,64	0,55	1,00	0,83
Деятельность рекламная и исследование конъюнктуры рынка	1,76	1,3	1,96	0,39	0,97	0,71	0,85

Вид экономической деятельности	Прибыль, раз	Доля просроченной кредиторской задолженности в общем объеме кредиторской задолженности, %	Соотношение убытка и прибыли, %	Уровень рентабельности товаров, %	Рентабельность активов, %	Коэффициент автономии, %	Коэффициент текущей ликвидности, %
Деятельность в области информационных технологий	1,72	3,87	3,12	0,74	0,64	1,08	1,02
Деятельность административно-хозяйственная, вспомогательная деятельность по обеспечению функционирования организации, деятельность по предоставлению прочих вспомогательных услуг для бизнеса	1,66	0,87	1,1	0,45	0,77	0,89	0,68
Всего по обследуемым видам экономической деятельности	1,40	0,87	2,34	1,10	0,97	0,98	1,02

Источник: расчёты автора.

Рост прибыли по разделу «Деятельность в области культуры, спорта, организации досуга и развлечений» обусловлен, преимущественно, ростом прибыли в деятельности по организации заключения пари. Прибыль этого вида деятельности в рассмотренный период превышала прибыль всего раздела в 1,5–5,5 раз (по другим видам деятельности, составляющим раздел, либо фиксировались убытки, либо прибыль была совсем небольшой), поэтому именно её динамика и определяла динамику прибыли раздела. Рост прибыли в деятельности по организации заключения пари фиксировался с начала 2019 г. – среднемесячная прибыль составляла 2,5 млрд руб. (по сравнению с 750 млн руб. в 2018 г.), продолжился в 2020 г., когда среднемесячная прибыль составила уже 2,9 млрд руб., и в 2021 г. со среднемесячной прибылью 5,4 млрд руб. Если существенный рост прибыли в 2021 г. объясняется явно тем, что после первого года пандемии были сняты многие

ограничения и спортивные события возобновились, то с 2019–2020 гг. столь однозначного объяснения росту прибыли по сравнению с предыдущими годами нет.

Вид деятельности «Добыча металлических руд» включает добычу и обогащение железных руд и добычу и обогащение руд цветных металлов. Вклад последнего в прибыль отрасли несколько меньше – порядка 25–45%. Рост прибыли в пандемийные годы пришёлся в основном на 2021 г. и происходил в большей степени в добыче и обогащении железных руд. В июле прибыль там выросла более чем вдвое и составила 467 млрд руб. (за май–июнь суммарная прибыль в добыче и обогащении железных руд была порядка 190 млрд руб.). Такой значительный рост был обусловлен повышением цен на металлы, которое, в свою очередь, было вызвано дефицитом вследствие снижения инвестиций в отрасль.

Основная прибыль в отрасли «Растениеводство» (94–98% всей прибыли) является результатом деятельности по выращиванию однолетних культур, значительную часть которых составляют зерновые культуры, масличные культуры и овощи. Прибыль от выращивания зерновых культур выросла наиболее значительно (с 16 млрд руб. в январе 2021 г. до 37 млрд руб. в октябре), став драйвером роста всей отрасли. Это произошло во многом благодаря росту мировых цен на пшеницу и ячмень, при сохранении объёма экспорта пшеницы и расширении рынков сбыта российских экспортёров (Алжир, Саудовская Аравия).

Также обращает на себя внимание рост прибыли в производстве лекарственных средств и материалов, применяемых в медицинских целях. В структуре прибыли этой отрасли преобладает производство лекарственных препаратов (74% в январе–октябре 2021 г., при этом до 2020 г. включительно эта доля составляла не менее 90% в разные периоды). Понятно, что во время пандемии спрос на лекарства возрастает, соответствующим образом растёт и прибыль: только за 2021 г. прибыль в производстве лекарственных препаратов выросла в 1,4 раза (октябрь к январю). Производство материалов, используемых в медицинских целях, нарастило прибыль ещё в более впечатляющем объёме: с 2,2 млрд руб. в январе 2021 г. до 15,3 млрд руб. в октябре, т.е. в 6,8 раз.

Добыча нефти и природного газа не попала в перечень отобранных отраслей, поскольку её финансовые результаты, выражающиеся не в общей величине тех или иных показателей, а в динамике их изменений, были в 2020–2021 гг. далеко не лучшими. Это произошло как за счёт снижения мировых цен на энергоносители, так и за счёт снижения спроса на них в 2020 году. Средний прирост прибыли в добыче нефти и газа в январе–октябре 2020 и 2021 годов по сравнению с 2017–2019 гг. составил 7%, в то время как соответствующий показатель в целом по экономике составил 40%.

Отрасли, финансовые индикаторы которых попали в «серый» сектор по 3 показателям, являются более рискованными, чем указанные выше. Таких отраслей по итогам анализа оказалось 7, среди них наиболее заслуживающей внимания (как отрасль, в наибольшей степени нарастившая прибыль в годы

пандемии) является деятельность по предоставлению финансовых услуг, кроме услуг по страхованию и пенсионному обеспечению.

Отрасли, показатели которых чаще попадают в «серый» сектор (4–5 показателей), являются рискованными, их финансовое положение в период пандемии 2020–2021 гг. являлось неустойчивым. Таких отраслей по итогам анализа оказалось 6. В этих отраслях явно есть потенциал более прибыльной работы, однако они являются рискованными.

Лидерство отраслей, которые по результатам анализа их финансовых показателей оказались наиболее успешными в период пандемии COVID-19, не обязательно связано именно со спецификой этого периода. Но факт остается фактом: именно эти отрасли оказались в числе лучших в этот период с точки зрения динамики общепринятых для отраслевого анализа финансовых показателей. Это позволяет рассматривать данные отрасли в числе потенциальных точек роста российской экономики. Это же свидетельствует о формировании важных предпосылок для изменения отраслевой модели российской экономики.

Если на перечень отраслей-лидеров взглянуть еще и через призму макроэкономического стресса 2022 года, обусловленного беспрецедентными внешними ограничениями российской экономики, связанными с событиями в Украине, то появляются веские основания для дальнейшей корректировки перечня отраслей-лидеров.

Но это уже становится отдельной темой для исследования, расширяющего рамки тех задач, которые были поставлены при проведении данной работы.

Литература

1. Методологические рекомендации по проведению анализа финансово-хозяйственной деятельности организаций // Росстат [Электронный ресурс. Интернет] 2002. 28 ноября. URL: [https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/metod1\(1\).pdf](https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/metod1(1).pdf) (дата обращения: 18.10.2022).
2. *Васина Н.В.* Моделирование финансового состояния сельскохозяйственных организаций при оценке их кредитоспособности // Омск: НОУ ВПО ОмГА. 2012. 49 с.
3. *Грачева Н.А., Соломатина Н.С.* Анализ кредиторской задолженности организаций // Инновационная экономика: перспективы развития и совершенствования. 2018. №5 (31). С. 29–36.
4. Мезоэкономика переходного периода: рынки, отрасли, предприятия. (Серия «Экономическая наука современной России») / ред. Клейнера Г.Б. // М.: «Наука». 2001. 516 с.
5. Мезоэкономика развития. (Серия «Экономическая наука современной России») / ред. Клейнера Г.Б. // М.: «Наука». 2011. 805 с.
6. *Ясин Е.Г.* Структура российской экономики и структурная политика: вызовы, глобализация и модернизация: докл. к IX Междунар. науч. конф. «Модернизация экономики и глобализация», Москва, 1–3 апреля 2008 г. // М.: Изд.дом ГУ ВШЭ. 2008. 200 с.
7. *Воробьева О.* Рентабельность продукции: как рассчитать и проанализировать // Финансовый директор [Электронный ресурс. Интернет] – Электрон. Журн. 2020. 16 июня URL: <https://www.fd.ru/articles/158211-rentabelnost-produktsii> (дата обращения: 18.10.2022).
8. *Кобылецкий В.Р.* Коэффициент финансовой автономии (Коэффициент финансовой независимости) // Financial Analysis online [Электронный ресурс. Интернет] – Электрон.

журн. URL: <https://www.finalon.com/ru/slovar-ekonomicheskikh-pokazatelej/333-finansova-ya-avtonomiya-pokazatel-finansovoj-nezavisimosti> (дата обращения: 18.10.2022).

9. Коэффициент автономии [Электронный ресурс. Интернет]. URL: https://www.audit-it.ru/finanaliz/terms/solvency/coefficient_of_autonomy.html (дата обращения: 18.10.2022).

Igor Nikolaev (e-mail: Nikolaev1806@mail.ru)

Grand Ph.D. in Economics, Chief Researcher,
Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences (RAS)
(Moscow, Russia)

RUSSIAN INDUSTRIES AND THE FORMATION OF A NEW ECONOMIC MODEL OF RUSSIA IN THE CONTEXT OF THE CRISIS CAUSED BY THE COVID-19 PANDEMIC

The economic crisis of 2020–2021 caused by the COVID-19 pandemic has affected Russian industries in different ways. An analysis of financial indicators for various industries (profit, profitability, autonomy coefficient, etc.) allows you to refine estimates and draw sound conclusions about which industries (types of economic activity) have improved in terms of the indicators shown, which ones have deteriorated, and how the industry model of the Russian economy has changed.

Keywords: Russian industries, financial performance, profit, profitability.

DOI: 10.31857/S020736760023429-0

© 2022

Павел Лимарев

кандидат экономических наук, доцент Департамента менеджмента и инноваций, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации (г. Москва, Россия) (e-mail: pvlimarev@fa.ru)

ВОЗМОЖНОСТИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОДДЕРЖКИ МАЛОГО И СРЕДНЕГО БИЗНЕСА В УСЛОВИЯХ САНКЦИОННЫХ ВОЗДЕЙСТВИЙ

Свыше 30% предприятий малого и среднего бизнеса в Российской Федерации оказались заложниками санкционных воздействий со стороны ряда недружественных стран в результате произошедших геополитических изменений. Прекращение поставок импортных товаров на фоне утраты отечественных технологий или сильного в них отставания привело к существенным потерям в сферах высоких технологий, транспорта и торговли. Исследование проводилось с использованием мониторинга деятельности и сбора информации о предприятиях малого и среднего бизнеса. В работе были использованы методы анализа и синтеза, которые позволили рассмотреть возможности развития малых и средних предприятий. Цель исследования – определение роли государства как гаранта поддержки малого и среднего бизнеса. Задачи исследования сводятся к определению возможностей государства как источника непрямой поддержки малых и средних предприятий. В результате проведения исследования был сделан вывод о том, что использование методов непрямой государственной поддержки малых и средних предприятий приведёт к стабилизации их развития на продолжительный период. Поддерживающий кластер представляет собой высокоэффективный инструмент обеспечения малого и среднего бизнеса технологиями, необходимыми для их дальнейшей деятельности.

Ключевые слова: малый и средний бизнес, государственная поддержка, санкции.

DOI: 10.31857/S020736760023430-2

В настоящее время деятельность значительного количества малых и средних предприятий на российском рынке оказалась затруднена в связи с установившимися санкционными ограничениями. В первую очередь пострадали предприятия, использующие в своей деятельности продукцию производства западных стран, а также иную продукцию, производители которой поддерживали санкционные запреты [1, 2].

С проблемами столкнулись предприятия, использующие высокотехнологичную продукцию мировых производителей, причём как в виде полуфабрикатов для собственного производства, так и в виде инструментов и программного обеспечения.

Малый и средний бизнес в России достаточно условно можно разделить на следующие категории (рис. 1): производственные предприятия; предприятия, выполняющие различные работы и предприятия, оказывающие услуги. Каждая из этих категорий имеет свою специфику и свои проблемы от введения санкций.

Рис. 1. Категории малого и среднего бизнеса в Российской Федерации

Источник: составлено автором.

Малый и средний бизнес производственного направления представлен сельскохозяйственными предприятиями, в том числе фермерскими; предприятиями ИТ-сферы; предприятиями, производящими инновационную высокотехнологичную продукцию (робототехника и пр.), и в меньшей степени – предприятиями, производящими товары народного потребления.

На рис. 2 представлена структура малого и среднего бизнеса в России по данным Росстата. Самая большая часть предприятий малого и среднего бизнеса – это торговля (около 31%) и ремонт автотранспорта (около 3%), в сумме представляющие более трети от их общего количества.

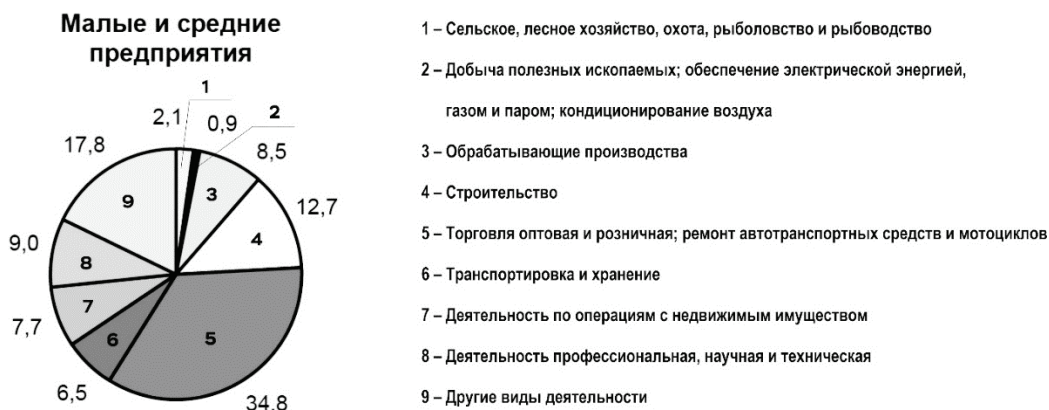

Рис. 2. Структура малого и среднего бизнеса в Российской Федерации (%)

Источник: [3].

Объединил эти две категории Росстат, предполагая торговлю автотранспортом одним целым с его ремонтом.

В существующей структуре малого и среднего бизнеса санкционная нагрузка распределяется неравномерно. От санкционных воздействий, в первую очередь, страдают предприятия профессионального научного и технического направления – как раз те, которые напрямую связаны с инновациями в промышленности и являются наукоёмкими производствами. Таких предприятий в структуре малого и среднего бизнеса около 9%.

Не меньше наукоёмких производств страдают от санкций обрабатывающие производства: за переходный период в стране была утрачена значительная часть отечественных технологий и отечественная материальная база для таких производств, которых в структуре малого и среднего бизнеса чуть меньше – 8,5%.

Такие же проблемы стоят перед добывающими предприятиями, но добыча полезных ископаемых в нашей стране – прерогатива крупного бизнеса, доля добывающих предприятий в структуре малого и среднего бизнеса – менее 1%.

Санкционные воздействия сказываются и на транспортных предприятиях (их более 6%), хотя и не так явно: запреты на сервис и поставку запчастей проявляются по мере износа транспортных средств, кроме того, эти запреты частично нивелируются возможностями поставок из-за рубежа запчастей-аналогов, прежде всего – из Китая. Тем не менее, проблема существует и будет увеличиваться по мере износа транспорта.

Предприятия, ориентированные на ремонт автототехники, страдают от ограничений намного серьезнее. Приобретение запчастей по прежним договорам прекращено, новые договоры предполагают наличие дополнительных посредников в странах, не присоединившихся к санкциям, удлиняется логистика. Всё это ведёт к существенному повышению стоимости услуг таких предприятий, снижению качества работ и, как следствие, снижению спроса на их услуги.

В меньшей мере от санкционных ограничений зависит строительный бизнес, в котором традиционно высока доля используемой отечественной техники, и сельскохозяйственные предприятия, также ориентированные на использование отечественной техники.

Таким образом, более трети всех российских предприятий малого и среднего бизнеса ощущают воздействие санкций.

По оценке Росстата (рис. 3), в малом и среднем бизнесе занято свыше 17 миллионов человек.

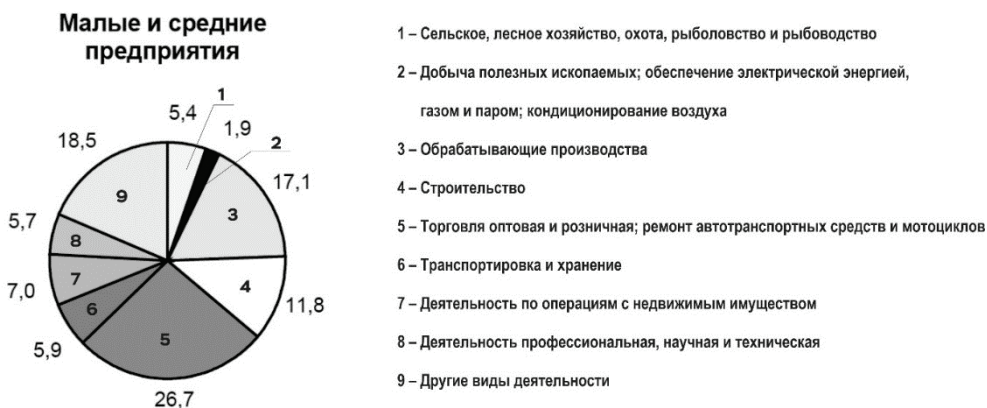

Рис. 3. Количество занятых в малом и среднем бизнесе в Российской Федерации (в %)

Источник: [4].

Около шести миллионов человек могут быть подвержены (и многие уже оказались подвержены) неприятным последствиям санкционных воздействий.

Самостоятельно преодолеть последствия санкций малым и средним предприятиям, зависящим от зарубежных поставщиков, очень непросто. Неоценимой в этом случае будет помощь государства, но не только и не столько в виде финансовых и организационных послаблений, сколько, главным образом, в виде вложений в разработку отечественных средств производства, в наукоёмкие, высокотехнологичные предприятия, результаты работы которых государство, выступая заказчиком, сможет предложить малому и среднему бизнесу. Для оказания такой помощи должен быть создан кластер поддержки, в который могут войти как существующие научные, научно-исследовательские и образовательные учреждения, так и предприятия малого и среднего бизнеса из сферы профессионального научного и технического направления (рис. 4). В кластер также могут войти представители крупного бизнеса в виде научно-исследовательских подразделений необходимого профиля.

Рис. 4. Виды государственной поддержки малого и среднего бизнеса

Источник: составлено автором.

Деятельность субъектов, входящих в кластер, не должна быть ограничена международным законодательством в области авторского права, если это касается недружественных стран.

Поскольку предполагаемый кластер будет финансироваться за счёт государства, результатами его работы также будет вправе распоряжаться государство, передавая созданные технологии и ноу-хау предприятиям, чья деятельность направлена на повышение общего уровня технологичности экономики.

Результатом создания поддерживающего кластера станет решение большинства проблем, встающих перед малым и средним бизнесом в результате санкционных ограничений.

Литература

1. COUNCIL DECISION (CFSP) 2022/337 of 28 February 2022 amending Decision 2014/145/CFSP concerning restrictive measures in respect of actions undermining or threatening the territorial integrity, sovereignty and independence of Ukraine // Official Journal of the European Union. – 28.2.2022. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:32022D0337&from=EN> (дата обращения: 22.10.2022).
2. Jeffrey A. Sonnenfeld, Steven Tian, Franek Sokolowski, Michal Wyrebkowski, Mateusz Kasprowicz. Business Retreats and Sanctions Are Crippling the Russian Economy // SSRN. – 20.07.2022. URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=4167193 (дата обращения 08.10.2022).
3. Малое и среднее предпринимательство в России 2019 / Статистический сборник. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Mal-pred_2019.pdf (дата обращения: 08.10.2022. С. 17).
4. Малое и среднее предпринимательство в России 2019 / Статистический сборник. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Mal-pred_2019.pdf (дата обращения: 08.10.2022. С. 26).

Pavel Limarev (e-mail: pvlimarev@fa.ru)

Ph.D. in Economics, Associated Professor,
Management and Innovation Department,
Financial University under the Government of the Russian Federation,
(Moscow, Russia)

THE POSSIBILITIES FOR THE PROVISION OF GOVERNMENT SUPPORT TO SMALL AND MEDIUM-SIZED BUSINESSES IN THE FACE OF SANCTIONS

The purpose of the study is to highlight the role of the government as a safeguard for small and medium-sized businesses and to determine the capabilities of the state as a source of indirect support for them. The study conducted by the author included the collection of information about small and medium-sized businesses and the monitoring of their activities.

Over 30% of small and medium-sized businesses in the Russian Federation suffer under sanctions from a number of unfriendly countries as a result of current geopolitical changes. The cessation of the supply of imported goods led to significant losses in high

technologies, transport and trade, taking into account the partial loss of domestic technologies or a strong backlog in them.

Methods of analysis and synthesis used in the work made it possible to examine the development opportunities for such businesses. The author comes to the conclusion that the use of indirect state support methods for small and medium-sized businesses will stabilize their development for a long period. The supporting cluster is a highly effective tool for providing small and medium-sized businesses with the needed technologies.

Keywords: small and medium-sized businesses, state support, sanctions.

DOI: 10.31857/S020736760023430-2

© 2022

Екатерина Романчук

аспирант, младший научный сотрудник Института экономики
Российской академии наук (г. Москва, Россия)
(e-mail: kate.romanchuk@ya.ru)

СОТРУДНИЧЕСТВО МВФ С РАЗВИВАЮЩИМИСЯ СТРАНАМИ: ОПЫТ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

В последние десятилетия произошли существенные изменения в наборе инструментов, используемых Международным валютным фондом (МВФ, Фонд) при работе в странах с низким уровнем дохода на душу населения. На основе анализа опыта сотрудничества МВФ с государствами Центральной Азии показано, что бедные страны (Киргизия и Таджикистан) прибегают преимущественно к финансовой помощи Фонда, тогда как более развитые государства (Казахстан и Узбекистан) сотрудничают с МВФ по линии получения консультативной помощи, привлекая кредиты многосторонних институтов развития.

Ключевые слова: МВФ, Трастовый фонд сокращения бедности и экономического роста, Казахстан, Киргизия, Таджикистан, Туркменистан, Узбекистан.

DOI: 10.31857/S020736760023434-6

После кризиса 1998 года, приведшего к дефолту по внутреннему долгу, деятельность Международного валютного фонда (далее – МВФ, Фонд) в нашей стране подвергается суровой критике. Так, М. Делягин в заметке, опубликованной на сайте Валдайского клуба, утверждает, что Фонд «остается инструментом разрушения национальных экономик [...], смертельным врагом не только экономического и политического суверенитета, но даже уровня жизни в менее развитой части мира» [1]. Однако в текущих условиях подобные заявления нам кажутся недостаточно аргументированными. В качестве примера налаживания сотрудничества МВФ с развивающимися странами мы проанализировали опыт работы Международного валютного Фонда в Центральной Азии, в том числе – в наиболее бедных государствах постсоветского пространства: Киргизии и Таджикистане.

До середины 1980-х гг. МВФ не вводил никаких специальных инструментов для кредитования государств с низким уровнем валового внутреннего продукта (ВВП) на душу населения. Первым инструментом для предоставления финансирования на льготных условиях¹ странам с низким доходом на душу населения стал Механизм структурной перестройки (англ. *Structural Adjustment Facility (SAF)*), созданный в 1986 г. и через год трансформировавшийся в Расширенный механизм структурной перестройки (англ. *Enhanced Structural Adjustment Facility (ESAF)*) [5. Р. 4]². Реализация SAF/ESAF вынудила руководство бреттон-

¹ Эти условия предусматривали фиксированную процентную ставку в размере 0,5% годовых с выплатами в течение 10 лет и льготным периодом в 5,5 лет.

² Право на получение поддержки с применением льготного финансирования МВФ из постсоветских государств получили Армения, Азербайджан, Грузия, Киргизия, Молдова и Узбекистан.

вудских институтов в очередной раз поднять вопрос о разграничении полномочий банка и Фонда. В конкордате МВФ и Всемирного банка от 31 марта 1989 г. предоставление займов для структурной перестройки экономики было отнесено к сфере ведения банка, тогда как за Фондом закреплялись отдельные вопросы макроэкономической политики: расходы и доходы государственного сектора, ценообразование, монетарная политика, процентные ставки и обменный курс [2].

Трастовый фонд сокращения бедности и экономического роста. В 1999 г. в рамках масштабного пересмотра архитектуры финансирования международного развития, МВФ принял решение заменить Расширенный механизм структурной перестройки на льготное финансирование из средств Трастового фонда сокращения бедности и экономического роста (англ. *Poverty Reduction and Growth Facility (PRGF)*) [5. Р. 10], а также провел ряд реформ. В частности, на рубеже XX–XXI вв. был запущен процесс «рационализации», т.е. сокращения целевых показателей, обуславливающих предоставление Фондом кредитов. Новые программы кредитования должны были дать правительствам пространство для маневра в проведении национальной экономической политики. МВФ также ввел новые принципы работы: ответственность за реформы, адаптация к специфике страны и координация с другими международными организациями [8].

Ресурсы PRGF были сформированы из добровольных государственных взносов, размер которых не привязывался к квотам членов МВФ. На начало 2022 года объем ресурсов PRGF составлял около 32,4 млрд долл. – небольшая сумма в сравнении с активами Генерального Департамента МВФ, которые равны 706,7 млрд долл. Около половины ресурсов PRGF образовано за счет средств, инвестированных странами «Большой семерки», еще порядка 20% перечислил сам МВФ. Страны БРИКС внесли в фонд только 4,5% от суммы всех взносов (395,6 млн долл.) (рис. 1). На случай, если ресурсов PRGF будет недостаточно для продолжения его работы, предусмотрена возможность представления Фонду краткосрочных заимствований на общую сумму 30,5 млн долл. 17 центральными банками развитых государств, с которыми заключены соответствующие соглашения [9. Р. 49].

Предполагается, что, предоставляя кредиты на льготных условиях и с меньшей обусловленностью за счет средств развитых государств, МВФ помогает развивающимся странам преодолевать внешние и внутренние шоки, приводящие к нарушению платежного баланса и влияющие на обменный курс национальной валюты.

Как видно на рис. 2, льготными кредитами пользуются, в основном, страны Африки. На начало 2022 года треть выданных кредитов числилась за 5 государствами: Гана, Судан, Д.Р. Конго, Камерун и Берег Слоновой Кости. На постсоветские страны – Армению, Молдавию, Киргизию, Таджикистан – приходилось порядка 3,4% портфеля PRGF.

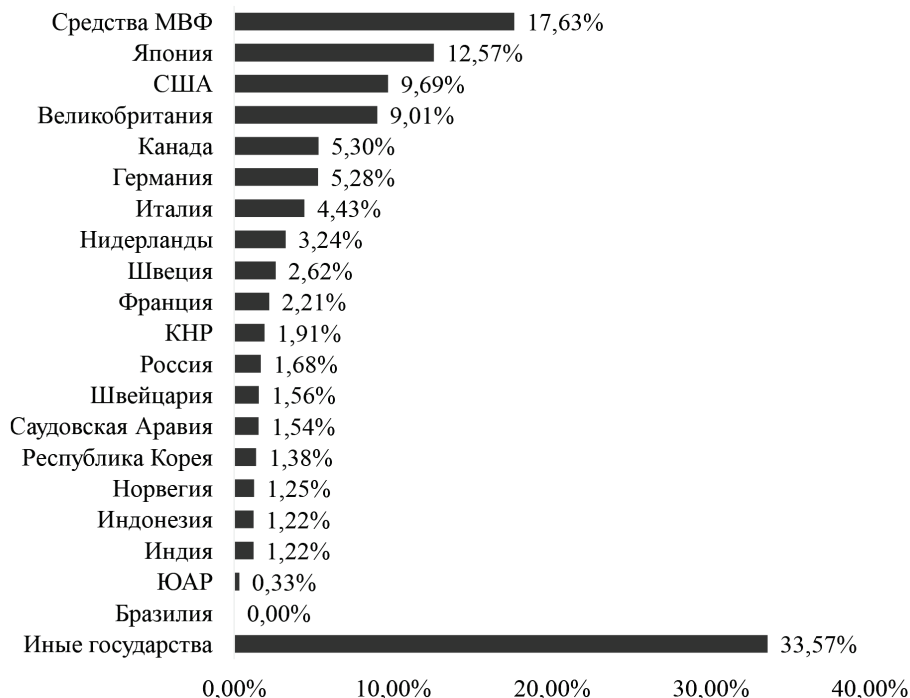

Рис. 1. Доли взносов основных доноров в PRGF (в %)

Источник: составлено автором по данным [9. Р. 50–54].

Рис. 2. Объем выданных и непогашенных кредитов из средств PRGF в разрезе по основным странам-получателям (млн СДР)

Источник: составлено автором по данным [9. Р. 50–54].

Развивающимся странам доступны три инструмента: (1) Механизм расширенного кредитования (англ. *Extended Credit Facility*); (2) Резервный кредитный механизм (англ. *Standby Credit Facility*)³; (3) Механизм быстрого кредитования (англ. *Rapid Credit Facility*), условия предоставления более подробно описаны в табл. 1.

Таблица 1

Условия механизмов PRGF

	Механизм расширенного кредитования (ECF)	Резервный кредитный механизм (SCF)	Механизм быстрого кредитования (RCF)
Цель	Программа включает поддержку стран с сохраняющимися проблемами платежного баланса.	Программа ориентирована на страны с краткосрочными проблемами платежного баланса и рассчитана на период от 12 до 24 месяцев. Помощь SCF доступна только тем странам, которые, по мнению МВФ, имеют устойчивое макроэкономическое положение.	Механизм применяется для поддержки стран-членов, сталкивающихся с неотложными потребностями в платежном балансе.
Доступность	Помощь первоначально предоставляется на 3-х или 4-летний срок. Соглашение ECF может быть продлено на общий максимальный срок в 5 лет.	Помощь предоставляется на срок от 12 до 24 месяцев. Ее использование обычно ограничено 2½ из любых 5 лет, оцениваемых на скользящей основе.	Помощь предоставляется в форме единовременных или повторных выплат в течение ограниченного периода времени в случае повторяющихся или текущих потребностей в финансировании с учетом ограничений доступа, специфичных для этого инструмента.
Финансовые ковенанты	Погашение кредитов производится раз в полгода равными частями при условии 5½-летнего льготного	Платежи по кредиту SCF производятся раз в полгода равными частями с учетом 4-летнего льготного периода	Погашение кредитов производится раз в полгода равными частями при условии 5½-летнего льготного

³ В период с 2008 г. по 2009 г. включительно действовал механизм, направленный на сглаживание последствий внешних потрясений (*Exogenous Shocks Facility*), для помощи странам-членам в решении проблем с платежным балансом, обусловленных внезапным и резким внешним воздействием.

	периода и 10-летнего срока погашения.	и 8-летнего срока погашения.	периода и 10-летнего срока погашения.
	Проценты по всем кредитам выплачиваются раз в полгода и подлежат регулярным проверкам Исполнительным советом с учетом мировых процентных ставок.		
	Использование программы в качестве превентивной меры не предусмотрено.	Использование инструмента в качестве превентивной меры (<i>precautionary use</i>) влечет за собой небольшую плату за доступность в размере 0,15% в год, выплачиваемую с полной суммы выплат, доступных в течение каждого 6-месячного периода в рамках соглашения, или любого более короткого периода, который остается в рамках соглашения в той мере, в какой такие выплаты не привлекаются участником.	Использование программы в качестве превентивной меры не предусмотрено.
Условия	Соглашения в рамках этих механизмов подпадают под действие стандартных условий верхнего кредитного транша (<i>Upper Credit Tranche (UCT)</i>) – набора условий, связанных с программой, которые предназначены для обеспечения того, чтобы ресурсы МВФ поддерживали цели программы с адекватными гарантиями в отношении ресурсов МВФ. Обусловленность устанавливается только на основе тех переменных или мер, которые "разумно" находятся под прямым или косвенным контролем участника и которые, как правило, либо (1) имеют решающее значение для достижения целей программы участника или для мониторинга реализации программы, либо (2) необходимы для реализации конкретных положений Статей Соглашения МВФ или политики, принятой в соответствии с ними.		Если стандарт обусловленности UCT либо не является необходимым, либо неосуществимым, используется Механизм быстрого кредитования.

Источник: адаптировано автором по материалам МВФ [3. Р. 51–53].

После запуска PRGT работа этого инструмента постоянно корректируется с целью устранения выявляемых недостатков. Однако темпы корректировки не всегда отвечают запросам стран-членов Фонда, поскольку выработка политики

МВФ подразумевает поиск компромиссов между желаниями стран-участниц и реальными возможностями этой финансовой организации и ее персонала.

К примеру, большинство обсуждаемых на уровне Исполнительного совета документов по предоставлению финансирования развивающимся государствам, содержат рекомендации о необходимости внедрения индивидуального подхода к каждой стране-заемщику, но эксперты Фонда продолжают настаивать на унифицированном подходе, полагая, что при использовании единых требований и проверенных временем механизмов снижаются риски, в том числе коррупционные.

В случае, если какая-либо сложная ситуация объективно требует разрешения, то решения выносятся на уровень Исполнительного совета и принимаются им довольно быстро, например, так было в 2021 году при изменении критериев для классификации стран, которые могут получить доступ к льготному финансированию из средств PRGT. Суть изменений состояла в следующем. Развивающиеся страны, в зависимости от размера ВВП на душу населения и доступа к международному рынку капитала, разделялись на две группы: на имеющих право получить льготное финансирование только в сочетании с ресурсами МВФ в соотношении 1:2 (PRGT: Счет общих ресурсов (*General Resources Account*)⁴) (в терминологии МВФ – «blend countries»), и на тех, для кого это требование было необязательным (в терминологии МВФ – «non-blend countries»). Первоначально установленные критерии, оценивающие макроэкономические показатели стран в годовой перспективе, создавали ситуации, при которых в течение нескольких лет страны, находящиеся в экономически нестабильном положении (как например, Киргизия), «перекочевывали» из одной группы в другую. Новые критерии позволили оценивать экономическое положение стран в соответствии с их макроэкономическими показателями на горизонте 3–5 лет, исключив возникновение указанного эффекта. На сегодняшний день из государств Центральной Азии под действующие критерии «non-blend countries» подпадают Таджикистан и Киргизия, а под критерий «blend countries» – Узбекистан [10. Р. 54].

Второй модификацией, осуществленной в годы пандемии COVID-19, стало временное увеличение годовых/кумулятивных лимитов по доступу к ресурсам PRGT до 145/435% от квоты страны-члена (по аналогии с лимитами для доступа к общим ресурсам Фонда)⁵, что дало возможность странам с высокой задолженностью перед МВФ привлечь необходимые им кредитные средства. Процентные ставки по всем займам, предоставляемым через механизмы PRGT, оставлены на нулевом уровне – как это было установлено в 2015 г. – до следующего пересмотра структуры процентных ставок, запланированного

⁴ Через этот счет в основном осуществляются финансовые операции МВФ с его членами.

⁵ До этого годовые / кумулятивные лимиты по инструментам Extended Credit Facility и Standby Credit Facility составляли 100/250% от квоты, а по Rapid Credit Facility – 25/100% от квоты.

на конец июля 2023 года [10. Р. 3]. Одновременно сократилось количество требований к получателям кредитов, при этом акцент был сделан на достижении долгосрочных целей развития в сочетании со стратегиями сокращения бедности и увеличении показателей экономического роста [11].

В результате, начиная с 2020 года, страны-заемщики отдавали приоритет использованию механизма быстрого кредитования вместо расширенного кредитования, как было ранее. За счет этого кредитный портфель PRGT за 2 последних года вырос более чем в 2 раза. На начало 2022 года объем выданных и непогашенных кредитов из средств PRGT составил порядка 15 млрд долл. [9. Р. 40].

Ряд независимых экспертов в целом положительно оценивают прогресс, достигнутый к настоящему времени МВФ в части помощи развивающимся государствам. Так, например, если в их отчетах о деятельности Фонда за период с 2004 по 2014 годы отмечалось недостаточное внимание персонала МВФ к страновой специфике и институциональному контексту развивающихся государств, что приводило к написанию рекомендаций «слишком общих и универсальных для всех» [12. Р. 11–16], то уже в отчете от 2018 г. констатировалось внедрение гибкого подхода при формировании программ [13. Р. 48].

Иные фонды и инструменты для помощи развивающимся странам. Наиболее сложной проблемой, с которой сталкиваются развивающиеся страны, является долговое бремя. С целью ее разрешения в середине 1990-х гг. для 39 государств была запущена Инициатива в отношении бедных стран с крупной задолженностью (*Heavily Indebted Poor Countries (HIPC) Initiative*). На последнюю отчетную дату – 15 марта 2016 года – кредиторы списали долги развивающимся странам на общую сумму 74,8 млрд долл., в том числе члены Парижского клуба – на 41,6 млрд долл. Долги перед МВФ в размере 6,4 млрд долл. были погашены путем перечисления соответствующей суммы из средств специального Трастового фонда для специальных операций по борьбе с бедностью и стимулирования экономического роста для бедных стран с крупной задолженностью (*Trust for Special Poverty and Growth Operations for the Heavily Indebted Poor Countries and Interim ECF Subsidy Operations*), сформированного за счет двусторонних взносов и ресурсов самого Фонда, главным образом инвестиционного дохода от продажи в 1999 году золота [14], на счета Генерального департамента МВФ.

Дополнительно в рамках Многосторонней инициативы по облегчению бремени задолженности (*Multilateral Debt Relief Initiative*) международные финансовые организации списали еще 41,6 млрд долл., включая МВФ – 3,7 млрд долл. [15. Р. 7] (рис. 3).

Из стран постсоветского пространства только Таджикистан мог претендовать на облегчение долгового бремени. Ему было списано 100,1 млн долл. долга и процентов по нему, в том числе 69 млн долл. долга перед МВФ [15. Р. 29].

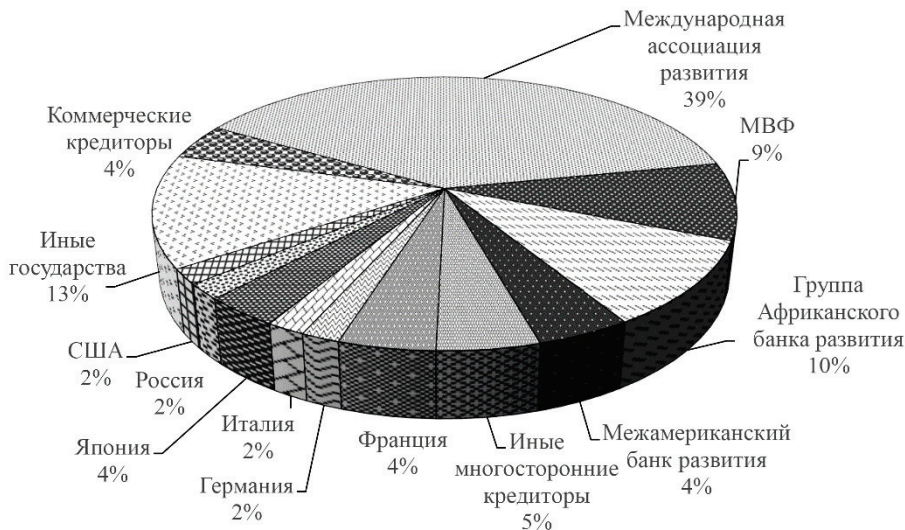

Рис. 3. Распределение затрат на участие в Инициативе в отношении бедных стран с крупной задолженностью и Многосторонней инициативе по облегчению бремени задолженности по основным кредиторам и группам стран (в млрд долл.)

Источник: составлено автором по данным совместного доклада МВФ и Международной ассоциации развития [15. Р. 6, 35].

Другие страны, столкнувшимися в конце 1990-х годов с резким ростом долговой нагрузки, но будучи кредитоспособными, рассчитывались по своим долгам самостоятельно, но не без помощи МВФ. В частности, Фондом совместно с другими международными организациями и ведущими развитыми странами реализована «Инициатива СНГ-7» (для Армении, Азербайджана, Грузии, Киргизии, Молдавии, Таджикистана и Узбекистана), в рамках которой кредиторами проанализированы ошибки при предоставлении финансирования постсоветским странам, пересмотрен подход к работе в регионе и оказано техническое содействие правительствам стран для улучшения управления государственными финансами. В итоге за 2001-2003 годы уровень государственного долга стран СНГ-7 был снижен до приемлемого. При этом рост ВВП указанных государств составил в среднем более 7%, что частично «компенсировало потери доходов, понесенные в первое десятилетие переходного периода, и способствовало сокращению бедности» [16. Р. 5]. В дальнейшем показатели государственного долга охваченных «Инициативой СНГ-7» стран поддерживался на уровне, не угрожающем финансовой стабильности государств (рис. 4).

В 2015 г. странами-членами МВФ был создан Фонд по локализации катастроф и оказанию чрезвычайной помощи (*Catastrophe Containment and Relief Trust (CCRT)*), предоставляющий гранты на облегчение долгового бремени странам, по-

страдавшим от стихийных бедствий или быстро распространяющихся заболеваний. Ресурсы, которыми располагает ССРТ, небольшие, и на конец января 2022 г. составили 95,9 млн долл. [14. Р. 44]. За время функционирования фонда доноры внесли в него почти 1,4 млрд долл., из которых чуть более половины инвестировали государства-члены, остальное – МВФ [Ibid, Р. 54].

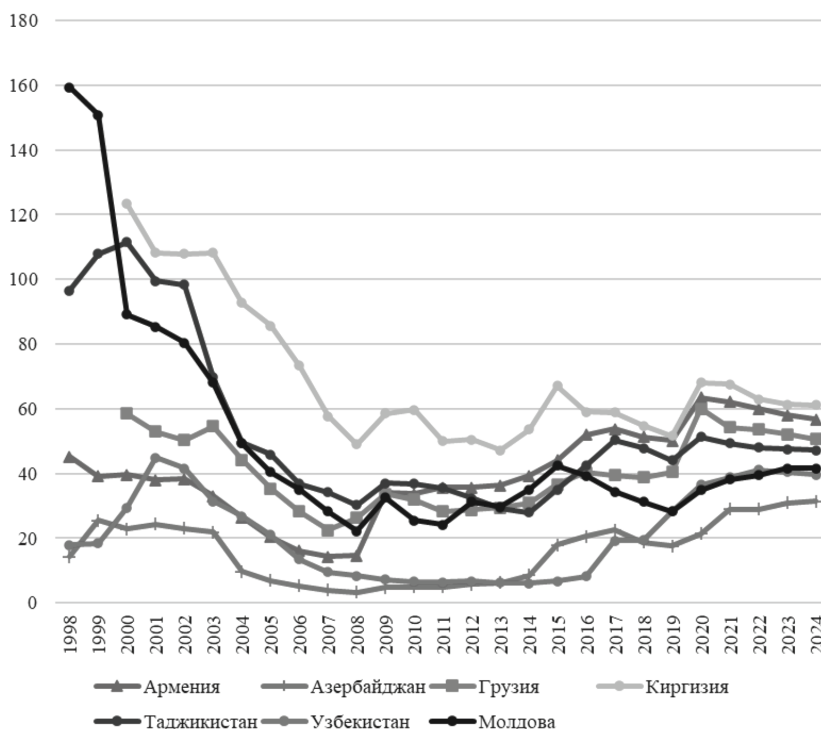

Рис. 4. Уровень государственного долга стран-участниц «Инициативы СНГ-7» (в % к ВВП)
 Источник: International Monetary Fund, World Economic Outlook Database, October 2021.

В период распространения пандемии COVID-19 и после нее (апрель 2020 г. – апрель 2022 г.) из ресурсов этого фонда было выделено 5 траншей общим объемом 959 млн долл. для облегчения обслуживания долга 29 государств. Основными бенефициарами данной инициативы стали страны Африканского континента, получившие около 85% средств (рис. 5). Таджикистан получил в совокупности 27,1 млн долл., а Киргизии – 12,4 млн долл. в рамках 4-го транша [9. Р. 55].

Работа перечисленных выше фондов, администрируемых МВФ, дополняется нефинансовым Инструментом помощи в проведении политики (*Policy Support Instrument (PSI)*), который используется для содействия странам с низким и средним уровнем ВВП на душу населения, находящимся в целом в стабильном макроэкономическом положении и нуждающимся в консультативной,

а не финансовой помощи МВФ. Также в апреле 2022 г. было объявлено о запуске платформы МВФ и Всемирного банка для консультирования бедных стран по вопросам финансирования мероприятий по нивелированию последствий изменения климата [17].

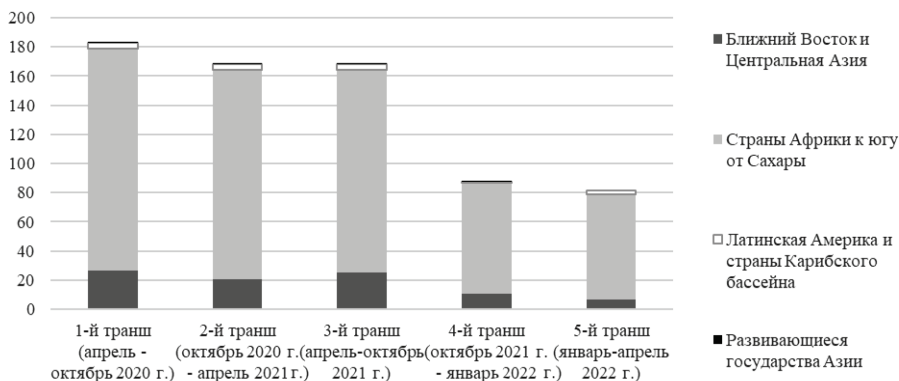

Рис. 5. Совокупная помощь по облегчению долгового бремени на 31 января 2022 года из средств Фонд по локализации катастроф и оказанию чрезвычайной помощи (млн СПЗ⁶)

Источник: составлено автором по данным отчетности МВФ [9. Р. 55]

Помимо поддержки развивающихся государств, Фонд работает над целевыми кросс-секторальными инструментами. Например, с начала 2010-х гг. экспертами МВФ вырабатываются решения для помощи странам, пережившим военный конфликт и (или) испытывающим внутривнутриполитические сложности, когда функционирующие в них институты по тем или иным причинам ослабевают, а правительства не обладают должной легитимностью⁷. В апреле 2022 г. была утверждена Стратегия поддержки «хрупких» государств и стран, пострадавших от конфликтов (*Strategy for Fragile and Conflict-Affected States*). По оценке экспертов МВФ, к таким странам можно отнести 1/5 часть членов Фонда (42 страны), включая Афганистан и Таджикистан. Особенностью при работе МВФ в таких странах станет требование обязательного обеспечения защиты всех социальных групп граждан при проведении реформ (макроэкономических корректировок), сглаживания неравенства и сокращения масштабов бедности. При этом темпы и сроки макроэкономической корректировки и структурных реформ при поддержке Фонда могут быть гибкими и должны согласовываться с политическим и социальным контекстом в стране [19].

⁶ На начало 2022 года курс специальных прав заимствования был равен 1,39 долл. США.

⁷ Для того, чтобы оценить масштаб указанной проблемы, приведем следующие цифры. Стоимость «типичного гражданского конфликта» для страны и ее соседей составляет около 64 млрд долл., а стоимость существования типичного нестабильного государства и потери его соседей за все время нестабильности оценивается примерно в 100 млрд долл. (подробнее см. Исследование П. Кольера [18]).

Судя по недавним исследованиям, реформы в МВФ, проводившиеся в 2010-х – 2020-х гг., дали положительный результат. Так, если в конце 1990-х гг. многие ученые акцентировали внимание на долгосрочных негативных последствиях поддерживаемых МВФ программ [20–23], то позже появились и положительные оценки деятельности института. В частности, Г. Берд и Д. Роулэндс обнаружили, что в странах с низким и средним уровнем дохода программы Фонда оказывают положительное влияние на экономический рост в течение двух лет после начала программы [24]. К. Мунссен, Я. Бал Гюндюз, К. Байк и Л. Калтани установили, что долгосрочная (5 лет и более) помощь МВФ способствовала стабилизации экономик некоторых развивающихся государств и поддержанию их устойчивости, особенно в случаях, когда обратившиеся за кредитами страны испытывали серьезные макроэкономические потрясения [25].

Взаимодействие МВФ с со странами Центральной Азии с высоким уровнем развития человеческого потенциала. В 1990-х годах МВФ активно кредитовал Россию и Украину, а с середины 2000-х по настоящее время – Украину и Белоруссию (рис. 6). Операции с другими государствами составляли небольшую долю в общем объеме выданных кредитов, а в Центральной Азии (за исключением Казахстана) и на Кавказе по большей части представляли собой финансирование из средств PRGT, включая займы в рамках SAF/ESAF.

Рис. 6. Объем выдаваемых МВФ странам бывшего Советского Союза заемных средств по годам (в млн СПЗ⁸)

Источник: составлено автором по материалам официального сайта МВФ.

⁸ На начало 2022 года курс специальных прав заимствования был равен 1,39 долл. США.

Среди бывших советских республик Туркменистан стал единственным государством, не обращавшимся к МВФ за финансовой помощью. В 1990-х годах руководство республики использовало Фонд в качестве переговорной площадки и третьей независимой стороны для взыскания с Украины, Грузии, Армении и Азербайджана долгов по оплате поставленного им газа [26. Р. 51]. Общая сумма претензий к странам-должникам на конец 1997 года составляла 1,3 млрд долл., и даже при условии реструктуризации ее было сложно истребовать без вмешательства Фонда [27]. Но взаимодействие Туркменистана с МВФ в последние годы сведено к минимуму, на официальном сайте Фонда не публикуются доклады и комментарии исполнительных директоров согласно статье IV Статей Соглашения МВФ, и даже перестали размещаться пресс-релизы с краткими отчетами персонала организации по итогам визитов в страну.

Тем временем, Казахстан поддерживает активный диалог с Фондом, видимо, поэтому Региональный центр МВФ для развития потенциала правительств государств Центральной Азии, Кавказа и Монголии, открывшийся в феврале 2021 года, расположен в г. Алматы [28]. Погасив в 2000 году свои обязательства перед МВФ за предыдущий период, республика более не обращалась за кредитами и пользуется только консультативной поддержкой Фонда, наращивая сотрудничество с многосторонними институтами развития.

Однако, некоторые займы Казахстана у многосторонних банков представляются сомнительными с точки зрения целей, на финансирование которых они направлялись. Так, для стабилизации экономики в 2015 году после резкого снижения мировых цен на энергоносители и в 2020 году вследствие распространения COVID-19, республика заимствовала средства у Международного банка реконструкции и развития (МБРР), Азиатского банка развития (АБР) и Азиатского банка инфраструктурных инвестиций (АБИИ). В первом случае МБРР и АБР выделили Казахстану по 1 млрд долл. в рамках финансирования государственного бюджета [29. Р. 2; 30]. Во втором случае АБР одолжил Правительству Республики Казахстан сумму, эквивалентную 1 млрд долл., а АБИИ – 750 млн долл. [31. Р. 17] Указанные средства перечислялись банками на счет республики одним траншем после выполнения рекомендаций финансовых институтов.

В итоговой оценке эффективности использования заемных средств МБРР эксперты отмечали, что в программный документ займа для Казахстана в качестве предварительного условия для одобрения операции были внесены мероприятия, предусматривающие изменения в структуре обменного курса и в денежно-кредитной политике – областях, которые обычно входят в мандат МВФ. При этом, документы, подготовленные для рассмотрения Исполнительным советом МБРР вопроса предоставления займа республике, не содержали обоснований отсутствия программ с Фондом [29. Р. 3–4].

Итоговая оценка использования кредита АБР в 2016 году включала критические замечания относительно уклонения руководства Казахстана от обязательных для такого типа займов консультаций с МВФ по вопросам макроэкономической стабилизации и отсутствия в документах для Совета директоров необходимого анализа обоснованности «реакции макроэкономического управления на характер потрясений» [32. Р. 3].

Помимо Туркменистана и Казахстана, согласно классификации ПРО-ООН, страной с высоким развитием человеческого потенциала является Узбекистан [33. Р. 122]. Однако разница в уровне доходов на душу населения двух первых из указанных государств и Узбекистана существенная: в 3,8 и 5 раз соответственно⁹. Поэтому, в отличие от Туркменистана и Казахстана, Узбекистан имеет право заимствовать средства как у МБРР, так и у Международной ассоциации развития (МАР).

С 1997 по 2016 год руководство Узбекистана в общении с экспертами МВФ пыталось маневрировать, обещая провести необходимые реформы для либерализации финансового сектора, но на деле продолжая проводить политику импортозамещающей индустриализации и применять административное регулирование экономики. Результатом такой политики стало снижение эффективности экономического роста в сокращении масштабов нищеты [34. Р. 20] и низкий уровень социального обеспечения граждан, включая качество образования и устаревание объектов критически важной инфраструктуры жилищно-коммунального хозяйства [35].

В середине 2010-х годов стало очевидно, что для преодоления данной проблемы в сжатые сроки руководству Узбекистана требуется льготная финансовая помощь иностранных кредиторов. Поэтому республика активизировала сотрудничество с бреттон-вудскими институтами, начав экономические реформы с либерализацией финансового сектора. Благодаря положительным заключениям МВФ относительно достижения республикой заявленных целей, институты Группы Всемирного банка – МБРР и МАР существенно нарастили свои кредитно-инвестиционные портфели в стране (Рис. 7 и 8), а в 2020 году МВФ предоставил Узбекистану кредит в сумме 255 млн долл. и помощь из средств PRGF в сумме 128 млн долл. [36], позволив стране избежать существенного снижения ВВП и сдержать инфляцию [37. Р.1].

Таким образом, странам Центральной Азии с высоким уровнем развития человеческого потенциала (Казахстан и Узбекистан) взаимодействие с МВФ позволяет привлекать финансирование многосторонних институтов, прежде всего Всемирного банка, при незначительных объемах заимствования у самого Фонда.

⁹ Рассчитано на основе данных Всемирного банка.

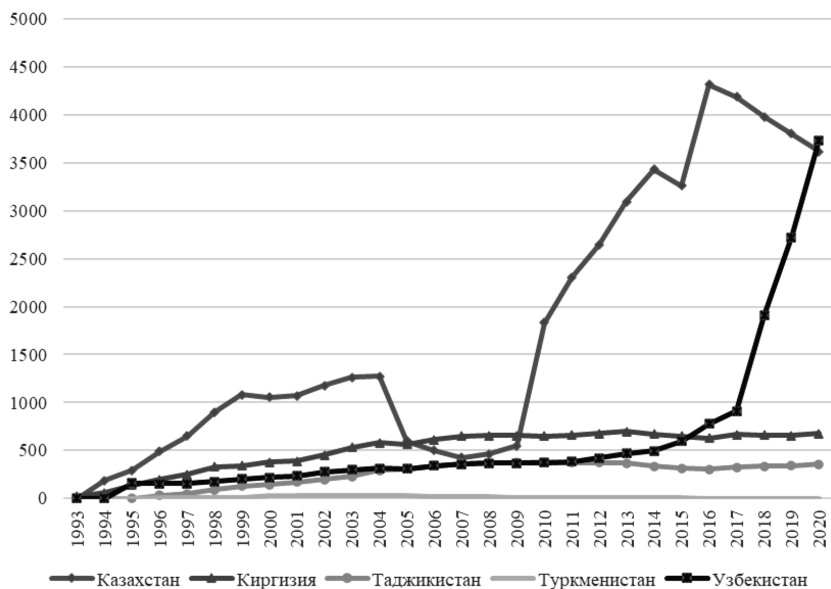

Рис. 7. Объем кредитно-инвестиционного портфеля МБРР в странах Центральной Азии

Источник: составлено автором на основе данных статистической базы Всемирного банка.

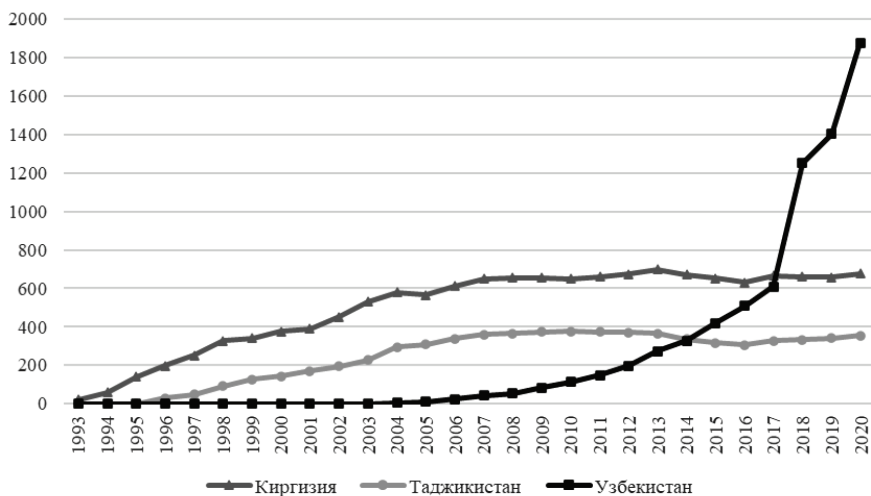
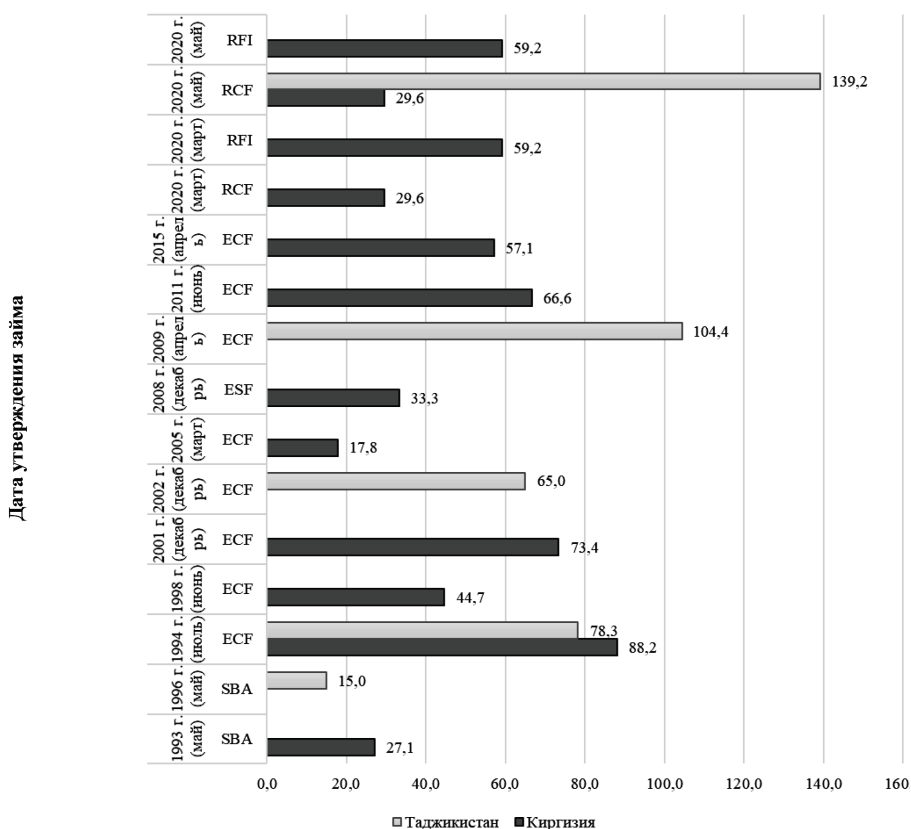

Рис. 8. Объем кредитно-инвестиционного портфеля МАР в странах Центральной Азии

Источник: составлено автором на основе данных статистической базы Всемирного банка.

Сотрудничество Фонда с бедными странами. Взаимодействие МВФ со странами Центральной Азии, где за чертой бедности проживает более четверти населения,

* На рисунке введены следующие обозначения: SBA = Standby Arrangement (резервное соглашение за счет средств Генерального Департамента); RFI = Rapid Financing Instrument (инструмент быстрого финансирования); RCF = Rapid Credit Facility (механизм быстрого кредитования); ESF = Exogenous Shock Facility (механизм для экзогенного шока); ECF = Extended Credit Facility (механизм расширенного кредитования); RCF = Rapid Credit Facility (механизм быстрого кредитования).

Рис. 9. Выданные Киргизии и Таджикистану кредиты за счет средств МВФ и PRGF (млн долл.)

Источник: составлено автором по данным МВФ [38, 39].

Киргизией и Таджикистаном¹⁰, строится по иной схеме, поскольку эти страны зависимы от финансовой поддержки Фонда. За 30 лет независимости Таджикистану было одобрено получение кредитов на сумму, эквивалентную 589 млн долл., включая 567 млн долл. из средств PRGT. Выбрано страной кредитов на сумму 558,6 млн долл. Для Киргизии Исполнительный совет Фонда в разные годы одобрил выделение кредитов на сумму, эквивалентную 913,5 млн долл., включая кредиты на

¹⁰ Согласно данным статистики Всемирного банка за 2020 год для Киргизии и за 2019 год для Таджикистана.

сумму 710,2 млн долл. из средств PRGT. Республикой выбрано средств в общем объеме на сумму 792,6 млн долл. (Рис. 9).

Сотрудничество Таджикистана с Фондом началось в конце 1990-х гг. – начале 2000-х гг., когда перед руководством страны стояла непростая задача восстановления экономики, разрушенной гражданской войной. Тогда МВФ совместно с Всемирным банком, а чуть позже и с АБР, опробовали схему комплексной координации реализуемых в Таджикистане программ в качестве эксперимента. За счет этого удалось достичь поставленной перед Фондом задачи по сокращению доли населения, живущего за чертой бедности: с 83% в 2001 году до 75% в 2006 году и до 60% к 2015 году [40. Р. 6]. Но необходимо учитывать, что более 20% населения республики в настоящее время проживает на грани попадания в разряд бедных, а показатель неравенства в доходах в ней остается одним из самых высоких (см. подробнее табл. 2). Однако определить, насколько на улучшение благосостояния населения Киргизии и Таджикистана повлияли программы МВФ, не представляется возможным ввиду вовлеченности в данный процесс множества акторов, хотя само руководство Фонда оценивает свою работу в республике, как «в целом историю успеха» [41. Р. 18].

Таблица 2

Показатели бедности населения в Киргизии и Таджикистана в сравнении с развивающимися государствами и государствами макрорегиона Европа и Центральная Азия

		Киргизия	Таджикистан	Развивающиеся государства	Европа и Центральная Азия
Многомерный индекс бедности	Год исследования	2018	2017	–	–
	Значение	0,001	0,029	0,105	0,004
Население, проживающее в многомерной бедности (%)		0	0,7	9,5	0,1
Население, уязвимое к многомерной бедности (%)		5,2	20,1	15,2	3,2
Вклад различных лишений в многомерную бедность (%)	Здравоохранение	64,6	47,8	25,6	52,8
	Образование	17,9	26,5	29,7	24,8
	Уровень жизни	17,5	25,8	44,7	22,4
Население, проживающее за чертой бедности (%)	За национальной чертой бедности	20,1	26,3	20,2	9,8
	На менее чем 1,9 долл. в день	0,6	4,1	14,8	1,1

Источник: составлено автором на основе данных Программы развития ООН [42].

С середины 2000-х годов по настоящее время руководство Таджикистана обращалось за кредитами МВФ в исключительных случаях для стабилизации экономической ситуации после негативных внешних шоков. В кризисный 2020 год соотношение официальной помощи развитию, полученной республикой от МВФ, к средствам, переведенным другими организациями и странами, составило 24,5 к 75,5 (рис. 10), но в остальные годы этот коэффициент был ниже. Учитывая значительные суммы привлекаемой Правительством Республики Таджикистан официальной помощи развитию, для страны является важным ежегодное обследование экономики Таджикистана, проводимое в соответствии с требованиями статьи IV Статей Соглашения МВФ, и выводы, содержащиеся в нем, так как решения о предоставлении средств принимаются донорами на основании этих выводов.

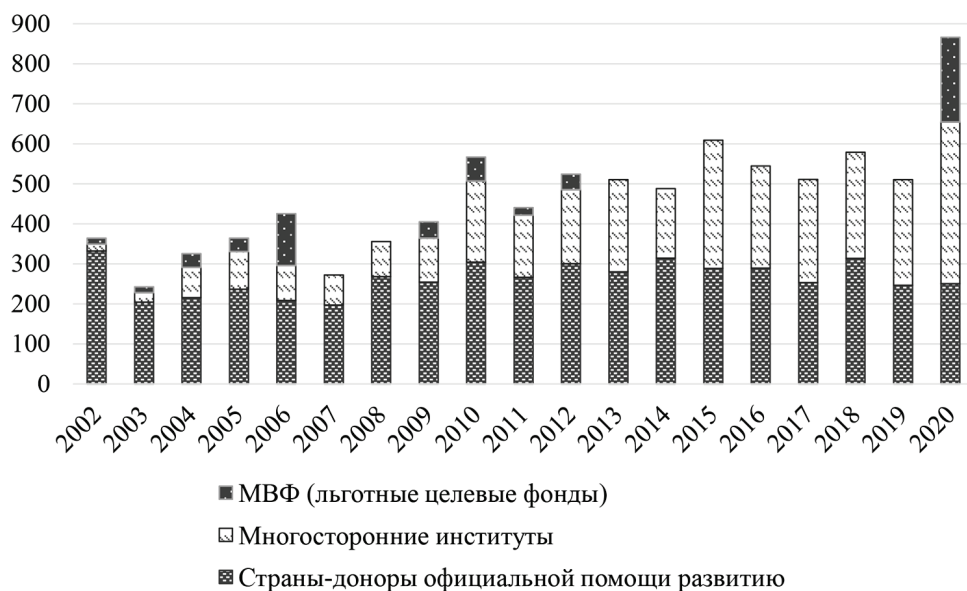

Рис. 10. Официальная помощь Таджикистану от государств-членов ОЭСР и многосторонних институтов (млн долл.)

Источник: составлено автором по данным Creditor Reporting System (CRS). URL: <https://stats.oecd.org/Index.aspx?DataSetCode=CRS1#>

В Киргизии в 2020 году соотношение официальной помощи развитию, полученной от МВФ, к средствам, переведенным другими организациями и странами, было равно 15,5 к 84,5 (рис. 11), но и объемы привлеченных средств донора были меньше, чем у Таджикистана.

Согласно данным ПРООН, за последнее время в Киргизии и Таджикистане наблюдается положительная динамика сокращения масштабов нищеты. Особенно заметен достигнутый Таджикистаном и Киргизией прогресс

в обеспечении населения жильем, питьевой водой, питанием и топливом для приготовления пищи (рис. 12 и 13).

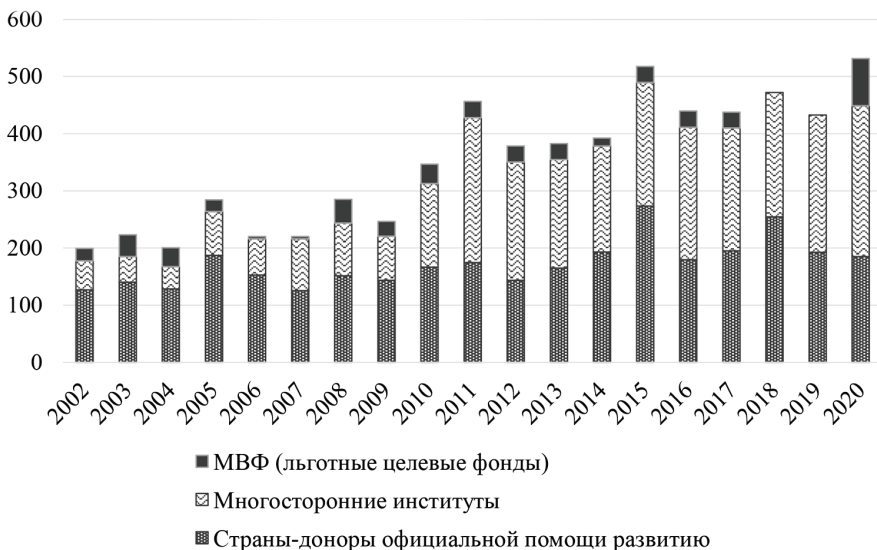

Рис. 11. Официальная помощь Киргизии от государств-членов ОЭСР и многосторонних институтов (млн долл.)

Источник: составлено автором по данным Creditor Reporting System (CRS). URL: <https://stats.oecd.org/Index.aspx?DataSetCode=CRS1#>

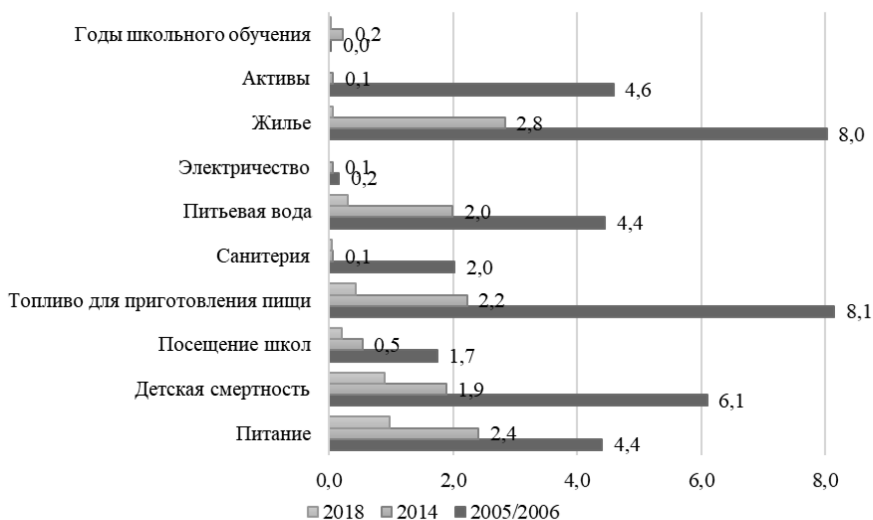

Рис. 12. Люди, которые в Киргизии являются многомерно бедными и обездоленными по каждому показателю (в % от населения страны)

Источник: составлено автором на основе данных Программы развития ООН [42].

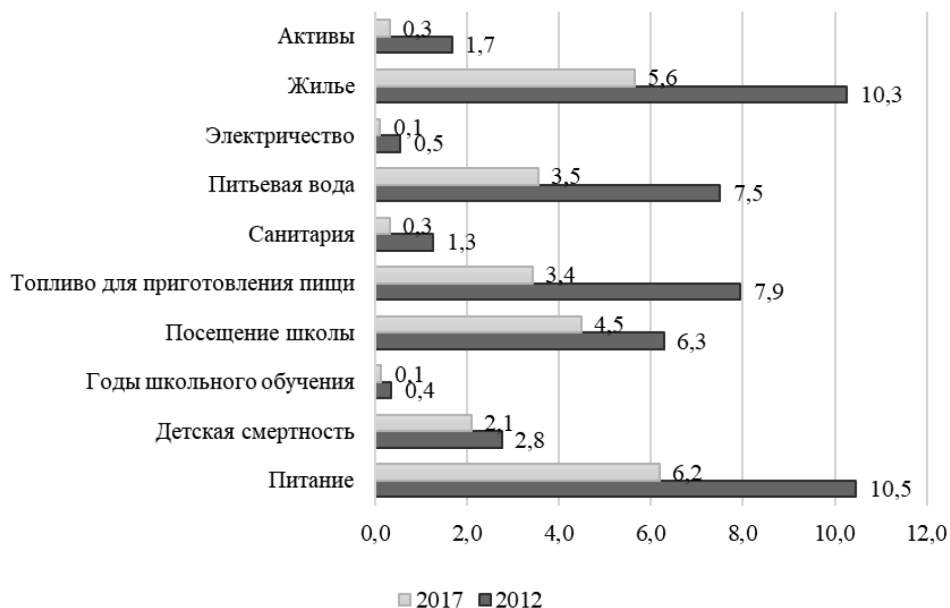

Рис. 13. Люди, которые в Таджикистане являются многомерно бедными и обездоленными по каждому показателю (в % от населения страны)

Источник: составлено автором на основе данных Программы развития ООН [42].

В ежегодных обзорах состояния экономики Киргизии отмечается, что существенные региональные различия в благосостоянии граждан сделали высокий уровень бедности «главной политической проблемой» [44. Р. 46], и одновременно признается, что поставленные задачи в части сокращения масштабов бедности не всегда выполняются в полном объеме, во многом из-за низкого, в сравнении с показателями сопоставимых государств, ежегодного прироста ВВП Киргизии [Ibid, Р. 39].

Как показывают многочисленные исследования, наиболее эффективно МВФ работает в странах, обладающих хорошим институциональным потенциалом (см., например, исследование Т. Прадхан, А. Дж. Аль-Садик [45]).

На начальном этапе (с 1993 по 2004 год) сотрудничества Киргизии с МВФ эксперты Фонда брали на себя ответственность за недостижение киргизским правительством целевых показателей программ, на реализацию которых республике выделялись займы, утверждая, что «не смогли в полной мере осознать сложность проблем, с которыми сталкиваются [страны] при экономических преобразованиях» [46, Р. 3]. Впоследствии (с 2005 по 2009 год) результативность программ МВФ вызвала у экспортов Фондов недоумение: с одной стороны, она оценивалась как удовлетворительная [47. Р. 7], а с другой стороны, тот факт, например, что даже после операций Парижского клуба по оказанию Киргизии помощи в 2002 и 2005 гг. внешний долг республики оставался высоким,

а его устойчивость была уязвима для потрясений [Ibid P. 11], вызывал у них определенные опасения. В настоящее время ответственность за ненадлежащую имплементацию программ возлагается в основном на Правительство Киргизской Республики. Показательным является пример с чрезвычайной помощью, полученной киргизскими властями в 2020 г. В соответствии с положениями Письма о намерениях в рамках RFI/RCF, которое послужило в качестве запроса на помощь и подписано должностными лицами республики, все контракты с указанием имен бенефициарных владельцев подлежали опубликованию. Но пересмотренный закон о закупках с требованием раскрытия информации о бенефициарных владельцах во всех государственных контрактах был принят Киргизией только в январе 2021 года, что сделало невозможным его применение к закупкам, осуществленным на средства кредита [Ibid. P. 16–17].

Таким образом, Фонд продолжает играть некоторую роль в стабилизации экономического положения стран в случае внешних и внутренних шоков, а также подталкивает Киргизию и Таджикистан к экономическому росту и развитию, но его потенциала недостаточно для сокращения масштабов бедности в центральноазиатских странах.

Литература

1. *Delyagin M.* Russia and the IMF: Thoughts Prompted by an Important Anniversary. Официальный сайт Международного дискуссионного клуба «Валдай». 01.06.2012. URL: https://valdaiclub.com/a/highlights/russia_and_the_imf_thoughts_prompted_by_an_important_anniversary_dbf/.
2. Memorandum to the Executive Board of the International Monetary Fund and the Board of Executive Directors of the World Bank March 30, 1989. IMF official web-site. URL: <https://www.imf.org/en/publications/selected-decisions/description?decision=sm%2F89%2F54>
3. IMF Financial Operations 2018. Washington, DC: International Monetary Fund. 2018.
4. *Boughton J.M.* Tearing Down Walls. The International Monetary Fund 1990-1999 // Washington, DC: International Monetary Fund, 2012.
5. *Gündüz Y.B., Ebeke Ch., Hacibedel B., Kaltani L., Kehayova V., Lane Ch., Mumssen Ch., Mwase Nk., Thornton J.* The Economic Impact of IMF-Supported Programs in Low-Income Countries. International Monetary Fund (Occasional Paper № 22). 2013.
6. *Easterly W.* The effect of IMF and World Bank programs on poverty // World Bank. October 31, 2000.
7. The IMF's Enhanced Structural Adjustment Facility (ESAF): Is It Working? Официальный сайт МВФ. September 1999. URL: <https://www.imf.org/external/pubs/ft/esaf/exr/>.
8. IMF. Fund Conditionality—a Provisional Update. Washington, DC: International Monetary Fund. 2004.
9. Quarterly Report on IMF Finances (for the Quarter Ended January 31, 2022). Washington, DC: International Monetary Fund, 2022.
10. Fund Concessional Financial Support for Low-Income Countries—Responding to the Pandemic (Staff Report). Washington, DC: International Monetary Fund, 2021.
11. *Cabrillac Br., Jacolin L.* L'évolution des facilités du FMI pour les pays pauvres. Fondation pour les études et recherches sur le développement international (Note brève n°227), 2022. URL:

- <https://ferdi.fr/dl/df-92gyNhFZmrt6vLHWxbe5HRJ6/ferdi-b227-1-evolution-des-facilites-du-fmi-pour-les-pays-pauvres.pdf>
12. Recurring Issues from a Decade of Evaluation. Lessons for the IMF. Washington, DC: International Monetary Fund, 2004.
 13. 2018 Review of Program Design and Conditionality (Staff Report). Washington, DC: International Monetary Fund, 2019.
 14. Debt Relief Under the Heavily Indebted Poor Countries (HIPC) Initiative. IMF official website. March 23, 2021 URL: <https://www.imf.org/en/About/Factsheets/Sheets/2016/08/01/16/11/Debt-Relief-Under-the-Heavily-Indebted-Poor-Countries-Initiative>
 15. Heavily Indebted Poor Countries (HIPC) Initiative and Multilateral Debt Relief Initiative (MDRI) - Statistical Update. Prepared by the staffs of the International Development Association (IDA) and the International Monetary Fund (IMF). March 15, 2016. URL: <https://documents1.worldbank.org/curated/en/123261467999692988/pdf/104810-BR-SecM2016-0137-IDA-SecM2016-0082-Box394885B-OUO-9.pdf>
 16. Recent Policies and Performance of the Low-Income CIS Countries. An Update of the CIS-7 Initiative. Prepared jointly by the Europe and Central Asia Region of the World Bank and the Middle East and Central Asia Department of the IMF (In consultation with the staffs of the Asian Development Bank and the European Bank for Reconstruction and Development). IMF official web-site. April 23, 2004. URL; <https://www.imf.org/external/np/oth/042304.pdf>
 17. *Shalal A.* World Bank, IMF Eye Ways To Link Debt Relief To Climate Change Spending. Reuters. April 8, 2021. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.reuters.com/business/environment/exclusive-world-bank-imf-eye-ways-link-debt-relief-climate-change-spending-2021-04-07/> (дата обращения: 17.05.2022).
 18. *Collier P.* The Bottom Billion: Why the Poorest Countries are Failing and What Can Be Done About It. New York: Oxford University Press, 2007.
 19. IMF Strategy For Fragile And Conflict-Affected States (FCS). Washington, DC: International Monetary Fund, 2022.
 20. *Bird G.* IMF programs: Do they work? Can they be made to work better? // World Development. 2001. Vol. 29(11). PP. 1849–1865.
 21. *Bird G., Rowlands D.* Political economy influences within the life-cycle of IMF programs. // The World Economy. 2003. Vol. 26(9). PP. 1255–1278.
 22. *Hutchinson M.* A cure worse than the disease? Currency crises and the output costs of IMF-supported stabilization programs. NBER Working Paper No. 8305, 2001.
 23. *Bordo M.D., Schwartz A.J.* Measuring real economic effects of bailouts: historical perspectives on how countries in financial distress have fared with and without bailouts // Carnegie-Rochester Conference on Public Policy. 2000. Vol. 53. PP. 81–167.
 24. *Stiglitz J.* What I learned at the world economic crisis // The New Republic. 2000. April 17. PP. 56–61.
 25. *Bird G., Rowlands D.* The Effect of IMF Programs on Economic Growth in Low Income Countries: An Empirical Analysis // Journal of Development Economics. 2017. Vol. 53(12). PP. 2179–2196.
 26. Turkmenistan: Recent Economic Developments. IMF Staff Country Report # 98/81. Washington, DC: International Monetary Fund, 1998.
 27. Statement by the Hon. Yolly A. Gurbanmuradov, Governor of the Fund for Turkmenistan, at the Joint Annual Discussion. Board of Governors, 1998 Annual Meeting. Washington, DC: International Monetary Fund, 1998. URL: <https://www.imf.org/external/am/1998/speeches/pr13tme.pdf>

28. IMF Launches New Regional Center in Kazakhstan / Business Turkmenistan, 02.02.2021. URL: <https://business.com.tm/post/6619/imf-launches-new-regional-center-in-kazakhstan>
29. Implementation Completion Report Review (Report Number: ICRR0021015). Independent Evaluation Group (IEG). Kazakhstan Programmatic DPO(P154702). URL: <https://documents1.worldbank.org/curated/en/212611528407090438/pdf/Kazakhstan-Kazakhstan-Programmatic-DPO.pdf>
30. Kazakhstan: Countercyclical Support. Sovereign Project № 49083-001.ADB official web-site. URL: <https://www.adb.org/projects/49083-001/main>
31. Proposed Countercyclical Support Facility Loans Republic of Kazakhstan: COVID-19 Active Response and Expenditure Support Program. Report and Recommendation of the President to the Board of Directors. ADB official web-site, June 2020. URL: <https://www.adb.org/sites/default/files/project-documents/54188/54188-001-rrp-en.pdf>
32. Kazakhstan: Countercyclical Support. Completion Report. Number: 49083-001. ADB official web-site, September 2017. URL: <https://www.adb.org/sites/default/files/project-documents/49083/49083-001-pcr-en.pdf>
33. 2022 UNDP Special Report. New threats to human security in the Anthropocene. Demanding greater solidarity. URL: <https://hdr.undp.org/system/files/documents//srhs2022pdf.pdf>
34. Toward a Prosperous and Inclusive Future. The Second Systematic Country Diagnostic for Uzbekistan. World Bank Group, April 2022. URL: <https://documents1.worldbank.org/curated/en/933471650320792872/pdf/Toward-a-Prosperous-and-Inclusive-Future-The-Second-Systematic-Country-Diagnostic-for-Uzbekistan.pdf>
35. ADB Country Partnership Strategy. Uzbekistan, 2019–2023 —Supporting Economic Transformation. ADB official web-site, May 2019. URL: <https://www.adb.org/sites/default/files/institutional-document/510251/cps-uzb-2019-2023.pdf>
36. IMF Executive Board Approves a US\$375 Million Disbursement to the Republic of Uzbekistan to Address the Impact of the COVID-19 Crisis. IMF official web-site. URL: <https://www.imf.org/en/News/Articles/2020/05/18/pr20220-uzbekistan-imf-executive-board-approves-us-375m-disbursement-address-impact-covid19>
37. Republic of Uzbekistan. 2022 Article IV Consultation—Press Release; Staff Report; and Statement by the Executive Director for the Republic of Uzbekistan. Washington, DC: International Monetary Fund, 2022.
38. Tajikistan, Republic of: History of Lending Commitments as of March 31, 2022. IMF official web-site. URL: <https://www.imf.org/external/np/fin/tad/extarr2.aspx?memberKey1=925&date1key=2022-03-31>
39. Kyrgyz Republic: History of Lending Commitments as of March 31, 2022. IMF official web-site. URL: <https://www.imf.org/external/np/fin/tad/extarr2.aspx?memberKey1=565&date1key=2022-03-31>
40. Republic of Tajikistan: Evaluation of the Poverty Reduction Strategy Paper (PRSP) Process and Arrangements Under the Poverty Reduction and Growth Facility (PRGF). Independent Evaluation Office International Monetary Fund Operations and Evaluation Department World Bank, July 6, 2004.
41. Republic of Tajikistan—Ex Post Assessment of Longer-Term Program Engagement (IMF Country Report No. 06/63). Washington, DC: International Monetary Fund, 2006.
42. Multidimensional Poverty Index 2020 statistical data tables 1 and 2. URL: <https://hdr.undp.org/en/2020-MPI>
43. Kyrgyzstan. Human Development Report 2020. The Next Frontier: Human Development and the Anthropocene. URL: <https://hdr.undp.org/sites/default/files/Country-Profiles/KGZ.pdf>

44. Kyrgyz Republic: 2021 Article IV Consultation—Press Release; And Staff Report (IMF Country Report No. 21/174). Washington, DC: International Monetary Fund, 2022.
45. *Pradhan T., Al-Sadiq A.J.* IMF-Supported Programs and Income Convergence in Low-Income Countries. International Monetary Fund Working Paper No. 18/284. 2018.
46. Kyrgyz Republic—Ex Post Assessment of Longer-Term Program Engagement (IMF Country Report No. 05/32). Washington, DC: International Monetary Fund, 2005.
47. Kyrgyz Republic Ex Post Assessment of Longer-Term Program Engagement. Washington, DC: International Monetary Fund, 2011.

Ekaterina Romanchuk (e-mail: kate.romanchuk@ya.ru)

Postgraduate Student, Junior Researcher,

Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences (RAS)

(Moscow, Russia)

IMF COOPERATION WITH DEVELOPING COUNTRIES: THE EXPERIENCE OF CENTRAL ASIA

In recent decades, there have been significant changes in the set of tools used by the International Monetary Fund (IMF, Fund) when working in countries with low per capita income. Based on the analysis of the experience of the IMF's cooperation with Central Asian states, it is shown that poor countries (Kyrgyzstan and Tajikistan) are mainly seeking financial assistance from the Fund, while more developed countries (Kazakhstan and Uzbekistan) cooperate with the IMF through advisory assistance, attracting loans from multilateral development institutions.

Keywords: IMF, Trust Fund for Poverty Reduction and Economic Growth, Kazakhstan, Kyrgyzstan, Tajikistan, Turkmenistan, Uzbekistan.

DOI: 10.31857/S020736760023434-6

© 2022

Наталья Данилина

аспирант, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
(г. Москва, Россия)
(e-mail: ndanilina@hse.ru)

ГЕЙМИФИКАЦИЯ КАК НОВОЕ ПРОЧТЕНИЕ ИГРЫ В ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКЕ: ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ И ПРАКТИЧЕСКОЕ ОБОСНОВАНИЕ

В статье представлен анализ основных результатов теоретических и эмпирических исследований геймификации. Геймификацию определяют как применение игровых элементов в неигровом контексте для повышения мотивации, вовлеченности и производительности человека. На основе анализа 42 публикаций, отражающих опыт применения геймификации в различных отраслях, автор выделяет три направления исследований: геймификация, направленная на (1) работников, (2) обучающихся и (3) клиентов. Результаты показывают, что успешность применения геймификации зависит от контекста, цели и условий ее внедрения, а также от индивидуальных характеристик пользователя геймифицированной системы.

Ключевые слова: геймификация, мотивация, игровые элементы, игровые механики, цифровые технологии.

DOI: 10.31857/S020736760023431-3

С 2020-го года компания *McKinsey* начала тестировать соискателей с помощью компьютерной игры *Digital Assessment*, в которой необходимо решить экологические проблемы, в то время как система анализирует быстроту и логику действий кандидатов в игре. Во время чемпионата мира по футболу в России магазин «Пятерочка» проводил акцию, участники которой получали тематические коллекционные игрушки и наклейки за совершенные покупки. В 2021 г. в Татарстане запустили приложение «Я – школьник» – фактически электронный дневник с расписанием, оценками и домашним заданием, оформленный в космической тематике. Интерактивный чат-бот расспрашивает школьников о том, что их радует и беспокоит в учебе.

Объединяет три данных примера использование игр в «серьезных», неигровых ситуациях. Современный этап применения игр иногда даже характеризуется переходом от *homo economicus* к *homo ludens* (от «человека экономического» к «человеку играющему») [26]. Геймификация возникла как технологический феномен взаимодействия человека и компьютера [35]. Цель ее внедрения – повышение мотивации, вовлеченности и производительности человека посредством применения игровых механик и элементов, призванных сделать процесс принятия решений более легким и увлекательным. Распространение геймификации обусловлено прежде всего развитием цифровых технологий и популярностью видеоигр. Объем мирового рынка геймификации растет стремительно:

в 2014 г. он составлял 1,4 млрд долл., а в 2020 г. — уже 9,1 млрд долл. По прогнозам, к 2025 г. он достигнет 30,7 млрд долл.¹

Несмотря на популярность, геймификация вызывает серьезные споры и получает неоднозначную оценку. Для одних геймификация — это удачный способ превращения рутинных задач в увлекательные, получение уникального опыта и приятных впечатлений. Для других — интерактивная форма эксплуатации и установления контроля за человеком. Полярные точки зрения объясняются недостаточной проработкой теоретической основы феномена геймификации и одновременно довольно разнообразной практикой ее применения: от менеджмента и маркетинга до образования и государственного управления.

Ученые уже предпринимали попытки систематизировать результаты исследований геймификации, однако вследствие стремительного роста практики применения и ежегодно увеличивающегося количества научных публикаций по теме возникает потребность в актуализации и дополнении сделанных выводов. Так, Дж. Койвисто и Ю. Хамари [35] представили обзор эмпирических исследований геймификации до 2017 г.; К. Сиборн и Д. Фелс [46] сопоставили теоретическое понимание геймификации с близкими к играм методологиями, а также кратко показали направления междисциплинарных исследований до 2015 г.; В. Варник и Х. Буй [50] емко описали области применения геймификации в менеджменте.

Таким образом, целью данного исследования является анализ и систематизация основных результатов теоретических и эмпирических исследований геймификации. В первом разделе представлено многообразие трактовок геймификации для того, чтобы наиболее наглядно проиллюстрировать проблемы теоретического осмысления феномена и аргументацию его сторонников и критиков. Во втором разделе выделены основные теоретические направления исследований геймификации. Третий раздел содержит обобщенные результаты практики применения геймификации.

Геймификация: определение, элементы и механики. Практика применения и междисциплинарность подходов к определению обуславливают довольно быструю эволюцию представлений о геймификации (англ.: *gamification*). Данный термин был введен в научный оборот в 2003 г. британским программистом и разработчиком видеоигр Н. Пеллингем. Поскольку изначально дискуссия относительно верного толкования геймификации и ее характеристик развивалась в ИТ-сфере, в большинстве работ используется специальная терминология: «игровой дизайн», «геймифицированная система», «пользователь» и др. В 2008 г. геймификация попала в поле зрения предпринимателей: развитие гаджетов, популярность

¹ Gamification Market by Component (Solution and Services), Deployment (Cloud and On-premises), Organization Size (SMEs and Large Enterprises), Application, End-User (Enterprise-Driven and Consumer-Driven), Vertical, and Region – Global Forecast to 2025. MarketsandMarkets (2020, March) [Электронный ресурс]. URL: <https://www.marketsandmarkets.com/Market-Reports/gamification-market-991.html> (дата обращения: 15.04.2022).

видеоигр и распространение интернета послужили толчком для сращивания интерактивных форм развлечения с бизнес-средой. ИТ-гиганты постепенно стали внедрять игровые элементы в процесс найма и обучения сотрудников. В это же время были предприняты первые попытки применения геймификации в области маркетинга и программ лояльности [31]. Определение геймификации как применения идей из поведенческой экономики, программ лояльности и игр для увеличения вовлеченности было сформулировано Г. Зикерманом и Д. Линдером [4].

Самое известное определение геймификации предложено С. Детердингом и поддержано К. Вербахом. В их лаконичной трактовке геймификация представляет собой использование игровых элементов и игрового мышления в неигровом контексте [1; 20]. Изначально геймификация обозначала использование видео- и онлайн-игр, однако практика применения в различных сферах требовала расширения контекста. Тем не менее теоретическое понимание геймификации в трактовке С. Детердинга по-прежнему остается наиболее узнаваемым, и многие последующие определения лишь его повторяют или расширяют.

Таблица 1

Подходы к определению геймификации

Автор	Подход	Определение геймификации
Х. Бенитез, Л. Руис, А. Попович (2022)	Менеджеральный	Применение элементов и принципов игрового дизайна в бизнес-ситуации для достижения целей организации.
Т. Кардадор, Г. Норткрафт, Дж. Уикер (2017)	Менеджеральный	Подход к управлению производительностью труда, подразумевающий применение технологий для обеспечения доступа к информации о производительности в режиме реального времени и представления рабочих задач в более приятном формате.
К. Хуотари, Ю. Хамари (2017)	Маркетинговый	Процесс усовершенствования пользовательского сервиса посредством игрового опыта с целью совместного создания ценности пользователями.
С. Ким, К. Сон, Б. Локи, Дж. Бертон (2018)	Образовательный	Совокупность действий и процессов для решения проблем в сфере образования с применением игровых механик и элементов.
Г. Зикерманн, Дж. Каннингем (2011)	Междисциплинарный	Процесс применения игрового мышления и игровых механик для вовлечения пользователей и решения проблем.
А. Ветушинский (2020)	Междисциплинарный	Методология использования приемов игрового мышления с целью корректировки человеческого поведения за счет

		создания благоприятного эмоционального фона.
А. Маркеева (2020)	Междисциплинарный	Целенаправленное использование игровых элементов для формирования нового опыта в неигровых задачах, процессах и контексте.
К. Шейнер, М. Витт (2013)	Междисциплинарный	Процесс применения идей из области игровой индустрии в сферах образования и управления, направленный на создание атмосферы увлеченности с возможностью получения игровых наград.
К. Робсон, К. Плангер, Я. Кицманн, Я. Маккарти, Л. Питт (2016)	Междисциплинарный	Метод улучшения и развития способов взаимодействия с различными заинтересованными сторонами внутри компании.

Поиск оптимального определения продолжается на фоне критики скептиков. С одной стороны, с помощью популярного определения С. Детердинга сложно описать некоторые полноценные игры, применяемые в образовании. С другой стороны, оно не позволяет провести границу между геймификацией и серьезными играми (англ.: *serious games*). Вместе с тем исследователи отмечают, что сферы применения геймификации и серьезных игр пересекаются и потому граница между данными понятиями практически стерта [5]. Кроме того, если в определении присутствует упоминание игровых элементов или игровой механики, то для лучшего понимания требуется их уточнение. Проблема касается не только сферы применения, но и их специфики. Компания *Gartner* от лица специалиста по геймификации Б. Берка предложила охарактеризовать геймификацию как «применение в цифровом виде игровых механик и осуществление игрового процесса для повышения мотивации человека к достижению цели»². Так как основу геймификации составляют видеоигры, цифровые технологии и цифровое взаимодействие, то, по мнению Б. Берка, необходимо зафиксировать отличие геймификации от других игровых практик. Хотя этот вариант конкретизирует специфику часто применяемых в рамках геймификации игр, данная точка зрения, как ни удивительно, не получила широкого распространения, а А. Маржевский предложил вместо этого ввести термин «цифровая геймификация». Приоритетной остается позиция, что суть геймификации состоит в применении игрового дизайна для получения уникального опыта, а использование технологий вторично.

Попытки обобщить и систематизировать различные представления о геймификации привели к выделению двух подходов к ее оценке. Геймификацию

² Burke B. Gamification 2020: What Is the Future of Gamification? 2012 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.gartner.com/en/documents/2226015> (дата обращения: 15.04.2022).

рассматривают как инструмент, изучая отдельные механики и их влияние на результат, и как процесс, обозначая последовательность действий по усовершенствованию пользовательского опыта, а также сформировавшееся впечатление и намерения в игре [6]. Компромиссной является точка зрения, предполагающая, что геймификация подразумевает использование инструментов вовлечения и мотивации для участия в игре; она призвана создать у пользователя ощущение игрового опыта и одновременно этот опыт структурировать [31]. Геймификацию уместно рассматривать с позиции зонтичной концепции, для которой важно не выстраивание четких теоретических границ, а поиск объединяющих характеристик [5].

Однако сравнения подходов к определению геймификации недостаточно для формирования представлений о данном феномене. Геймификация осуществляется посредством игровых механик и элементов. Игровая механика — это совокупность правил, заимствованных из видео- и онлайн-игр и предназначенных для поощрения и стимулирования [8]. В упрощенной трактовке «игровыми механиками» называют правила и способы взаимодействия в игре, а «элементами» — наборы для игр, включающие очки, уровни, таблицы достижений, награды и обратную связь [4]. Самая распространенная модель PBL-геймификации включает три базовых игровых элемента — очки, бейджи и рейтинговые доски (англ.: *points, badges, leaderboards*). С помощью очков пользователь понимает ценность тех или иных действий; бейджи представляют ориентир, какие достижения возможны; рейтинги наглядно показывают вклад каждого участника. Таким образом определяется вовлеченность сотрудника в игру, уровень его мотивации, а также конфликты в коллективе. Модель PBL-геймификации часто критикуется за хаотичное внедрение игровых элементов. По этой причине был введен термин «бейджификация», который обозначает примитивное, лишённое смысла использование игровых инструментов (механик и элементов). В то же время геймификация как таковая не предусматривает навязывания игр и не использует оторванные от реальной ситуации игровые практики.

Существуют и другие трактовки составляющих геймификации в зависимости от теории игрового дизайна. В MDA-модели (англ.: *mechanics, dynamics, aesthetics*) геймификация состоит из динамик (концептуального уровня игры), механик (они описывают процессы, происходящие в игре и развивают определенную динамику) и компонентов (собственно элементов игры, с помощью которых реализуются механики). Примеры динамик: повествования, эмоции, ограничения и отношения; механик: сотрудничество, обратная связь, очередность ходов, сделки; компонентов: аватары, баллы, уровни, рейтинги, сражения [3].

Неоднозначное отношение к геймификации среди практиков стало причиной формирования двух позиций ее оценке, которые можно условно назвать пессимистической и оптимистической. Я. Богост был в числе первых критиков,

высказавших сомнения относительно необходимости применения геймификации. По его мнению, геймификация — это всего лишь новая модная практика [14], а за желанием доставить удовольствие и сделать людей счастливыми скрываются манипуляция и установление неявного контроля за человеческим поведением. Однако апологеты геймификации с этим не согласны. Дж. Макгоникал, самая известная представительница оптимистического подхода, отметила, что игры более привлекательны, чем реальная жизнь, потому что они устраняют главные ее проблемы: скука, заурядность и безнадежность [38]. Успешно придуманный дизайн игры вызывает у человека ощущение, что его деятельность имеет смысл; он видит причинно-следственную связь между своим трудом и результатами, а этого часто недостает в реальной жизни. Применение цифровых технологий в играх также инициирует появление нового вида экономики — «экономики привлечения»: помимо денежных отношений, устанавливаемых договором найма между работником и работодателем, появляется задание, которое необходимо выполнить, чтобы получить награду, и подразумевается, что в процессе выполнения работник испытывает сильные положительные эмоции. Внимание к личности и понимание ее потребностей — серьезный аргумент исследователей, осознающих положительные стороны геймификации.

Критики склонны утверждать, что геймификация направлена на внешнюю мотивацию, в то время как сторонники геймификации приводят аргументы в пользу ее влияния на внутреннюю мотивацию человека. В широком смысле внешняя мотивация характеризует побуждение к выполнению своих обязанностей с помощью вознаграждения или контроля [27]. Претензии критиков связаны с бездумным применением некоторых игровых элементов, в частности PBL-модели, без учета целевой аудитории и осознания, что длительное применение одних и тех же элементов снижает интерес к игре [20]. Оптимисты, напротив, доказывают, что потенциал геймификации позволяет глубоко понять желания и мотивы тех, в отношении кого она используется [4]. С их точки зрения, геймификация позволяет удовлетворить внутреннюю потребность человека в обладании компетенциями (желание достичь мастерства в каком-либо деле), в единении с социальной группой (желание заниматься делом с единомышленниками) и в автономии (возможность самостоятельно выбирать траекторию развития) [52].

Таким образом, сравнив позиции авторов, можно проследить, как развиваются исследования и какие базовые теоретические вопросы они затрагивают. Научные работы в области геймификации сосредоточены не только на изучении игровых механик и элементов, но также на поведении человека и его удовлетворенности геймифицированными практиками [26]. Фокус направлен на опыт, приобретаемый в игре. Несмотря на критику, успешное применение геймификации не подразумевает отказа от игровых элементов, направленных на

повышение внешней мотивации, но требует учитывать внутренние мотивы человека. Нельзя утверждать, что один тип мотивации всегда эффективнее, чем другой. Однако важно понимать, при каких условиях и для кого тот или иной тип мотивации предпочтительнее.

Основные направления исследований геймификации. Одна из наиболее известных типологий геймификации предложена К. Вербахом и Дж. Хантером. Они выделяют *три типа геймификации*: внутренняя, внешняя и меняющая поведение [1]. Внутренняя геймификация, или геймификация предприятия, направлена на сотрудников, чтобы стимулировать инновационную деятельность, повысить мотивацию, производительность и эффективность. Она может применяться как в крупных компаниях, так и в небольших, в том числе в стартапах. Обязательным условием является привлечение к игровой деятельности постоянно взаимодействующих между собой сотрудников. При этом геймифицированная система должна согласовываться с существующей системой управления, но включать новые мотивационные элементы, не применявшиеся ранее в компании.

Внешняя геймификация ориентирована на действующих или потенциальных клиентов. Этот тип геймификации используется в маркетинге. Внешняя геймификация призвана установить доверительные отношения между компанией и клиентом, чтобы повысить узнаваемость бренда или продукта, завоевать лояльность и увеличить продажи.

Меняющая поведение геймификация призвана добиться желаемого поведения, сформировать новые привычки или изменить образ жизни. Данный тип геймификации не имеет явного объекта применения, поскольку может использоваться в различных областях. Например, геймифицированные мобильные приложения могут помочь пользователю сохранить мотивацию для выполнения физических упражнений или повышения финансовой грамотности.

В типологии К. Вербаха и Дж. Хантера не отводится места геймификации в образовании. Лишь в качестве примера меняющей поведение геймификации авторы приводят модернизацию учебных классов для изменения отношения детей к процессу обучения. Вместе с тем статистика по геймификации показывает, что 17% существующих практических кейсов приходится на образовательную сферу, 19% – на банковский сектор, 10% – на здравоохранение и др. [25] Таким образом, на практике значимость применения геймификации по отраслям несколько отличается от предложенной типологии.

В научных работах, посвященных систематическому обзору эмпирических исследований геймификации, допускается разделение по отраслям применения [например: 35; 46; 50]. Однако анализ публикаций показывает, что в одну и ту же отрасль нередко попадают исследования разных категорий пользователей. Например, к финансам относятся исследования применения геймификации внутри банков в отношении сотрудников и геймификации банковского обслуживания клиентов [50]. Иными словами, при таком подходе на первый план

выходит изучение распространенности и популярности геймификации как феномена в различных отраслях, в то время как объект применения (пользователь) остается в тени. В данной работе предлагается учесть эту особенность и представить направления исследований на основе объекта применения геймификации. Таким образом удастся выделить тех, в отношении кого она используется, и сопоставить теоретические выводы с практическими результатами применения геймификации с учетом имеющихся примеров из различных отраслей.

Информационную основу исследования составили рецензируемые научные публикации из баз данных *Web of Science*, *Scopus* и *ScienceDirect*. Поиск включал запрос ‘gamif*’ в аннотации, названии и ключевых словах. Для анализа были отобраны публикации, посвященные опыту применения геймификации в различных отраслях. На первом этапе подбор наиболее релевантных публикаций происходил на основе анализа аннотаций. На втором этапе проводился детальный анализ текста выбранных работ. Предпочтение отдавалось публикациям, представляющим результаты эмпирических исследований и литературный обзор практического опыта применения геймификации. Из подборки были исключены статьи, в которых не содержалось упоминания об отрасли применения геймификации. После исключения дублирующих публикаций, а также тех, на основе которых составлены литературные обзоры, в итоговую подборку вошли 42 статьи, опубликованных в период с 2012 по 2022 гг.

По результатам анализа были выделены три основных направления исследований: геймификация, направленная на (1) обучающихся, (2) работников и (3) клиентов. Данное разделение похоже на три типа геймификации К. Вербаха и Дж. Хантера, однако образовательный компонент здесь представлен отдельно, так как исследования геймификации в образовании составляют 26% всех публикаций. Кроме того, клиентами в данном случае являются не только покупатели товаров и услуг в офлайн- и онлайн-магазинах, но и пользователи различных геймифицированных приложений в сфере здравоохранения, туризма и государственного управления. Например, клиентами в данном случае являются пользователи приложения от компании *Nike*, позволяющего отслеживать свой уровень физических нагрузок. А представление о государственных услугах в данном случае близко к концепции нового государственного менеджмента, согласно которой государственным и частным сектором можно управлять практически одинаково. Деятельность органов власти становится «службой сервиса», а граждане – клиентами, получающими необходимые им услуги. В данном разделе нижеприведенное описание в рамках выделенных направлений исследования представляет исключительно теоретические положения геймификации.

Исследования *геймификации, направленной на обучающихся*, отражают богатый опыт применения игр, адаптированных под современный тренд внедрения цифровых технологий в сфере образования. Цифровизация меняет подход

к обучению и формат организации образовательного процесса за счет использования программных продуктов, а геймификация выступает как новый способ повышения мотивации и вовлеченности в учебный процесс.

В том или ином виде игры всегда присутствовали в обучении, поэтому геймификацию принято по-разному соотносить с существующим опытом применения игр в обучении. В широком смысле геймификация в обучении включает применение как серьезных игр, так и геймифицированных систем. В узком смысле геймификация в обучении обозначает интегрированный тип игры на пересечении двух данных понятий [32]. Отличие геймификации от серьезных игр в контексте обучения в том, что серьезные игры, разрабатываемые для достижения целей обучения, решают проблемы реального мира внутри игр, в то время как геймификация, напротив, направлена на создание реальной среды. Геймификацию соотносят с понятием «эдьютейнмент» (англ.: *edutainment*), подчеркивая возможности применения геймификации в развлекательном формате обучения. Конечная цель применения игр в обучении – приобретение знаний и изменение поведения.

Игры используются повсеместно: в дошкольных учреждениях и школах [21], в высших учебных заведениях [11; 29] и на онлайн-курсах [12; 17], а также в корпоративном обучении [44]. Благодаря геймификации развиваются коммуникативные навыки, а материал лучше запоминается за счет поддержания концентрации внимания и включения эмоциональной и мыслительной активности. Перед внедрением игровых инструментов в обучение определяются характеристики обучающихся и особенности игровых заданий – насколько их сложность соответствует уровню знаний обучающихся [33]. Образовательный контент содержит мультимедийные интерактивные элементы и наполняется таким образом, чтобы в случае неудачного выполнения задания его можно было сделать повторно. Геймифицированная система также предлагает множественные пути достижения поставленной цели, тем самым развивая стратегическое мышление обучающихся. Очки – наиболее популярный игровой элемент – представляют собой аналог оценок, позволяющий переходить на более высокие уровни и получать награды в игре. Выбор игровых элементов осуществляется с учетом необходимости развития у учеников определенных навыков. Например, индивидуальные награды даются там, где требуются навыки самостоятельной работы; для совершенствования навыков взаимодействия с другими учениками вводятся общедоступные и наглядные для сравнения элементы – рейтинги и таблицы лидеров.

К геймификации, направленной на работников, относятся исследования особенностей ее применения и характеристик сотрудников, обеспечивающих эффективность геймификации. Система управления эффективностью организации, целью которой является повышение производительности, осуществляется

посредством стимулирования необходимого поведения работников и расширения доступа работников к информации о производительности. Расширение доступа к информации о производительности – это постановка цели и получение обратной связи о ее достижении. Стимулирование необходимого поведения – это непосредственно предоставление стимулов для достижения цели. Геймификация в этом контексте представляет собой достижение цифровой эпохи – новый технологический подход к управлению производительностью. Она не предполагает превращения работы в игру, но подразумевает использование игровых элементов и механик для стимулирования желаемого поведения работников и их преданности делу [16]. В то время как в игре у работников повышаются уровни и прибавляются награды, на работе они должны получать соизмеримое признание коллектива и иметь возможности карьерного роста. Смысл геймификации в том, чтобы сделать работу более мотивирующей, а деятельность сотрудников более полезной.

Геймификация способствует росту производительности, выполняя информационную и эмоциональную функции. Информационная функция состоит в обеспечении работников быстрым доступом к сведениям о производительности, которые, в свою очередь, связаны с мотивацией и обучением. Так, заработанные очки, знаки отличия и место в рейтинге становятся доступными каждому вовлеченному в игру, что позволяет знать текущее состояние и сравнивать свои позиции с результатами коллег. Таким образом сотрудник получает обратную связь о том, как его показатели производительности соотносятся с показателями остальных. Социальное сравнение потенциально дает наглядную возможность понять, что необходимо улучшить, и помогает повысить мотивацию [16]. Эмоциональная функция геймификации заключается в получении удовольствия. Определение рабочих задач как игровых способно создать ощущение веселья и радости, повысить самоотдачу и, как следствие, вовлеченность в рабочий процесс.

Исследования геймификации, направленной на клиентов, сосредоточены прежде всего на изучении действий компаний и банков для привлечения потребителей, а также государственных органов и организаций для стимулирования общественного участия. В рамках данного направления исследуется взаимодействие клиента с геймифицированными приложениями, отношение к продуктам и брендам, а также мотивация клиентов совершать покупки или участвовать в принятии решений, направленных на демонстрацию правильного социального поведения. Наиболее часто геймификация применяется в программах лояльности и промоакций с целью снизить возможный негативный эффект от внешних мотиваторов [6; 31]. Геймификация в данном контексте представляет собой инструмент вовлеченности в процесс совместного создания ценности, который обеспечивает участие, опыт и лояльность клиентов

[18; 42; 49]. Посредством геймификации создается привлекательный для клиентов опыт использования и причастности к сообществу, состоящему из других участников геймифицированной системы [51].

За участие клиенты получают вознаграждение: символическое — в виде баллов и наград (которые впоследствии можно обменять на деньги, товары или услуги), и социальное — в виде значков и места в таблице лидеров по достижении определенного уровня в сообществе [47]. Геймификация в конечном счете должна способствовать росту продаж и доверия к бренду посредством игровых элементов и механик, встроенных в процесс совершения покупок офлайн и онлайн. Геймифицированные системы используют также в проектах, стимулирующих гражданское участие в городской среде (подобных «активному гражданину») [28; 49]. Особую роль играют онлайн-сообщества, способные повлиять на отношение клиентов к бренду и к предлагаемым новым привычкам, а также — на принятие решения об участии в общественной инициативе. Вовлеченные в сообщество пользователи геймифицированных систем охотно делятся информацией, популяризуют бренд или проект, изучают практики и разрабатывают решения. Геймификация активизирует социальное сравнение между пользователями, влияя на их намерения продолжать взаимодействие — совершать покупки, пользоваться услугами, проявлять требуемое социальное поведение или формировать новые привычки.

Результаты эмпирических исследований геймификации. Анализ эмпирических исследований показывает, что результаты применения геймификации преимущественно положительные, однако в некоторых случаях полученный эффект незначителен. В то же время выводы, сделанные относительно восприятия пользователями геймифицированных систем, нередко противоречат теоретическим положениям. Неоднозначные результаты объясняются в основном плохой разработкой геймифицированной системы и гораздо реже — недостаточным теоретическим осмыслением термина «геймификация». В качестве общепринятого определения авторы ссылаются на вариант С. Детердинга [20].

Несмотря на то что в большинстве рассмотренных публикаций использовались количественные или смешанные методы сбора и анализа данных (методы сбора — опрос, интервью и эксперимент; методы анализа — моделирование структурными уравнениями; регрессионный и дисперсионный анализ, контент-анализ), серьезным ограничением является крайне скудное представление фактических показателей применения геймификации. Например, результаты, зафиксированные консалтинговыми компаниями, свидетельствуют о том, что применение геймификации в коммерческом секторе приводит к увеличению прибыли как на 25%, так и на 95% [25], однако научные исследования не могут объяснить столь существенную разницу в показателях. Тем не менее практический опыт применения геймификации, отраженный в научных

работах, позволяет провести анализ как характеристик и поведения пользователей, так и эффективности применения отдельных игровых элементов и механик.

Исследования подтверждают, что геймификация не сводится к начислению баллов и определению уровней, но подразумевает, прежде всего, понимание человеческого поведения, которое необходимо поощрять. Работы, посвященные психологическим аспектам геймификации [27; 36; 52], проверяют связь между ее функциями (погружение, индивидуальные достижения и социализация) и удовлетворением внутренних потребностей (в автономии, компетенциях и в социальных связях). Вопреки теоретическим положениям, было установлено, что социальный фактор не связан с намерением использовать геймификацию, если выполняется условие добровольного участия [27].

В отношении применения игровых элементов исследователи сходятся во мнении, что прежде важно определить необходимые психологические изменения в поведении пользователей, а затем выбрать конкретные игровые элементы, которые приведут к данным изменениям [36]. Наиболее часто используемые игровые элементы – очки, таблицы лидеров и значки. Однако причины использования определенных инструментов геймификации до конца не изучены [21; 53]. Неясно, при каких условиях (характеристиках участников геймифицированной системы или отрасли применения) те или иные игровые инструменты более эффективны, какова мотивация инициаторов их внедрения. Нет также ответа на вопрос, насколько выбранные инструменты согласуются с целями организации, если речь идет о геймификации в рабочей деятельности. В рассмотренных примерах применялись лишь некоторые игровые механики и элементы, но при этом их вариативность не повторялась, что позволяет сделать вывод о том, что геймификация допускает наличие уникального игрового дизайна. В то же время результаты показывают, что большее количество внедряемых игровых элементов не является гарантией лучшего результата. Вероятно, это объясняется тем, что разные игровые элементы могут иметь схожие мотивационные функции [11]. Тем не менее в академическом сообществе продолжают споры относительно количества допустимых игровых элементов. С одной стороны, приводятся доказательства, что одного элемента недостаточно для создания игровой среды и требуется исследование нескольких элементов, а с другой – существует традиция изолированного исследования каждого элемента [41]. При этом результаты эмпирических исследований демонстрируют, что геймификация с одним игровым элементом наименее эффективна, поскольку приводит к снижению мотивации. Точно так же в плохо разработанном приложении для геймификации участники ощущают себя демотивированными [22]. Вместе с тем, несмотря на критику PBL-модели геймификации, недавние исследования подтверждают, что использование комбинации баллов, значков и таблиц лидеров положительно влияет на вовлеченность пользователей [24].

Для внедрения геймифицированной системы необходимы технологические средства (компьютеры, ноутбуки, смартфоны и другие портативные устройства), чтобы в любое время иметь удаленный доступ [16]. Это создает угрозу возникновения этических и киберпроблем, связанных с хранением и передачей информации, но в целом данный аспект пока не раскрыт должным образом в научной литературе, хотя уже признается, что современная практика применения геймификации требует внимания к управлению данными, в том числе в области искусственного интеллекта и машинного обучения [9; 50].

Технологический тренд особенно заметен на примере *геймификации, направленной на обучающихся*. Новый этап развития сферы образования – персонализация электронного обучения посредством инструментов геймификации. Благодаря внедрению искусственного интеллекта, геймифицированная система способна распознавать конкретного ученика и подстраиваться под его поведение [10]. В этом контексте особое значение приобретают исследования технических характеристик создаваемых программных приложений, что на данный момент также остается неизученным [43].

На фоне индивидуализации системы универсальная геймификация становится менее эффективной, однако ее преимуществом является сравнительная дешевизна. Исследования геймификации в образовании демонстрируют в основном положительные результаты, независимо от уровня образования и формата обучения. На успешность использования геймификации не влияют возраст учащихся, предметная дисциплина и наличие определенных вознаграждений [12]. Но влияние геймификации на результаты обучения варьируется в зависимости от характеристик предлагаемого контента и индивидуальных характеристик обучающихся. Эффект от применения геймификации в образовательном процессе оценивается, как правило, по изменениям в поведении и успеваемости. Так, успеваемость обучающихся в среднем улучшается на 7,2% по сравнению с негеймифицированными дисциплинами. Эмпирические исследования подтверждают теоретический вывод о том, что благодаря геймификации учащиеся способны дольше концентрировать внимание на предмете и показывать большую вовлеченность в учебный процесс [32].

Отмеченных самими учащимися причин положительного влияния геймификации на результаты обучения три. Во-первых, геймификация способствует более четкой и конкретной постановке целей (например, прокомментировать ответ другого ученика – получить значок за активное участие). Во-вторых, геймификация позволяет удовлетворить потребность в признании. В-третьих, геймификация может обеспечить быструю обратную связь [53]. В целом данные ответы также согласуются с теоретическими положениями, однако не всегда инструменты геймификации привлекают учащихся. Есть свидетельства, подтверждающие отсутствие у учеников интереса к утилитарным игровым элементам, что в итоге создает риск неэффективности геймификации. Чтобы этого не

произошло, необходимо предусмотреть возможность конвертации заработанных в игре баллов и значков в реальные оценки [29].

Кроме того, исследования, посвященные негативным последствиям геймификации в образовании, упоминают использование таблиц лидеров в качестве наиболее распространенной причины отрицательного отношения к игре [48]. Примечательно, что в теории конкурентный механизм рассматривается положительно с точки зрения повышения мотивации. Хотя таблицы лидеров часто используются в игровом дизайне, в действительности не всем участникам нравится сравнивать свои результаты с результатами других людей. Особенно болезненно на публикацию результатов реагируют те, кто находятся в конце списка. Данная проблема свойственна не только сфере образования, но и другим отраслям, где используются таблицы лидеров, поэтому исследователи предлагают различные варианты внедрения. Например, участников с самым низким рейтингом не стоит показывать в общем списке, чтобы уберечь их от негативного отношения окружающих [11]. Компания *Disney* после неудачного опыта применения таблиц лидеров вообще решила от них отказаться, потому что сотрудники, назвавшие эту практику «электронным хлыстом», демонстрировали неудовлетворенность своей работой и создавали напряженность в коллективе [50].

Геймификация, направленная на работников, в целом требует более серьезного и обдуманного применения, поскольку она должна создавать ощущение спонтанности и неожиданности, но одновременно согласовываться с целями организации и принятой системой мотивации сотрудников. В случае неудачи демотивированные сотрудники показывают низкую вовлеченность, а руководители устанавливают еще более строгий внешний контроль, и таким образом геймификация превращается в рутинный способ управления коллективом, лишенный спонтанности. Организации, имеющие негативный опыт применения геймификации, выбирали примитивный вариант внедрения игровых элементов: простой подсчет баллов и наклеивание бейджей без необходимости создания оригинального и полезного для целевой аудитории дизайна игры [37]. В конечном счете плохо разработанная геймифицированная система поощряет контрпродуктивное поведение, препятствующее эффективной работе.

Результаты практических исследований также показывают, что геймифицированная система часто становится самостоятельной надстройкой, не связанной с трудовым процессом, поэтому сотрудники с более высоким уровнем вовлеченности игнорируют игровой интерфейс, а менее вовлеченные, напротив, проводят время в игре [7]. В этом случае игровой дизайн способен обеспечить вовлеченность не в рабочую деятельность, а в игровой процесс. Более того, геймификации ставят в вину создание механизма тотального контроля. За образом развлекательной среды скрывается автоматизированная система контроля за сотрудниками через персональные гаджеты. Среди негативных последствий внедрения геймификации также пассивное сопротивление, фальсификация

данных о выполненной работе для победы в игре и формальное участие из-за нежелания перевыполнять план [8].

Единогласного представления о роли геймификации в повышении мотивации и производительности труда пока не сформировалось. Так, в сочетании с использованием денежных стимулов геймификация может негативно влиять на показатели производительности. Если геймификация используется наряду с денежной компенсацией, игровые инструменты способны оказать положительное влияние на мотивацию [22]. В недавних исследованиях особое внимание уделяется использованию мобильных технологий, поскольку отмечается, что современный мир живет в «эпоху мобильных приложений» [13]. Мобильность, персонализация, связность – основные возможности мобильных устройств, которые позволяют внедрить геймификацию в рабочую деятельность. В случае успешного применения геймификация приносит работодателю финансовую выгоду от инвестиций в геймифицированные мобильные технологии [13].

Для успешного применения геймификации необходимо учитывать индивидуальные характеристики сотрудников, поскольку игровой дизайн должен быть ориентирован на пользователя, а не на механизм [19]. Геймификация более эффективна в коллективе, позитивно относящемся к инновациям и современным технологиям. Особую роль играет руководство, способное убедить сотрудников в необходимости внедрения и готовое также участвовать в игре [7]. Примечательным представляется замечание, что большую удовлетворенность геймифицированной системой демонстрируют сотрудники, имеющие более высокий уровень материального обеспечения [16]. Кроме того, интерес к играм проявляют более молодые пользователи [7; 9; 46]. Существенных гендерных различий в восприятии геймификации выявлено не было: исследования показывают, что как женщины [34; 46], так и мужчины [7; 54] могут демонстрировать большую вовлеченность в геймифицированную систему.

Данные нескольких исследований также показывают, что геймификация успешно применяется в управлении проектами (в том числе в гибких (*Agile*) проектах [40]) за счет (1) ограниченной продолжительности проектной работы; (2) достижения подцелей, связанных с более отдаленными целями; (3) меняющегося состава участников. Дело в том, что геймификация создает эффект новизны, вследствие чего со временем ее востребованность снижается. Это одинаково справедливо для геймификации, применяемой в отношении работников, обучающихся и клиентов [11; 16; 34].

Наконец, *геймификация, направленная на клиентов*, оказывает положительное влияние на участие, вовлеченность и социальное взаимодействие пользователей, если выполняются несколько условий. Геймифицированные приложения – для покупок, контроля физического состояния, туризма, участия в городских инициативах – должны быть максимально простыми в использовании.

Более того, геймифицированные системы должны предусматривать возможность вознаграждения и взаимодействия с другими пользователями [47]. В то же время социальное сравнение и конкуренция предсказуемо по-разному оцениваются: в случае победы игровые механики оказывают положительное влияние на геймифицированный опыт, но после поражения пользователи относятся к ним негативно. Оценка других пользователей и взаимодействие с ними способствуют вовлеченности и создают ощущение контроля за своей деятельностью. Исследования подтверждают, что использование бейджей не сказывается на желании участвовать в геймифицированной системе, однако при добавлении функции сравнения своих результатов с чужими востребованность услуг компаний растет [26; 47]. Таким образом, в данном случае эмпирические выводы согласуются с теорией. Другие исследования показывают, что вручение наград и значков положительно влияет на воспринимаемое пользователями удовольствие от игры и социальное взаимодействие [54]. Так, сайты и приложения для путешествий вовлекают клиентов в туристическое сообщество посредством перечисленных игровых элементов, чтобы в итоге пользователи были мотивированы как приобретать новые туры, так и демонстрировать одобряемое социальное поведение, например, сокращать отходы [39]. Особенно востребованы инструменты геймификации в электронной коммерции, однако они являются лишь дополнением, но не определяющим элементом удовлетворенности клиентов [24]. Посредством геймификации организации увеличивают прибыль за счет не только роста продаж, но и снижения издержек. В одном из исследованных примеров благодаря геймификации банку удалось убедить клиентов самостоятельно загружать документы для получения ипотечных кредитов [50].

Во влиянии геймификации на бренд результаты неоднозначные. С одной стороны, геймификация способна создать ощущение принадлежности к сообществу и вместе с тем положительно связана с отношением к бренду, узнаваемостью бренда и вовлеченностью в бренд. Однако существуют и неудачные примеры, когда потраченные на внедрение геймификации средства не окупились, а компаниям пришлось отказаться от нее из-за низкой эффективности в управлении брендом [51].

Успешность инвестиций в игры напрямую зависит от качества создаваемых геймифицированных систем. В сфере здравоохранения геймифицированные приложения используют для контроля физических нагрузок, соблюдения режима приема лекарств, реабилитации и осведомленности о мерах профилактики различных заболеваний. Но, несмотря на популярность геймификации в здравоохранении, для значительной части пожилых пользователей предлагаемые мобильные приложения плохо адаптированы [9].

Участие граждан в общественной жизни – еще один пример использования геймификации, целью внедрения которой являются эффективность взаимодействия с органами власти (быстрота и отсутствие институциональных ограничений благодаря использованию цифровых технологий) и стимулирование необходимого гражданского поведения [28]. Например, геймифицированные приложения мотивируют пользователей заботиться об экологии, экономя электроэнергию. Взамен пользователи получают виртуальные награды, а их достижения отражаются в таблице лидеров [49]. Но для пользователей в данном случае основная угроза состоит в том, что отрицательные результаты из игры могут перейти в жизнь и граждан поделят на «плохих» и «хороших». Кроме того, остро стоит вопрос слежки за пользователями, сбора личной информации через гаджеты и возможного неправомерного ее применения. Однако правовые и этические вопросы в рамках данного направления пока должным образом не изучены в научной литературе.

Несмотря на повышенный интерес со стороны теоретиков и практиков, в научной литературе по-прежнему не существует согласованного определения геймификации. Приведенные в качестве примера трактовки представляют лишь небольшой перечень, отраженный в исследованиях. На данном этапе остается открытым вопрос, должно ли определение геймификации быть универсальным или отражать специфику ее применения в конкретном направлении.

Хотя некоторые исследователи признают, что суть геймификации не должна сводиться к применению исключительно цифровых технологий, современные примеры подтверждают, что на практике геймификацию понимают прежде всего как цифровую (в терминологии А. Маржевского). В то же время эмпирические исследования игнорируют вопросы взаимодействия человека с гаджетами, но отражают проблематику социальных отношений человека внутри геймифицированной системы. Выбранный фокус исследований обусловлен природой геймификации, для внедрения которой требуются знания особенностей поведения и мотивации человека. Однако практические примеры показывают, что в настоящее время появляется необходимость более предметного изучения как этических вопросов, так и технических, прежде всего – конфиденциальности персональных данных пользователей.

Проведенный анализ позволяет сделать вывод, что исследования сосредоточены на положительном влиянии геймификации на мотивацию и поведение человека, акцентируя преимущества ее внедрения. Научные публикации в основном посвящены изучению выгод от геймификации для тех, кто ее внедряет. Пользователи геймифицированной системы при этом по умолчанию получают выгоду от самого факта участия, хотя на практике так происходит не всегда.

Основная проблема состоит в непонимании цели, ради которой используют геймификацию. Как правило, цели внедрения геймификации формулируются довольно примитивно: повышение мотивации, вовлеченности и изменение поведения. Если для обучающихся и клиентов такая формулировка допустима, то для работников важно показать, как геймифицированная среда будет непосредственно связана с целями организации. Кроме того, существует риск негативных последствий геймификации, но причины, особенно в исследованиях геймификации, направленной на клиентов, пока еще подробно не изучены. Предполагается, что плохо спроектированная геймифицированная система приводит к негативным эффектам. Вместе с тем в двух исследованных направлениях (геймификация, направленная на (1) обучающихся и (2) работников) было показано, что конкуренция может отпугнуть часть пользователей.

Несмотря на простоту участия в игре, разработка геймифицированной системы – довольно трудная задача, требующая учета контекста, индивидуальных характеристик пользователя, цели и условий применения. Важно помнить: геймификация не должна создавать ощущения, что человеком манипулируют, в противном случае он будет возражать против нее и сопротивляться.

Литература

1. *Вербах К., Хантер Д.* Вовлекай и властвуй. Игровое мышление на службе бизнеса // М.: Манн, Иванов и Фербер, 2015. 224 с.
2. *Ветушинский А.* Больше, чем просто средство: новый подход к пониманию геймификации // Социология власти. 2020. Т. 32. No 3. С. 14–31.
3. Геймификация: как не заиграться? // EduTech. Сбег Университет. 2021. No 2(40). 40 с.
4. *Зикерманн Г., Линдер Дж.* Геймификация в бизнесе: как пробиться сквозь шум и завладеть вниманием сотрудников и клиентов // М.: Манн, Иванов и Фербер, 2014. 272 с.
5. *Маркеева А.В.* Дискуссионные вопросы развития и применения геймификации в управлении персоналом современной организации // Лидерство и менеджмент. 2020. Т. 7. No 3. С. 439–458.
6. *Муравская С.А., Смирнова М.М.* Геймификация: подходы к определению и основные направления исследований в менеджменте // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2019. No 8(14). С. 510–530.
7. *Ребров А.В., Черкасов А.Ю.* Геймификация и автоматизация КРІ: очередная управленческая мода или новые методы стимулирования? // Российский журнал менеджмента. 2017. Т. 15. No 3. С. 303–326.
8. *Цыплакова Е.О.* Геймификация – мотивационная практика или механизм тотального контроля над трудовым процессом? // Экономическая социология. 2016. Т. 17. No 3. С. 82–109.
9. *Al-Rayes S., Yaqoub F., Alfayez A., Alsalman D., Alanezi F., Alyousef S., AlNujaidi H., Al-Saif A.K., Attar R., Aljabri D., Al-Mubarak S., Al-Juwair M.M., Alrawiai S., Saraireh L., Saadah A., Al-umran A., Alanzi T.M.* Gaming elements, applications, and challenges of gamification in healthcare // Informatics in Medicine Unlocked. 2022. Vol. 31. P. 1–6.
10. *Alshammari M.* Evaluation of gamification in e-learning systems for elementary school students // TEM Journal. 2020. Vol. 9(2). P. 806–813.

11. *Bai S., Hew K.F., Huang B.* Does gamification improve student learning outcome? Evidence from a meta-analysis and synthesis of qualitative data in educational contexts // *Educational Research Review*. 2020. Vol. 30. P. 1–20.
12. *Behl A., Jayawardena N., Pereira V., Islam N., Giudice M.D., Choudrie J.* Gamification and e-learning for young learners: A systematic literature review, bibliometric analysis, and future research agenda // *Technological Forecasting & Social Change*. 2022. Vol. 176. P. 1–24.
13. *Benitez J., Ruiz L., Popovic A.* Impact of mobile technology-enabled HR gamification on employee performance: An empirical investigation // *Information & Management*. 2022. Vol. 59. P. 1–15.
14. *Bogost I.* Why gamification is bullshit. / In S.P. Walz & S. Deterding (Eds.), *The gameful world: Approaches, issues, applications*. MIT Press, Cambridge, MA, 2015. 65–79 p.
15. *Burke B.* Gamification 2020: What Is the Future of Gamification? 2012 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.gartner.com/en/documents/2226015> (дата обращения: 15.04.2022).
16. *Cardador M.T., Northcraft G.B., Whicher J.* A theory of work gamification: Something old, something new, something borrowed, something cool? // *Human Resource Management Review*. 2017. Vol. 27. P. 353–365.
17. *Chang J.W., Wei H.Y.* Exploring engaging gamification mechanics in massive online open courses // *Journal of Educational Technology & Society*. 2016. Vol. 19(2). P. 177–203.
18. *Ciuchita R., Heller J., Kocher S., Kocher S., Leclercq T., Sidaoui K., Stead S.* It is Really Not a Game: An Integrative Review of Gamification for Service Research // *Journal of Service Research*. 2022. P. 1–18 (in press).
19. *Dale S.* Gamification: Making work fun // *Business Information Review*. 2014. No 31 (2). P. 82–90.
20. *Deterding S., Dixon D., Khaled R., Nacke L.* Gamification: Toward a Definition // *CHI Gamification Workshop Proceedings*. 2011. P. 1–4.
21. *Dicheva D., Dichev C., Agre G., Angelova G.* Gamification in education: a systematic mapping study // *Journal of Educational Technology & Society*. 2015. Vol. 18(3). P. 75–88.
22. *Faust A.* *The Effects of Gamification on Motivation and Performance*. Zugl.: Berlin, Technische Universität, Diss. Springer, 2021. 195 p.
23. *Gamification Market by Component (Solution and Services), Deployment (Cloud and On-premises), Organization Size (SMEs and Large Enterprises), Application, End-User (Enterprise-Driven and Consumer-Driven), Vertical, and Region – Global Forecast to 2025*. MarketsandMarkets (2020, March) [Электронный ресурс]. URL: <https://www.marketsandmarkets.com/Market-Reports/gamification-market-991.html> (дата обращения: 15.04.2022).
24. *García-Jurado A., Torres-Jimenez M., Leal-Rodríguez A.L., Castro-Gonzalez P.* Does gamification engage users in online shopping? // *Electronic Commerce Research and Applications*. 2021. Vol. 48. P. 1–15.
25. *Global Gamification Market (2022–2027)*. Mordor Intelligence, 2022. 31 p.
26. *Hamari J.* Transforming homo economicus into homo ludens: A field experiment on gamification in a utilitarian peer-to-peer trading service // *Electron*. 2013. Vol. 12(4). P. 236–245.
27. *Hamari J., Koivisto J.* Why do people use gamification services // *International Journal of Information Management*. 2015. Vol. 35. P. 419–431.
28. *Hassan L.* Governments Should Play Games: Towards a Framework for the Gamification of Civic Engagement Platforms // *Simulation & Gaming*. 2017. Vol. 48(2). P. 249–267.
29. *Huang B., Hew K.F.* Implementing a theory-driven gamification model in higher education flipped courses: Effects on out-of-class activity completion and quality of artifacts // *Computers & Education*. 2018. Vol. 125. P. 254–272.
30. *Huotari K., Hamari J.* A definition for gamification: anchoring gamification in the service marketing literature // *Electron Markets*. 2017. Vol. 27. P. 21–31.

31. *Huotari K., Hamari J.* Defining gamification – a service marketing perspective // Proceedings of the 16th International Academic MindTrek Conference. 2012. P. 17–22.
32. *Kim S., Song K., Locke B., Burton J.* Gamification in Learning and Education. Enjoy Learning Like Gaming. Springer International Publishing AG, 2018. 164 p
33. *Kiryakova G., Angelova N., Yordanova L.* Gamification in Education // 9th International Balkan Education and Science Conference at Edirne, Turkey. October 2014. P. 1–5.
34. *Koivisto J., Hamari J.* Demographic differences in perceived benefits from gamification // Computers in Human Behavior. 2014. Vol. 35. P. 179–188.
35. *Koivisto J., Hamari J.* The rise of motivational information systems: A review of gamification research // International Journal of Information Management. 2019. Vol. 45. P. 191–210.
36. *Landers R.* Gamification Misunderstood: How Badly Executed and Rhetorical Gamification Obscures Its Transformative Potential // Journal of Management Inquiry. 2019. Vol. 28(2). P. 137–140.
37. *Liu B., Wang J.* Demon or angel: an exploration of gamification in management // Nankai Business Review International. 2020. Vol. 11. No. 3. P. 317–343.
38. *McGonigal J.* Superbetter. The Power of Living Gamefully. New York, Penguin, 2015. 480 p.
39. *Negruşa A., Toader V., Sofică A., Tutunea M.F., Rus R.V.* Exploring Gamification Techniques and Applications for Sustainable Tourism // Sustainability. 2015. Vol. 7. No. 8. P. 11160–11189.
40. *Pereira I., Amorim V., Cota M., Goncalves C.* Gamification Use in Agile Project Management: An Experience Report // Communications in Computer and Information Science. Brazilian Workshop on Agile Methods. Springer, 2016. P. 28–38.
41. *Perryer C., Celestine N.A., Scott-Ladd B., Leighton C.* Enhancing workplace motivation through gamification. Transferrable lessons from pedagogy // The International Journal of Management Education. 2016. Vol. 14(3). P. 327–335.
42. *Robson K., Plangger K., Kietzmann J.H., McCarthy I., Pitt L.* Game on: Engaging customers and employees through gamification // Business Horizons. 2016. Vol. 59(1). P. 29–36.
43. *Rodrigues L., Toda A.M., Oliveira W., Palomino P.T., Vassileva J., Isotani S.* Automating gamification personalization: to the user and beyond // IEEE Transactions on learning technologies. 2021. P. 1–14.
44. *Santos S.A., Trevisan N.L., Veloso E.F.R., Treff M.A.* Gamification in training and development processes: perception on effectiveness and results // Revista de Gestao. 2021. Vol. 28. No. 2. P. 133–146.
45. *Scheiner C.W., Witt M.* The backbone of gamification – a theoretical consideration of play and game mechanics // GI-Jahrestagung. 2013. P. 2372–2386.
46. *Seaborn K., Fels D.I.* Gamification in theory and action: A survey // Human-Computer Studies. 2015. Vol. 74. P. 4–31.
47. *Tobón S., Ruiz-Alba J., Garcia de Madariaga J.* Gamification and online consumer decisions: Is the game over? // Decision Support Systems. 2020. Vol. 128. P. 1–41.
48. *Toda A.M., Valle P.H.D., Isotani S.* The dark side of gamification: An overview of negative effects of gamification in education // Researcher links workshop: Higher education for all. 2017. P. 143–156.
49. *Vanolo A.* Cities and the politics of gamification // Cities. 2018. Vol. 74. P. 320–326.
50. *Warnick V., Bui H.* Gamification in Management: Analysis and Research Directions // International Journal of Serious Games. 2019. Vol. 6(2). P. 57–74.
51. *Xi N., Hamari J.* Does gamification affect brand engagement and equity? A study in online brand communities // Journal of Business Research. 2020. Vol. 109. P. 449–460.
52. *Xi N., Hamari J.* Does gamification satisfy needs? A study on the relationship between gamification features and intrinsic need satisfaction // International Journal of Information Management. 2019. Vol. 46. P. 210–221.

53. *Zainuddin Z., Kai S., Shujahat M., Perera C.J.* The impact of gamification on learning and instruction: A systematic review of empirical evidence // *Educational Research Review*. 2020. Vol. 30. P. 1–23.
54. *Zhang L., Shao Z., Li X., Feng Y.* Gamification and online impulse buying: The moderating effect of gender and age // *International Journal of Information Management*. 2021. Vol. 61. P. 1–18.
55. *Zichermann G., Cunningham C.* *Gamification by Design: Implementing Game Mechanics in Web and Mobile Apps*. Sebastopol, CA: O'Reilly Media, 2011. 210 p.

Natalia Danilina (e-mail: ndanilina@hse.ru)

Postgraduate Student,

National Research University Higher School of Economics

(Moscow, Russia)

GAMIFICATION AS A NEW INTERPRETATION OF THE GAME IN THE DIGITAL ECONOMY: THEORETICAL AND PRACTICAL RATIONALE

The paper presents an analysis of the main results of theoretical and empirical studies of gamification. Gamification is defined as the inclusion of game elements in non-game contexts in order to increase motivation, engagement, and productivity. Based on the analysis of 42 publications dedicated to the practice of gamification in various fields, the author identifies three areas of research: gamification aimed at employees, students, and customers.

The results show that the success of using gamification depends on the context, purpose and conditions of implementation, as well as on the individual characteristics of those who use the gamified system.

Keywords: gamification, motivation, game elements, game mechanisms, digital technologies

DOI: 10.31857/S020736760023431-3

© 2022

Рогнеда Васильева

младший научный сотрудник Института экономики
Уральского отделения Российской академии наук (г. Екатеринбург, Россия)
(e-mail: vasilyeva.ri@uiec.ru)

Валентин Войтенков

магистрант; Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (г. Москва, Россия)
(e-mail: vavoytenkov@edu.hse.ru)

Алина Уразбаева

магистрант; Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (г. Москва, Россия)
(e-mail: arurazbaeva@edu.hse.ru)

ВЛИЯНИЕ СТРУКТУРЫ ГОСУДАРСТВЕННЫХ РАСХОДОВ НА ЭКОНОМИЧЕСКИЙ РОСТ В РОССИЙСКИХ РЕГИОНАХ

Цель данной работы — оценить влияние структуры государственных расходов на экономический рост в регионах России. В качестве показателя экономического роста используется темп роста валового регионального продукта (ВРП) в реальном выражении. Для эконометрического моделирования используется метод среднего по группе. Хотя в целом вопрос о влиянии отдельных категорий государственных расходов остается дискуссионным, эмпирические результаты демонстрируют, что долгосрочными драйверами экономического роста в регионах России являются расходы на здравоохранение и спорт. При этом для регионов, имеющих ВРП на душу населения ниже среднего, значимый и положительный эффект оказывают расходы на образование и СМИ. На основе полученных результатов сформулированы практические рекомендации по совершенствованию региональной политики.

Ключевые слова: государственные расходы, экономический рост, регионы России, лагированные эффекты, категории государственных расходов.

DOI: 10.31857/S020736760023432-4

В настоящее время в России активно реализуются национальные проекты, направленные на поддержание экономической активности населения, развитие человеческого и научно-исследовательского потенциала, региональной инфраструктуры и цифровой экономики, что способствует социально-экономическому и научно-техническому развитию регионов России и страны в целом. Реализация проектов осуществляется через соответствующие статьи расходов федерального и региональных бюджетов. Введение национальных проектов в России вызвало значительные изменения в фискальной политике. Наблюдается увеличение количества программ поддержки бизнеса, в частности,

согласно Постановлению Правительства РФ от 21.12.2021 №2371 [34], была запущена цифровая платформа для средних и малых предприятий, целью которой является упрощение процесса открытия, ведения и развития бизнеса, а также облегчение доступа к мерам поддержки от государства. Кроме того, наблюдается рост расходов на социальную сферу. Государственная программа «Социальная поддержка граждан» [35] предусматривает объем бюджетных ассигнований на 2022 год в размере 2372 млрд рублей, направленных на развитие социального обслуживания и поддержку семей, имеющих детей, социальную поддержку старшего поколения и некоммерческих организаций.

Существующая литература позволяет предположить положительное влияние вышеуказанных мер на экономический рост, так как исследования госрасходов в Российской Федерации говорят о том, что вложения в культуру, социальную сферу, национальную экономику, оборону и правоохранительную деятельность и расходы на общегосударственные нужды способствуют росту ВВП России [5, 25, 29]. Тем не менее, в современных исследованиях факторов, влияющих на ВВП, представлены неоднозначные выводы относительно взаимосвязи государственных расходов и экономического роста. Несмотря на то, что ряд статей подтверждает наличие прямой связи между государственными расходами и объемом производства на территории страны [3, 19, 27], в зависимости от особенностей экономики, влияние государственных расходов на экономический рост может быть отрицательным [20]. Многие исследователи также отмечают, что различия в уровне развития стран влияют на эффект текущих государственных расходов по различным категориям [14]. В частности, для стран с более высоким экономическим развитием подтверждается наличие значимого влияния госрасходов на экономический рост, в то время как для стран с низким уровнем экономического развития не выявлено значимого эффекта [17, 24].

Различия в направленности фискальной политики государств также влияют на взаимосвязь государственных расходов и роста ВВП. Например, расходы государства на создание условий производства – инфраструктуры улиц и транспортных магистралей – имеют прямое влияние на экономику [4]. Вложения в здравоохранение, образование, транспорт и ЖКХ также способствуют экономическому росту, однако лишь в долгосрочной перспективе [6]. В то же время считается, что результатом расходов на национальную оборону и социальную политику является негативная динамика темпов роста ВВП [2, 25]. Некоторые авторы настаивают на необходимости сокращения непроизводительных расходов [18]. При этом неэффективная фискальная политика может замедлять развитие экономики даже при значительных объемах государственных вложений [6, 16, 23]. Эффективность государственных расходов определяется качеством управления, которое можно повысить путем перераспределения ресурсов между различными статьями федерального бюджета [16, 23].

Исходя из неоднозначного мнения исследователей о влиянии структуры государственных расходов на экономический рост на уровне государств и недостаточной изученности эффекта категорий государственных расходов на региональном уровне, целью данного исследования является оценка влияния структуры государственных расходов на экономический рост в регионах России.

Основная гипотеза исследования заключается в том, что государственные расходы по различным направлениям оказывают положительное влияние на экономический рост. Стоит отметить, что многие исследования подтверждают наличие значимого эффекта от различных статей госрасходов на экономический рост в краткосрочном и долгосрочном периоде [12, 22], что будет рассмотрено далее в настоящей работе. Выяснено также, различно ли влияние государственных расходов для регионов с ВРП на душу населения выше и ниже среднего, поскольку эффект расходов может различаться для стран и регионов с различным уровнем экономического развития [14, 17, 24].

Таким образом, результаты данной работы вносят существенный вклад в современную литературу по фискальной политике и ее влиянию на экономический рост в регионах России. Существующие эмпирические исследования выделяют фискальные детерминанты экономического роста, в то время как вопрос о влиянии отдельных категорий государственных расходов остается дискуссионным в современной литературе. Результаты, полученные в ходе данного исследования, позволяют выделить категории государственных расходов, которые способствуют экономическому росту в долгосрочном периоде (образование и здравоохранение) и краткосрочном периоде (социальная политика). Помимо этого выделены две группы регионов – с ВРП на душу населения выше среднего по России и ниже среднего, для которых сформулированы практические рекомендации для совершенствования государственной политики.

Структура работы включает в себя обзор литературы по влиянию государственных расходов на экономический рост, описание данных и методов исследования, результаты моделирования и выводы для экономической политики России и отдельных групп российских регионов.

Обзор исследований.

Diamond & Heller [9] утверждают, что для изучения фискальных детерминант экономического роста необходимо уделять особое внимание структуре расходов. Aschauer [4] выделяет расходы на транспортные магистрали, инфраструктуру улиц (в общем смысле расходы на национальную экономику) в качестве значимых факторов, определяющих экономический рост. Данные категории расходов относятся к производительным, поэтому увеличение трат на данную группу расходов приводит к развитию экономики. Barbiero & Courgnède [6] рассматривают расходы на здравоохранение, образование, транспорт и ЖКХ в качестве детерминант экономического роста. Авторы отмечают, что значимый эффект появляется только в долгосрочной перспективе. М. Каменских

и Н. Иванова [29] в исследовании по РФ за 2005–2009 гг. выделяют следующие категории государственных трат, обеспечивающих рост ВВП: расходы на культуру, социальную сферу, оборону и правоохранительную деятельность, а также расходы на общегосударственные вопросы.

Несмотря на значительное количество расходных статей, способных влиять на экономический рост, финансовая система сталкивается с ограничениями предельных выгод от увеличения госрасходов. Thanh и другие [23] в исследовании по Вьетнаму за 2005–2016 гг. отмечают, что темпы развития экономики могут снижаться из-за неэффективности расходов на образование, бизнес-услуги и государственное управление. Согласно авторам, эффективность использования государственных расходов субъектами зависит от качества управления, что приводит к более высоким темпам экономического роста, в сравнении с регионами с недостаточным качеством аппарата управления. В то же время регионы с большей прозрачностью в бюджетной политике отличаются эффективностью в использовании трансфертов и характеризуются значимым ростом экономики. В исследованиях Muinelo-Gallo & Roca-Sagalés [18] приходят к выводу, что адекватная стратегия проведения фискальной политики способствует экономическому росту в странах ОЭСР. Целью такой стратегии может выступать сокращение нераспределительных расходов. Barbiero & Cougnède [6] утверждают, что рост экономики зависит от эффективности использования бюджетных средств, а не только от суммы государственных расходов. В качестве инструмента, который увеличивает эффективность системы распределения, Magazzino [16] выделяет перераспределение ресурсов между различными статьями государственных расходов. Как следствие, авторы подтверждают важность отлаженного механизма работы распределительной системы для экономического роста.

В исследовании по России Громов [27] документально подтверждает, что увеличение общих государственных расходов ведёт к росту ВВП. Аналогично, Agin et al. [3], подчеркивают наличие положительного эффекта от производительных государственных расходов на экономический рост на выборке по странам ОЭСР с 1990 по 2013 годы. В исследовании по Нигерии за 1981–2015 гг. Oloaoye [19] подтверждает, что эффект от снижения государственных расходов негативно влияет на экономический рост. Автор находит свидетельства существования перевернутой «U-образной» связи между ростом экономики и величиной государственных расходов. Olayungbo & Olayemi [20] обнаруживают негативный эффект от государственных расходов на рост экономики, что может быть связано с концентрацией на добыче полезных ископаемых.

В связи с различиями в уровне институционального развития, особенностями устройства фискальной политики, одни и те же категории государственных расходов могут разнонаправленно влиять на экономический рост. В общем случае существует представление о том, что производительные расходы

(национальная экономика, здравоохранение, образование) оказывают положительный эффект на развитие экономики, в то время как непроизводительные расходы (национальная оборона и социальная политика) ведут к снижению темпов роста ВВП [2, 3, 25].

Мы выделяем два направления в существующей литературе. Часть исследований фокусируется на эффекте производительных расходов на экономический рост. В исследованиях по России Балаев [25] утверждает, что сопоставленное увеличение расходов на образование, здравоохранение и национальную экономику способствует экономическому росту. К аналогичному выводу пришли Каменских и Иванова [29], отмечая положительный эффект от расходов на национальную экономику и социальную сферу на увеличение ВВП. Bedir [8] также приходит к выводу о том, что рост расходов на здравоохранение положительно влияет на экономическое развитие в развивающихся странах. Liru [15] приводит аналогичные результаты в исследовании стран Европы за 1995–2015 годы, при этом, по его мнению – напротив, расходы на оборону, государственный сектор и социальное обеспечение снижают темпы экономического роста.

Gemmell et al. [11] обнаруживают отрицательное влияние на экономический рост категории расходов на социальное обеспечение. В то же время они не находят подтверждения положительному долгосрочному эффекту от перераспределения непроизводительных расходов (национальная оборона), в пользу производительных расходов. Gemmell et al. утверждают, что основной причиной таких расхождений с другими исследованиями являются различные виды расходов, входящие в укрупненные группы (ЖКХ, социальная политика, национальная оборона), которые определяются Бюджетным кодексом. Следовательно, увеличение расходов не будет способствовать росту, если не будет проведен детальный анализ форм расходов. Аналогично, Barbiero & Courpède [6] утверждают, что повышение государственных расходов на ЖКХ негативно влияет на рост экономики. Другая часть исследований рассматривает влияние непроизводительных расходов на увеличение темпов роста ВВП. Akano & Adams [2] утверждают, что государственные расходы на администрацию способствуют экономическому росту. Напротив, Abu-Bader & Abu-Qarn [1] делают вывод о том, что расходы на военную отрасль отрицательно влияют на экономический рост, в то время как расходы гражданского правительства вызывают положительный экономический рост.

В общем виде существующие эмпирические исследования выделяют фискальные детерминанты экономического роста, а также проблему эффективности распределения государственных расходов. В рамках исследования по России авторы рассматривают общий экономический рост, в то время как региональные исследования не распространены. Помимо этого, вопрос о влиянии отдельных категорий государственных расходов наряду с общим эффектом

государственных расходов на экономический рост остается дискуссионным в современной литературе.

Данные и методология.

Для оценки влияния структуры государственных расходов на темпы экономического роста и проверки представленных гипотез были использованы данные по 83 российским регионам, охватывающие период с 2000 по 2019 год. Республика Крым и город федерального значения Севастополь исключены из выборки в связи с ограниченным количеством данных. Общая база исследования составила 1660 наблюдений. Основными источниками данных являются Федеральная служба государственной статистики, Министерство финансов РФ, Казначейство РФ.

На основе литературного обзора [3, 14, 17, 19, 20, 24, 25, 27, 29], в качестве зависимой переменной используется темп роста валового регионального продукта, рассчитанный авторами по формуле 1.

$$\text{Темп роста ВРП}_i = \frac{\text{ВРП}_{\text{реал}_{it}}}{\text{ВРП}_{\text{реал}_{it-1}}} * 100\% \quad (1)$$

Где $\text{ВРП}_{\text{реал}_{it}}$ – объем валового регионального продукта в периоде t , $\text{ВРП}_{\text{реал}_{it-1}}$ – объем валового регионального продукта в предыдущем периоде.

Был также рассчитан показатель региональной открытости к международной торговле (формула 2) на основе методологии Международного валютного фонда:

$$\text{Openness} = \frac{(\text{Export} + \text{Import})}{\text{GRP}_n} * 100\% \quad (2)$$

где Export – объем экспорта региона, Import – объем импорта региона, GRP_n – номинальный валовой региональный продукт.

Все переменные, использованные при построении регрессии, их описание и источники представлены в таблице 1.

Независимые переменные включают объем общих государственных расходов, а также отдельные группы расходов: на общегосударственные вопросы, национальную оборону, национальную безопасность и правоохранительную деятельность, национальную экономику, жилищно-коммунальное хозяйство, охрану окружающей среды, образование, культуру и кинематографию, здравоохранение, социальную политику, физическую культуру и спорт, средства массовой информации, обслуживание государственного и муниципального долга. Общий объем государственных расходов был нормирован по отношению

к ВРП номинальному, а расходы по направлениям представляют собой доли от общего объема госрасходов.

Таблица 1

Описание переменных

Переменная	Описание	Источник
grpgr	Темп роста ВРП	Рассчитано авторами на основании данных Росстата
GovExp	Государственные расходы (общие)	Казначейство РФ
stadmrbus, defs, los, nes, housinfs, envs, edus, cults, healthandsports, socps, masss, publicdebts, deficit	Категории государственных расходов	Казначейство РФ
FDI	Прямые иностранные инвестиции в млн долл США (поступившие)	Росстат
Openness	Открытость региона к международной торговле	Росстат
Capital	Инвестиции в основной капитал	Росстат
lf	Численность занятых в возрасте 15–72 лет по субъектам Российской Федерации	Росстат
Exprd	Внутренние затраты организаций на научные исследования и разработки	Росстат

Источник: составлено авторами по [30, 32].

На основе литературного обзора и согласно теоретическим предпосылкам производственной кривой Кобба–Дугласа, в качестве контрольных переменных были взяты инвестиции в основной капитал, численность занятых в возрасте 15–72 лет по субъектам Российской Федерации, внутренние затраты организаций на научные исследования и разработки, прямые иностранные инвестиции в миллионах долларов США, открытость региона.

Для получения корректных оценок все показатели, кроме региональной открытости, были логарифмированы. Спецификация модели имеет следующий вид (формула 3):

$$\text{grpgr} = \beta_0 + \beta_1 * \text{lexprd} + \beta_2 * \text{lfdi} + \beta_3 * \text{lcapital} + \beta_4 * \text{openness} + \beta_6 * \text{govexp} \quad (3)$$

где grpgr – темп роста реального ВВП; lexprd – логарифм внутренних затрат организаций на научные исследования и разработки;

lfdi – логарифм прямых иностранных инвестиций; lcapital – логарифм инвестиций в основной капитал; openness – открытость регионов к международной торговле; govexp – вектор государственных расходов (stadmruhs , defs , los , nes , housinfs , envs , edus , cults , healthandsports , socps , masss , publicdebts).

Поскольку категории государственных расходов взаимосвязаны и рассчитаны как доля от общего количества государственных расходов, то данные показатели не включаются в модель совместно для исключения проблемы мультиколлинеарности.

Для эконометрического моделирования был использован метод среднего по группе (mean group estimator (MG)) для оценки динамических панельных данных. Оценки MG представляют собой невзвешенное среднее N отдельных коэффициентов регрессии, иными словами, оценка MG опирается на оценку N регрессий в каждом временном периоде и усреднении коэффициентов [21]. Стоит отметить, что данный метод дает более устойчивые оценки при неоднородности параметров, которая возникает при довольно большом временном периоде (выборка включает 19 лет), а также высокой разнородности по пространственному показателю (количество регионов – 83). Увеличение временного периода и пространственного интервала приводит к нестационарности и отсутствию нормальности в данных, что подтверждается тестом на нормальность с применением критерия Харке-Бера (Jarque-Bera). Согласно таблице 2, для всех переменных, включенных в модель, отвергается гипотеза о нормальности распределения, что является обоснованием для использования метода среднего по группе (MG).

Результаты эконометрического моделирования. В связи с высокой дифференциацией регионов по темпам роста ВВП и экономическому развитию, включение в выборку всех регионов приводит к усилению проблемы гетероскедастичности и несостоятельности оценок. Более того, как отмечают исследователи, влияние государственных расходов может быть различно для регионов в зависимости от уровня экономического развития [14, 17, 24]. В связи с этим мы рассматриваем две группы регионов по уровню экономического развития: регионы с ВВП на душу населения выше среднего и регионы с ВВП на душу населения ниже среднего. В таблице 3 представлены результаты построения модели с использованием метода среднего по группе по всем категориям государственных расходов.

Таблица 2

Статистика Харке-Бера и вероятность для исследуемых переменных

Наименование показателя	Jarque-Bera	Prob.	Наименование показателя	Jarque-Bera	Prob.
Прирост ВРП	459,603	0,000	Национальная безопасность и правоохранительная деятельность	221616,1	0,000
Внутренние затраты на научные исследования и разработки	452279,9	0,000			
ПИИ	2670470	0,000	Национальная экономика	900328,5	0,000
Инвестиции в основной капитал	166309,5	0,000	ЖКХ	959075,4	0,000
Открытость	2531122	0,000	Охрана окружающей среды	10554698	0,000
Население	9640,213	0,000	Образование	85293,91	0,000
Рабочая сила	15317,64	0,000	СМИ	194188	0,000
Госрасходы	493628,8	0,000	Здравоохранение и спорт	280910,6	0,000
Расходы на общегосударственные вопросы	367475,8	0,000	Социальная политика	592159,5	0,000
Национальная оборона	24657672	0,000	Культура	5903683	0,000

Источник: оценки авторов.

Мы отмечаем значимый негативный эффект, оказываемый на экономический рост расходами на общегосударственные вопросы для регионов с уровнем ВРП ниже среднего. Данная строка государственных трат относится к непроизводительным, поскольку включает в себя расходы на содержание главы субъекта РФ, выплаты служащим, государственным (муниципальным) органам и казенным учреждениями. Аналогично Балаев отмечает, что рост доли непроизводительных расходов негативно влияет на темпы экономического роста [25]. Незначимость расходов на национальную оборону обоснована отсутствием показателей, измеряющих эффективность этой строки расходов. К аналогичному выводу пришли Каменских и Иванова, отмечающие, что расходы на оборону не имеют воздействия на рост ВВП [29]. Напротив, расходы на национальную безопасность, имеющие значимый и положительный эффект в регионах с ВРП ниже среднего, способствуют экономическому росту.

Таблица 3

Результаты метода среднего по группе по всем категориям государственных расходов

	Регионы с ВРП на душу населения выше среднего	Регионы с ВРП на душу населения ниже среднего
Общие государственные расходы	-101.498*** (31.314)	0.301 (1.295)
Расходы на общегосударственные вопросы	-36.725 (52.276)	-45.695** (17.878)
Национальная оборона	-1806.43 (1766.573)	-2.099 (18.219)
Национальная безопасность и правоохранительная деятельность	-30.795 (137.811)	110.981*** (29.823)
Национальная экономика	-17.527 (15.363)	-4.336 (5.788)
ЖКХ	6.888 (35.487)	-47.754** (18.859)
Охрана окружающей среды	-1079.339*** (331.007)	232.303** (90.774)
Образование	0.860 (37.131)	12.709 (9.884)
Культура и кинематография	18.558** (8.089)	53.919*** (8.349)
Здравоохранение и спорт	-10.764 (27.403)	-1.015 (5.493)
Социальная политика	29.777 (36.192)	-2.511 (7.503)
СМИ	-153.894** (88.131)	-5.318 (27.132)

***1 %-ный уровень значимости, ** 5%-ный уровень значимости, * 10%-ный уровень значимости.

Источник: оценки авторов.

Негативное воздействие на рост ВРП от увеличения расходов на категорию ЖКХ обосновано неэффективностью работы данного сектора, что отмечается в исследовании Дубовик [28]. В то же время эффект от статьи расходов на охрану окружающей среды характеризуется смешанным эффектом: в регионах с ВРП выше среднего он отрицательно влияет на рост экономики субъекта, в регионах с ВРП ниже среднего – эффект положителен. Данное расхождение может быть обосновано распределением средств в регионах: обеспеченные регионы увеличивают экологический контроль, а в менее обеспеченных регионах средства идут на субсидии юридическим лицам, а также индивидуальным предпринимателям, которые могут принимать активное участие в природоохране, предоставляя свои товары или услуги.

Значимое и положительное влияние на рост ВРП оказывает категория расходов на культуру и кинематографию, которые отличаются окупаемостью из-за значительного развития платных онлайн-сервисов и кинотеатров. Напротив, государственные расходы на СМИ имеют отрицательный эффект, поскольку основа этих затрат непроизводительна – средства тратятся на обслуживание вышек, программного обеспечения, а также на производство некоммерческого контента (новостные передачи).

Мы выделяем ряд статей расходов, незначимость которых обоснована длинным периодом окупаемости. К этой группе относятся расходы на здравоохранение и спорт, национальную экономику, образование, социальную политику. По мнению Gemmell, Kneller и Sanz [11], данные строки государственных расходов влияют на экономический рост только в долгосрочной перспективе, а значит, эффект от их влияния может быть обнаружен при использовании лагированных переменных. Исследования Varro [7] и Dicle [10] эмпирически подтверждают, что для некоторых категорий расходов влияние на экономику неизмеримо в текущем периоде, так как государственные расходы уже выделены, а отдачи от них еще нет. В таком случае временной лаг позволяет выявить эффект от увеличения категории государственных расходов. В таблице 4 представлены результаты с лагированным эффектом в 1 год. Такой временной промежуток выбран на основании аналитической записки Банка России [26].

Как и в случае модели без использования лагов, государственные расходы на общегосударственные вопросы негативно влияют на экономический рост. Эффект от увеличения расходов на национальную оборону значим и положителен в регионах с уровнем ВРП ниже среднего, что подтверждает предыдущие результаты моделирования. Такой эффект говорит о том, что для обеспечения экономического развития существует необходимость в борьбе с преступными формированиями на территории региона, что подтверждается исследованием Шакировой и Крамина [33].

Расходы на здоровье и спорт, социальную политику и национальную экономику приобрели свою значимость в модели с использованием лагов, поскольку эффект от влияния этих категорий заметен только во времени. Социальная политика проводится эффективно, о чем говорит положительный эффект, сказывающийся на темпе экономического роста: поддержка от государства позволяет найти работу всем нуждающимся. Напротив, расходы на здравоохранение и спорт, а также национальную экономику уменьшают темпы экономического роста, однако в рамках устойчивого развития данные расходы необходимы. При этом эффект от переменных может меняться с течением времени и может быть оценен с использованием наибольших лагов, что определяется экономической интуицией [13]. Таблица 5 представляет результаты по отдельным группам государственных расходов:

национальная экономика, ЖКХ, образование, здравоохранение и спорт, СМИ с использованием лагированного эффекта более одного года.

Таблица 4

Результаты метода среднего по группе по всем категориям государственных расходов с лагированным эффектом в 1 год

	Регионы с ВРП на душу населения выше среднего	Регионы с ВРП на душу населения ниже среднего
Общие государственные расходы	-9.295 (17.721)	-2.151*** (0.144)
Расходы на общегосударственные вопросы	-59.487 (39.448)	-49.329*** (16.433)
Национальная оборона	-2092.503 (2019.041)	60.364*** (11.741)
Национальная безопасность и правоохранительная деятельность	-116.127 (71.372)	44.289** (22.557)
Национальная экономика	-18.341* (10.438)	-23.292*** (8.407)
ЖКХ	-39.995*** (11.121)	-24.772*** (8.107)
Охрана окружающей среды	695.483** (327.763)	134.981 106.016
Образование	-4.129 (30.039)	-4.266 (9.611)
Культура и кинематография	-11.666 (10.601)	41.448*** (6.785)
Здравоохранение и спорт	-36.304* (21.049)	-22.176*** (5.540)
Социальная политика	54.319* (27.988)	42.156*** (8.026)
СМИ	-181.098* (93.325)	-288.956*** (40.879)
Обслуживание государственного и муниципального долга	108.117 (66.611)	31.445 (24.858)

*** 1 %-ный уровень значимости, ** 5%-ный уровень значимости, * 10%-ный уровень значимости.

Источник: оценки авторов.

Таблица 5

Результаты метода среднего по группе по отдельным категориям государственных расходов с лагированным эффектом более 1 года

Переменные	Регионы с ВРП на душу населения выше среднего	Регионы с ВРП на душу населения ниже среднего
Национальная экономика (5 лет)	Нет значимого влияния на рост ВРП	
ЖКХ (5 лет)	Нет значимого влияния на рост ВРП	
Образование (4 года)	71.622*** (19.025)	6.119 (13.369)
Здравоохранение и спорт (5 лет)	56.588*** (18.664)	57.007*** (6.069)
СМИ (3 года)	Нет значимого эффекта	48.216* (24.158)

***1 %-ный уровень значимости, ** 5%-ный уровень значимости, * 10%-ный уровень значимости. Источник: оценки авторов

Результаты моделирования показывают отсутствие положительного значимого эффекта от расходов на национальную экономику и ЖКХ. В то же время эффект от этих категорий расходов может быть замечен как в краткосрочной перспективе (как в случае с ЖКХ), так и в среднесрочной перспективе (ЖКХ, национальная экономика). Отсутствие положительного эффекта в длительном периоде может быть связано с тем, что расходы на ЖКХ включают в себя затраты на капитальные вложения в объекты муниципальной собственности, а также бюджетные инвестиции в объекты капитального строительства государственной собственности. Это, в свою очередь, говорит о том, что данные расходы имеют не только длительный период окупаемости, но и ведут к необходимости содержания этих объектов, что увеличивает государственные расходы и негативно сказывается на экономическом росте в регионе.

Расходы на образование включают в себя обеспечение высших учебных заведений бюджетными местами (места за счет средств бюджетных ассигнований). Длительность обучения по программам бакалавриата, как правило, составляет 4 года, следовательно, по окончании этой ступени академического высшего образования специалисты начинают вносить вклад в экономический рост региона. Группа расходов на здравоохранение в среднесрочной перспективе обладает негативным воздействием на экономический рост, а в долгосрочном периоде эффект меняется на позитивный. Мы связываем данный факт с важностью человеческого капитала для обеспечения экономического роста.

* * *

Данная работа рассматривает влияние структуры государственных расходов на экономический рост в российских регионах. В качестве фискальных детерминант экономического развития мы использовали различные категории

государственных расходов. Для оценки влияния факторов мы применяли метод среднего по группе, используя в анализе лагированные переменные. Для детализированного анализа мы разделяем регионы Российской Федерации на две группы: с уровнем ВРП выше среднего и ниже среднего.

Результаты моделирования подтверждают основную гипотезу исследования, которая заключается в том, что государственные расходы способствуют экономическому росту. Построенные модели показывают, что долгосрочными драйверами экономического роста в регионах России являются производительные расходы (образование, здравоохранение). В среднесрочном и краткосрочном периоде факторами, позитивно влияющими на экономический рост, являются расходы на культуру и кинематографию, национальную безопасность и национальную оборону, а также социальную политику.

В качестве факторов, препятствующих экономическому развитию российских регионов в краткосрочной и среднесрочной перспективе, мы выделяем расходы на общегосударственные вопросы, ЖКХ, СМИ и национальную экономику. Причины различны: от значительных трат на возросший государственный аппарат, что является бременем для бюджета, до неэффективной работы финансируемых секторов экономики (как в случае с ЖКХ и СМИ). Отдельного внимания заслуживает категория расходов на национальную экономику, поскольку данное направление затрат служит для обеспечения устойчивого роста в российских регионах. В модели эффект обратный, что может быть связано с качеством работы институтов и отсутствии отлаженной системы поддержки предприятий и основных видов деятельности. Кроме того, слабый контроль за результатами расходования федерального финансирования, получаемого регионами, и низкое качество менеджмента препятствуют экономическому росту, о чем свидетельствует отчет Счетной палаты РФ [31].

На основании полученных результатов мы даем практические рекомендации для региональных властей. Для регионов с ВРП ниже среднего, существует необходимость в увеличении доли расходов на национальную безопасность и правоохранительную деятельность, что может послужить стимулом к борьбе с преступностью и способствовать увеличению экономического роста. В то же время эта последовательность неприменима для развитых регионов, поскольку данная категория расходов замедляет развитие экономики субъекта. Помимо этого к росту ВРП приводит увеличение доли производительных расходов (образование и здравоохранение), в то время как рост доли непроизводительных расходов (СМИ, ЖКХ и государственный аппарат) воздействует негативно на развитие экономики региона.

В качестве дальнейших направлений исследования необходимо учесть аспект регионов-доноров и регионов-реципиентов. Поскольку фискальная политика направлена на выравнивание бюджетной обеспеченности и стимулирование экономического роста в менее развитых регионах, данный аспект позволит

получить более конкретные результаты для формирования рекомендаций в области фискальной политики государства. Эффект от государственных расходов может отличаться в дотационных регионах и регионах-донорах. Помимо этого, различные категории расходов могут быть разделены на производительные и непроизводительные расходы, что также позволит выделить категории, способствующие экономическому росту в регионах России, учитывая при этом влияние нескольких категорий расходов.

Литература

1. *Abu-Bader S., Abu-Qarn A. S.* Government expenditures, military spending and economic growth: causality evidence from Egypt, Israel, and Syria // *Journal of policy modeling*. 2003. № 6–7 (25). С. 567–583.
2. *Akano R. O., Adams S. O.* Nigeria Government's Expenditure on Economic and Social Service Development: A Canonical Correlation Analysis Approach // *Archives of Current Research International*. 2019.
3. *Arin K.P., Braunfels E., Doppelhofer G.* Revisiting the growth effects of fiscal policy: A Bayesian model averaging approach // *Journal of Macroeconomics*. 2019. (62). С. 103158.
4. *Aschauer D.A.* Is public expenditure productive? // *Journal of monetary economics*. 1989. № 2 (23). С. 177–200.
5. *Balaev A.* The structure of public spending and economic growth in Russia // *Russian Journal of Economics*. 2019. № 2 (5). С. 154–176.
6. *Barbiero O., Courmède B.* New econometric estimates of long-term growth effects of different areas of public spending // *OECD Economics Department Working Papers*. 2013.
7. *Barro R.J.* National Bureau of Economic Research Cambridge, Mass., USA. Determinants of economic growth: A cross-country empirical study. 1996.
8. *Bedir S.* Healthcare expenditure and economic growth in developing countries // *Advances in Economics and Business*. 2016. № 2 (4). С. 76–86.
9. *Diamond J., Heller P.S.* Government expenditure and economic growth: An empirical investigation // *IMF Working Papers*. 1989. № 045 (1989).
10. *Dicle B., Dicle M.F.* Military spending and GDP growth: Is there a general causal relationship? // *Journal of Comparative Policy Analysis*. 2010. № 3 (12). С. 311–345.
11. *Gemmell N., Kneller R., Sanz I.* Does the composition of government expenditure matter for long-run GDP levels? // *Oxford Bulletin of Economics and Statistics*. 2016. № 4 (78). С. 522–547.
12. *Inchauspe J., MacDonald G., Kobir M. A.* Wagner's Law and the Dynamics of Government Spending on Indonesia // *Bulletin of Indonesian Economic Studies*. 2022. № 1 (58). С. 79–95.
13. *Kutasi G., Marton Á.* The long-term impact of public expenditures on GDP-growth // *Society and Economy SocEc*. 2020. № 4 (42). С. 403–419.
14. *Lee J. C., Won Y. J., Jei S. Y.* Study of the relationship between government expenditures and economic growth for China and Korea // *Sustainability*. 2019. № 22 (11). С. 6344.
15. *Lupu D. et al.* The impact of public expenditures on economic growth: A case study of Central and Eastern European countries // *Emerging markets finance and trade*. 2018. № 3 (54). С. 552–570.
16. *Magazzino C.* The nexus between disaggregated public spending and GDP in the Euro area // *Economics Bulletin*. 2012. № 3 (32). С. 2560–2579.
17. *Maitra B., Mukhopadhyay C. K.* Public spending on education, health care and economic growth in selected countries of Asia and the Pacific // *Is climate change hindering economic growth of Asian economies?* 2012. С. 19.

18. *Muinel-Gallo L., Roca-Sagalés O.* Joint determinants of fiscal policy, income inequality and economic growth // *Economic Modelling*. 2013. (30). С. 814–824.
19. *Olaoye O. O. et al.* Government spending and economic growth in ECOWAS: An asymmetric analysis // *The Journal of Economic Asymmetries*. 2020. (22). С. e00180.
20. *Olayungbo D.O., Olayemi O.F.* Dynamic relationships among non-oil revenue, government spending and economic growth in an oil producing country: Evidence from Nigeria // *Future Business Journal*. 2018. № 2 (4). С. 246–260.
21. *Pesaran M.H., Smith R.* Estimating long-run relationships from dynamic heterogeneous panels // *Journal of Econometrics*. 1995. № 1 (68). С. 79–113.
22. *Selvanathan E. A., Selvanathan S., Jayasinghe M. S.* Revisiting Wagner’s and Keynesian’s propositions and the relationship between sectoral government expenditure and economic growth // *Economic Analysis and Policy*. 2021. (71). С. 355–370.
23. *Thanh S. D., Hart N., Canh N. P.* Public spending, public governance and economic growth at the Vietnamese provincial level: A disaggregate analysis // *Economic Systems*. 2020. № 4 (44). С. 100780.
24. *Wu S.-Y., Tang J.-H., Lin E. S.* The impact of government expenditure on economic growth: How sensitive to the level of development? // *Journal of Policy Modeling*. 2010. № 6 (32). С. 804–817.
25. *Балаев А.И.* Влияние структуры бюджетных расходов на экономический рост в России // *Экономическая политика*. 2018. № 6 (13). С. 8–35.
26. Банк России. Влияние налогово-бюджетного маневра на рост ВВП: Оценка краткосрочных эффектов с использованием фискальных мультипликаторов. 2018.
27. *Громов А.Д.* Влияние государственных расходов на экономический рост // *Финансовый журнал*. 2015. № 4 (26). С. 62–71.
28. *Дубовик Л.А.* Тенденции и перспективы развития жилищно-коммунального хозяйства в регионах России. 2004.
29. *Каменских М., Иванова Н.* Эффективность государственных расходов в России // *Экономическая политика*. 2011. № 1. С. 176–192.
30. Росстат. Официальная статистика [Электронный ресурс]. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/10705> (accessed: 18.02.2022).
31. Счетная палата. Бюллетень Счетной палаты №4 (269) 2020 г. 2020.
32. Федеральное казначейство. Отчетность по исполнению бюджетов [Электронный ресурс]. URL: <https://roskazna.gov.ru/ispolnenie-byudzhetrov/> (accessed: 18.02.2022).
33. *Шакирова А.А., Крамин Т.В.* Влияние преступности на экономическое развитие регионов России // *Актуальные проблемы экономики и права*. 2019. № 2. С. 1202–1214.
34. Постановление Правительства РФ от 21.12.2021 N 2371 Редакция от 21.12.2021 Контур. Норматив [Электронный ресурс]. URL: https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=1&documentId=410886&utm_source=google&utm_medium=organic&utm_referrer=www.google.com&utm_startpage=kontur.ru%2Farticles%2F4710&utm_orderpage=kontur.ru%2Farticles%2F4710 (accessed: 17.02.2022).
35. Государственная программа Российской Федерации «Социальная поддержка граждан» [Электронный ресурс]. URL: <https://mintrud.gov.ru/ministry/programms/3/2> (accessed: 17.02.2022).

Rogneda Vasilieva (e-mail: vasilyeva.ri@uiec.ru)

Junior Research Fellow, Institute of Economics of the Ural Branch
of the Russian Academy of Sciences (RAS) (Yekaterinburg, Russia)

Valentin Voytenkov (e-mail: vavoytenkov@edu.hse.ru)

Master Student,
National Research University Higher School of Economics (Moscow, Russia)

Alina Urazbayeva (e-mail: arurazbaeva@edu.hse.ru)

Master Student,
National Research University Higher School of Economics (Moscow, Russia)

THE IMPACT OF THE STRUCTURE OF GOVERNMENT SPENDING ON ECONOMIC GROWTH IN THE REGIONS OF RUSSIAN FEDERATION

The purpose of the article is to assess the impact of the structure of government spending on economic growth in the regions of Russia. The growth rate of the gross regional product (GRP) in real terms is used as an indicator of economic growth. For econometric modeling, the group average method is used. Although in general the issue of the impact of certain categories of public spending remains debatable, empirical results show that government spending on health care and sports are the long-term drivers of economic growth in the regions. Meanwhile, for regions with GRP per capita lower than average, spending on education and the media has a noticeable and positive effect. On the basis of the results obtained, practical recommendations for improving the regional policy are formulated.

Keywords: government spending, economic growth, Russian regions, lagged effects, categories of government spending.

DOI: 10.31857/S020736760023432-4

Елена Зотова

кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник,
экономический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова
(e-mail: eszotova@mail.ru)

**ПРОИЗВОДСТВО, НАУКА, ОБРАЗОВАНИЕ: СЦЕНАРИИ БУДУЩЕГО
(VIII МЕЖДУНАРОДНЫЙ КОНГРЕСС «ПНО–2021»)**

Представлен обзор VIII Международного конгресса «Производство. Наука. Образование: сценарии будущего» (ПНО-2021), организованного Институтом нового индустриального развития (ИНИР) им. С.Ю. Витте. Данный конгресс стал площадкой для всестороннего обсуждения актуальных проблем современной экономики, поиска путей интеграции производства, науки, образования и разработки сценариев будущего. Конгресс был посвящен человеческому потенциалу технологического и социально-экономического прогресса, производству, науке и образованию как драйверам социально-экономического развития, трансформации общественных институтов при продвижении к новому индустриальному обществу второго поколения (НИО.2) и ноономике.

Итогом VIII Международного конгресса «Производство. Наука. Образование: сценарии будущего» (ПНО-2021) стали как новые теоретические положения, представленные в результатах исследования участников, так и практические рекомендации по переходу к новым общественным отношениям.

Ключевые слова: ПНО-2021, ноономика, НИО.2, научно-технический прогресс, диффузия собственности, солидаризм, социализация общества, технологические трансформации.

DOI: 10.31857/S020736760023433-5

29 ноября – 1 декабря 2021 г. в онлайн-режиме состоялся VIII Международный конгресс «Производство. Наука. Образование: сценарии будущего» (ПНО-2021), организованный Институтом нового индустриального развития (ИНИР) имени С.Ю. Витте. Соорганизаторами конгресса стали: Вольное экономическое общество России, философский факультет МГУ имени М.В. Ломоносова, Московский финансово-юридический университет, Академия труда и социальных отношений.

На конгрессе выступили 190 докладчиков из 28 регионов России и 16 стран ближнего и дальнего зарубежья (Австрия, Белоруссия, Бразилия, Греция, Казахстан, Канада, Киргизия, Китай, Куба, США, Франция и др.), представлявших научно-исследовательские и образовательные учреждения, органы государственной власти, общественные движения, бизнес-сообщество. Прямую трансляцию конгресса смотрели более 1500 человек.

Открыли конгресс инициатор и его главный организатор, директор ИНИР имени С.Ю. Витте, президент Вольного экономического общества России, д.э.н., профессор С.Д. Бодрунов и генеральный секретарь Международной ассоциации политической экономии (WAPE), профессор Шанхайского

финансово экономического университета А. Динг, отметивший актуальность предложенной тематики как для России, так и для Китая и других стран мира.

Профессор С.Д. Бодрунов выступил с пленарным докладом, темой которого стала роль технологического прогресса как предпосылки и результата социокультурной ориентации экономического развития. Он отметил, что при всей значимости исследования конкретных форм экономических институтов и экономической политики, ключевым аспектом для понимания трансформации происходящего в современную эпоху является прежде всего технологический прогресс. Исследование глубоких качественных трансформаций, происходящих сегодня, является основой для понимания всех тех изменений, которые осуществляются на этой базе в сфере экономических отношений, а также в экономической политике. Технологический прогресс становится предпосылкой трансформации прежде всего потому, что он изменяет качество общественного производства. Предвидение К. Маркса о том, что, овладевая материальным производством, человек станет его контролером и регулировщиком, сбывается в XXI в. все в большей степени.

Эту трансформацию ведущие умы человечества отражают в терминах третьей промышленной революции и иных категориях, но, на наш взгляд, как подчеркнул С.Д. Бодрунов, это прежде всего — генезис нового индустриального общества второго поколения (подробнее см.: [2]), и основной характеристикой этого нового индустриального общества второго поколения становится то, что производство в рамках этой системы становится «знаниеминтенсивным», т.е., не материальные ресурсы, а именно знания становятся основным фактором, обуславливающим успехи или поражения в соревновании отдельных экономических систем в историческом и пространственном аспектах. Именно это — ключ к пониманию роли технологического развития в осуществлении социальных и экономических трансформаций. Более того, прогресс технологий, который приводит к становлению все более автоматизированного, безлюдного производства, является предпосылкой того, что сама трансформация экономики ведет в направлении постэкономического способа удовлетворения потребностей, в направлении рождения нового человека — мы наблюдаем постепенный переход от «человека экономического» (*homo economicus*) к «человеку культурному». И этот переход — важнейшая характеристика как экономических, так и социальных трансформаций, обусловленных, прежде всего, современной технологической базой, в частности, генезисом безлюдного производства, в котором человек может и должен осуществлять, главным образом, творческие функции.

Этот переход к качественно новому — постэкономическому — способу удовлетворения общественных потребностей профессор Бодрунов охарактеризовал как генезис нономики, дополнив данные ранее характеристики (см.: [3; 4]) новыми аспектами, связанными с возникновением тех противоречий, которые

стали характерны для мира и для России в условиях пандемии. Вывод профессора Бодрунова был раскрыт подробнее в докладе министра по интеграции и макроэкономике Евразийской экономической комиссии, академика РАН С.Ю. Глазьева, который полностью поддержал идею о технологическом развитии как определяющем факторе современных трансформаций и сформулировал тезис о том, что создание научно-образовательных кластеров является базовым элементом нового технологического уклада. Эти научно-образовательные кластеры, с точки зрения С.Ю. Глазьева, становятся частью общественного воспроизводственного контура, который может и должен быть интегрирован с собственным материальным производством.

Развитие этого положения было продолжено в выступлении руководителя научного направления «Экономическая политика» Института экономики РАН, д.э.н., профессора Е.Б. Ленчук, которая подробнее рассмотрела научно-техническую сторону технологического прогресса, показав существующие в настоящее время противоречия, а также отметив ряд негативных трендов, характерных для сферы науки в России, сохраняющихся на протяжении последних десятилетий. Она сформулировала ряд предложений, которые позволят превратить развитие как фундаментальных, так и прикладных научных исследований в один из национальных приоритетов России.

Международный аспект данной проблемы был раскрыт в докладе директора Центра исследований индустриализации Высшей школы социальных наук, иностранного члена РАН, профессора Ж. Сапира (Париж, Франция), который представил проблемы, характерные для развития технологии и науки в условиях глобализации. В частности, в его докладе был поставлен очень важный с геополитэкономической точки зрения вопрос о том, не является ли тренд деглобализации прологом к возникновению новой холодной войны. В докладе были также предложены конкретные шаги, которые позволяют снять эти напряжения и обеспечить движение в направлении, которое он обозначил как лучшее будущее.

Первый заместитель председателя Комитета Государственной Думы по науке и высшему образованию, д.ф.н., профессор О.Н. Смолин остановился на другой стороне проблемы, поставив в центр внимания вопрос о том, как именно может быть обеспечена технологическая и социально-экономическая трансформация, ориентированная на приоритет человека, озаглавив свой доклад достаточно жестко: «Деньги или люди: политика в области развития человеческого потенциала». Профессор Смолин показал, что ориентация только на коммерческие результаты не дает желаемых эффектов ни в социальной, ни в гуманитарной, ни даже в собственно экономической сфере, к тому же она чревата глубокими проблемами с точки зрения экономической и иных сфер безопасности.

Выступление первого вице-президента Ассоциации вузов Республики Казахстан, д.э.н., профессора А.А. Абишева было посвящено дуальности обучения как одному из ключевых факторов интеграции образования, науки и

производства на опыте Казахстана. Была предложена модель, которая позволяет, с одной стороны, осуществлять опытно-конструкторские разработки как часть производственных процессов в рамках университета, а с другой стороны, напрямую связывать подготовку специалистов с потребностями тех или иных корпораций, осуществляющих производственную деятельность. Примеры успешного решения этой задачи из опыта университетов Казахстана стали важным аспектом этого доклада.

Заместитель директора ИСЭПН ФНИСЦ РАН по научной работе, д.э.н., профессор О.А. Александрова остановилась на вопросах образования и здоровья человека, охарактеризовав проблемы, связанные с неустойчивой занятостью и прекаризацией труда. В докладе было показано, что данные противоречия развиваются во всем мире и что они характерны, в том числе, и для экономики России, где увеличиваются масштабы прекарной занятости — это становится негативным фактором, тормозящим как экономический рост в целом, так и особенно развитие высокотехнологичных отраслей науки, образования и других сфер экономики. Раскрыв причины этого, коренящиеся в специфике социально-экономической системы, сложившейся в России, профессор Александрова подчеркнула, что последствия продолжения такой политики могут быть самыми негативными.

Заведующий кафедрой политической экономии экономического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, д.э.н., профессор А.А. Пороховский заметил, что все эти процессы напрямую связаны с изменениями в системе производственных отношений и, в частности, с революцией отношений собственности. Это выступление перебрало «мостик» к одному из тезисов пленарного доклада профессора Бодрунова о диффузии собственности: профессор Пороховский раскрыл, как именно осуществляется данный процесс в сегодняшних условиях, представив характерные для современного капитализма противоречия и пределы частной собственности, например, в интеллектуальной сфере.

Одним из ключевых докладов первого дня работы конгресса стал доклад заместителя научного руководителя Центрального экономико-математического института РАН, члена-корреспондента РАН Г.Б. Клейнера, в котором он остановился на управлении современным предприятием на основе интеллектуальной теории фирмы. Фундаментальная характеристика перехода к интеллектуальной экономике, раскрытая в этом докладе, стала прологом к характеристике конкретных возможностей изменения модели управления фирмой, где интеллект был бы поставлен в центр внимания. Проблема, представленная профессором Клейнером на примере предприятия, была в то же время ориентирована на показ многогранности изменений, связанных с генезисом интеллектуальной экономики в масштабах как национальных экономических систем, так и мировой экономики в целом.

Завершающая сессия пленарного заседания включала доклады таких известных ученых, как заведующий кафедрой экономической теории и политики Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, академик РАН А.Г. Аганбегян и профессор Школы по связям с общественностью имени Линдона Джонсона Университета Техаса (США) Дж.К. Гэлбрейт.

Академик А.Г. Аганбегян в своем докладе показал конкретные проблемы, которые оказались характерны для нашей страны в условиях коронавирусной инфекции. Главные проблемы в этой связи, которые он акцентировал, были связаны с продолжительностью жизни, смертностью и с тем, как все это сказывается на социально-экономическом развитии. Данные, приведенные в докладе академика, произвели сильное впечатление на аудиторию и вызвали широкое обсуждение.

Известный продолжатель традиций классического институционализма Дж.К. Гэлбрейт вернул участников конгресса к вопросам технологического развития, охарактеризовав те проблемы, которые возникают в цепочке поставок в связи с конвергенцией технологий и теми разрывами, которые возникают в конвергенции в условиях обострения противоречий в современный период.

Аспекты, связанные с развитием культуры и экологии, были раскрыты в докладах д.ф.н., профессора Центра современных марксистских исследований философского факультета МГУ Л.А. Булавки-Бузгалиной и заведующего кафедрой экономики природопользования экономического факультета МГУ, д.э.н., профессора С.Н. Бобылева, завершающих первый день работы конгресса.

В докладе директора Исследовательской группы проблем геополитэкономии Университета Манитобы (Канада) Р. Десаи были показаны геополитэкономические аспекты названных проблем, а также противоречия, связанные с рождением многополярного мира.

Особое внимание участников привлек доклад научного руководителя Института экономики РАН, члена-корреспондента РАН, д.э.н., профессора Р.С. Гринберга, который указал на принципиальную значимость решения проблем декоммерциализации социальной сферы, акцентируя вопросы здравоохранения и образования, подчеркнув, что без перехода к принципу общей доступности в социальной сфере, к использованию государственных расходов на реализацию интересов общества в целом будет нереально решить проблемы экономики и, в частности, проблемы высокотехнологичного производства, социального и культурного прогресса.

Плодотворная научная дискуссия состоялась также в рамках секционных заседаний, международного семинара, презентации книг. В общей сложности на конгрессе были проведены 22 сессии, в каждой из которых приняли участие и молодые, и именитые ученые. (Видеоматериалы ключевых секций доступны на сайте Института нового индустриального развития имени С.Ю. Витте.)

В заключительный день работы конгресса была осуществлена презентация изданий ИНИР имени С.Ю. Витте, в частности, таких книг, как «А(О)нтология ноономики: четвертая технологическая революция и ее экономические, социальные и гуманитарные последствия», «Планирование в рыночной экономике: воспоминания о будущем» и Сборник пленарных докладов Объединенного международного конгресса «СПЭК-ПНО-2020» «Генезис ноономики: НТП, диффузия собственности, социализация общества, солидаризм» в трех томах [1; 5–8].

В обсуждении книг приняли участие ведущие российские и зарубежные специалисты: С.Н. Бобылев (экономический факультет МГУ), Л. Габриэль (Институт межкультурных исследований и сотрудничества, Австрия), А.Е. Городецкий (Институт экономики РАН), Г.Б. Клейнер (ЦЭМИ РАН), А.И. Колганов (экономический факультет МГУ), Д.Ю. Миропольский (СПбГЭУ), А.А. Пороховский (экономический факультет МГУ), А.Ю. Протасов (СПбГУ), О.Н. Смолин (Комитет Государственной Думы по науке и высшему образованию), С.А. Толкачев (Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации), Г.Б. Хесус (Институт философии, Куба), Ч. Эньфу (Академия марксизма Академии общественных наук Китая).

Завершая конгресс, профессор С.Д. Бодрунов отметил, что традиция исследования в единстве трансформации происходящих в производстве, науке и образовании процессов является важной отличительной чертой конгрессов ПНО, проводимых Институтом нового индустриального развития имени С.Ю. Витте на протяжении восьми лет. Внимание данного конгресса к технологическому прогрессу является не просто данью существующим тенденциям, но и отражением принципиальной актуальности данной темы, приобретающей особую значимость для Российской Федерации в условиях, когда экономика страны столкнулась с новым вызовом: необходимостью выхода из стагнации и перехода к активному развитию в сфере технологий, экономики и общественных отношений с главным акцентом на прогрессе «человека культурного».

Литература

1. А(О)нтология ноономики: четвертая технологическая революция и ее экономические, социальные и гуманитарные последствия / Под общ. ред. С.Д. Бодрунова // СПб.: ИНИР. 2021. 388 с.
2. Бодрунов С.Д. Грядущее. Новое индустриальное общество: перезагрузка. Изд. 2-е, доп. // М.; СПб.: ИНИР. 2016. 328 с.
3. Бодрунов С.Д. Ноономика / Монография // М.: Культурная революция. 2018. 432 с.
4. Бодрунов С.Д. Ноономика: траектория глобальной трансформации / Монография // М.: ИНИР; Культурная революция. 2020. 224 с.
5. Планирование в рыночной экономике: воспоминания о будущем / Под общ. ред. С.Д. Бодрунова // СПб.: ИНИР; Центркаталог. 2021. 544 с.
6. Генезис ноономики: НТП, диффузия собственности, социализация общества, солидаризм. Т. 1 / Сборник пленарных докладов Объединенного международного конгресса «СПЭК-ПНО-2020» / Под общ. ред. С.Д. Бодрунова // М.: ИНИР. 2021. 296 с.

7. Генезис ноономики: НТП, диффузия собственности, социализация общества, солидаризм. Т. 2 / Сборник пленарных докладов Объединенного международного конгресса «СПЭК-ПНО-2020» / Под общ. ред. С.Д. Бодрунова // М.: ИНИР. 2021. 608 с.
8. Генезис ноономики: НТП, диффузия собственности, социализация общества, солидаризм. Т. 3 / Сборник пленарных докладов Объединенного международного конгресса «СПЭК-ПНО-2020» / Под общ. ред. С.Д. Бодрунова // М.: ИНИР, 2021. 608 с.

Elena Zotova (e-mail: eszotova@mail.ru)

Ph.D. in Economics, Leading Researcher,

Faculty of Economics, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia)

PRODUCTION, SCIENCE, EDUCATION: FUTURE SCENARIOS.

VIII INTERNATIONAL CONGRESS (PSE–2021)

The article presents an overview of the VIII International congress «Production. Science. Education: Future Scenarios» (PSE–2021), organized by the S.Yu. Witte Institute for New Industrial Development (INID). This congress has become a platform for a comprehensive discussion of topical problems of the modern economy, the search for ways to integrate production, science, education and the development of future scenarios. The congress was devoted to the development of human potential of technological and socio-economic progress; production, science and education as drivers of socio-economic development; the transformation of public institutions while moving towards a new industrial society of the second generation (NIO.2) and noonomics. The proceedings of the VIII International congress «Production. Science. Education: Future Scenarios» (PSE–2021) contain both new theoretical provisions presented by the participants, and practical recommendations for the transition to new social relations.

Keywords: PSE–2021, noonomy, NIO.2, scientific and technical progress, diffusion of property, solidarity, socialization of society, technological transformation.

DOI: 10.31857/S020736760023433-5

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ
2022 год

	№	Стр.
Айрапетян Арут. Международные финансовые центры в новых экономических реалиях	2	57–63
Амосов Александр. О цифровой экономике и искусственном интеллекте в историческом ракурсе	3	5–22
Амосов Александр. О влиянии идеологии на практику управления государством и экономикой	10	50–72
Андрианов Владимир. Основные направления реализации стратегии цифровой трансформации экономики и общества в Республике Корея	3	100–117
Андрианова Людмила. См. Буянов Василий.	4	
Анисимова Галина. Государственный патернализм: социально-экономическое неравенство и динамика инвестиций	11	30–39
Арзуманян Мария. Социально-ориентированная модель образования как фактор развития человеческого потенциала (на примере скандинавских стран)	8	106–121
Асадуллина Наиля. См. Павлов Константин.	4	
Афанасьева Оксана. См. Сухарев Олег.	6	
Ахмедов Бахыш. Оценка факторов, влияющих на формирование сбережений корпоративного сектора в Азербайджане	2	89–104
Ахмедов Бахыш. Оценка влияния нефтяных доходов и национальных сбережений на обменный курс валюты в Азербайджане	10	83–98
Балюк Игорь, Балюк Марина. Институциональные и функциональные противоречия современной мировой финансовой архитектуры	9	61–78
Балюк Марина. См. Балюк Игорь.	9	
Бараненкова Таисия. Сохранение здоровья населения современной России: экологический аспект	7	63–76
Беляева Арина, Печерица Елена. Внедрение цифровизации в проведение судебно-экономической экспертизы	9	115–128
Бирюков Виталий. Парадигмальные рамки развития монетарных теорий: особенности формирования	1	72–91
Бирюков Виталий. Парадигмальные особенности разработки институциональных стратегий исследования современной экономики	10	33–49
Бобков Александр, Меркушева Ульяна. Демпфирование ключевых угроз продовольственной безопасности	8	72–85

Большакова Юлия. Категория «доверие» и ее использование для оценки эффективности государственного управления	5	77–87
Буянов Василий, Андрианова Людмила. Двадцатилетие российского рынка IPO: анализ и прогноз	4	64–81
Васильева Рогнеда, Войтенков Валентин, Уразбаева Алина. Влияние структуры государственных расходов на экономический рост в российских регионах...	12	125–141
Веретенникова Анна. См. Попов Евгений, Селезнева Дарья.	5	
Воейков Михаил. Государство, рыночная экономика и гражданское общество	10	17–32
Войтенков Валентин. См. Васильева Рогнеда, Уразбаева Алина.	12	
Волкова Елена. Проблемы эффективности программно-целевого подхода в стратегическом управлении экономикой РФ	5	59–76
Волкова Катерина. Участие в глобальных цепочках добавленной стоимости: стратегия России и Китая (на примере светодиодного производства)	2	76–88
Воронин Сергей. См. Расулев Алишер, Угай Дарья.	3	
Воронин Сергей. См. Расулев Алишер, Угай Дарья.	10	
Галеев Тимур. Особенности внедрения инновационных технологий в условиях российской экономической модели	10	73–82
Гальченко Андрей, Тегин Алексей, Тегин Владилен. Признаки системной неконкурентоспособности экономики альянса стран мирового экономического Центра	6	57–71
Гальченко Андрей, Тегин Алексей, Тегин Владилен. Авторитарные страны живут лучше своих периферийных демократических соседей	9	97–107
Гилёв Денис. См. Сильнягина Валерия.	8	
Головнин Михаил. Исследования Института экономики РАН: теория и экономическая политика	2	5–11
Грибанова Ольга. Основные подходы к управлению государственным имуществом в условиях современных вызовов	6	29–37
Гришин Константин. См. Маликов Рустам, Султангареев Даниил.	4	
Гуреев Андрей. См. Жариков Михаил.	5	
Даев Керим. Опасности и риски утечки персональных данных	6	86–90
Данилина Наталья. Геймификация как новое прочтение игры в цифровой экономике: теоретическое и практическое обоснование	12	104–124
Драгун Николай, Ивановская Ирина. Городская агломерация: понятие, этапы и механизмы развития	8	89–105

Егоров Дмитрий. О современной глобализации, идеологичности экономического мейнстрима и о его возможной теоретической альтернативе	4	49–63
Егоров Дмитрий. О нормативности мейнстрима (как может выглядеть позитивная экономическая теория)	9	5–18
Жариков Михаил, Гуреев Андрей. Таргетирование российской высокотехнологичной продукции МСП под зарубежные рынки в условиях новой волны антироссийских санкций	5	30–46
Жариков Михаил. Мультилатеральные финансовые институты стран БРИКС в условиях новой волны антироссийских санкций	8	37–52
Зиновьева Екатерина. См. Кузнецова Маргарита, Лимарев Павел.	6	
Зиядуллаев Наби. О новой философии регионостроительства в Центральной Азии	7	16–32
Зотова Елена. Производство, наука, образование: сценарии будущего: VIII международный конгресс (ПНО-2021)	12	142–148
Ивановская Ирина. См. Драгун Николай.	8	
К годовщине памяти главного редактора журнала К.И. Микульского. Слово о Константине Ивановиче Микульском – настоящем учёном и друге	7	5–6
Каганов Вениамин, Лочан Сергей, Петросян Давид. Финансовое просвещение как инструмент развития человеческого капитала	7	106–124
Камари Даниэль. “Искусственный поручитель”: “слабые связи” в обществе технологического развития	1	65–71
Камари Даниэль. Компетенции в новой модели развития экономики	8	29–36
Капканщиков Сергей. Сравнительный анализ роли топливно-энергетического комплекса в экономике СССР и современной России	6	38–56
Капканщиков Сергей. Банк России против «голландской болезни»: сомнения в результативности избранного курса	9	79–96
Карнаухова Мария. См. Печерица Елена.	6	
Квашнина Ирина. Ограничения по трансграничным потокам капитала в условиях внешних санкций и ответных мер России	7	52–62
Кислицына Ольга, Чубарова Татьяна. Национальный индекс деятельности системы здравоохранения: методологические подходы и результаты для России	2	31–45
Клавдиенко Виктор. Распределение первичных доходов между трудом и капиталом: новые тренды в мировой экономике	5	47–58

Клавдиенко Виктор. Государственная поддержка исследований и инноваций в предпринимательском секторе: зарубежный опыт	9	38–48
Князев Юрий. Марксизм versus маржинализм	1	92–98
Князев Юрий. О технологических циклах в мировой экономике	4	5–13
Колганов Андрей. Экономическая функция государственного патернализма: производство опекаемых благ или инвестиции в развитие?	10	5–16
Колечков Дмитрий. См. Стыров Максим, Носов Леонид, Шишелов Максим.	7	
Коломиец Андрей. Общество неопределенности и риска: противоречивость институциональных трансформаций	8	5–17
Комолов Олег. Глобальная экспансия КНР и новые тенденции в мировой экономике	3	118–128
Коробкова Наталия. См. Прошин Игорь.	11	
Кохно Алина. См. Кохно Павел.	1	
Кохно Алина. См. Кохно Павел.	4	
Кохно Алина. См. Кохно Павел.	11	
Кохно Павел, Кохно Алина. Мотивация промышленного персонала	1	16–32
Кохно Павел, Кохно Алина. Проблемы импортозамещения на предприятиях оборонно-промышленного комплекса	4	82–103
Кохно Павел. Объёмно-структурная концепция импортозамещения	7	7–15
Кохно Павел, Кохно Алина. О некоторых методах и моделях управления оборонной промышленностью	11	16–29
Кузнецова Маргарита, Зиновьева Екатерина, Лимарев Павел. О подходах к увеличению товарооборота малого торгового предприятия	6	91–99
Куликова Наталия, Синицина Ирина. Россия – страны Центрально-Восточной Европы: новый железный занавес	12	16–39
Ладыженская Татьяна. Народы Югры – проблемы и перспективы в условиях освоения Севера и Арктики	2	64–75
Лемешонок Ольга. Преодоление коррупции как предпосылка укрепления социально-экономической безопасности России	11	83–96
Лимарев Павел. См. Кузнецова Маргарита, Зиновьева Екатерина.	6	
Лимарев Павел, Лимарева Юлия. Об инструментах информационного менеджмента на промышленных предприятиях	8	67–71
Лимарев Павел. Возможности государственной поддержки малого и среднего бизнеса в условиях санкционных воздействий	12	75–80

Лимарева Юлия. См. Лимарев Павел.	8	
Лочан Сергей. См. Каганов Вениамин, Петросян Давид.	7	
Луценко Сергей. Совершенствование элементов национальной и наднациональной политики долгосрочного развития экономики государств-членов и ЕАЭС	3	44–62
Маликов Рустам, Гришин Константин, Султангареев Даниил. О прогнозировании продуктивности региональных предпринимательских экосистем	4	14–24
Мартынов Аркадий. К национальной стратегии устойчивого развития	12	40–55
Маслов Глеб, Степанова Тамара. Развитие человеческого потенциала, творческий труд и «креативный класс»: теоретические разработки России и Китая	3	74–83
Медведев Илья. Институциональные основания интеграции национальных экономик: проблема устойчивости наднациональных институтов	6	72–85
Меркушева Ульяна. См. Бобков Александр.	8	
Михневич Сергей. О некоторых тенденциях глобальной электронной торговли, формирующихся под воздействием пандемии COVID-19	3	63–73
Нанавян Ашхен. Удовлетворенность заработной платой и занятость в регионах России	7	96–105
Николаев Игорь, Точилкина Ольга. Цена энергоперехода	9	19–37
Николаев Игорь. Отрасли российской экономики и формирование ее новой модели в кризис, связанный с пандемией COVID-19	12	56–74
Носов Леонид. См. Стыров Максим, Колечков Дмитрий, Шишелов Максим.	7	
Павленко Юрий. Экономические основы и модели социального государства в контексте государственного патернализма	1	5–15
Павленко Юрий. Факторы экономического развития современного государства: опыт теоретического осмысления	11	5–15
Павлов Константин, Асадуллина Наиля. Об инновационном развитии высшего образования Республики Узбекистан в условиях цифровизации экономики	4	30–37
Павлов Михаил. Исследование человека в российской политической экономии XXI века	11	124–135
Петросян Давид. См. Каганов Вениамин, Лочан Сергей.	7	
Печерица Елена, Карнаухова Мария. Российские и зарубежные подходы к определению финансовой безопасности предприятия	6	116–123
Печерица Елена. См. Беляева Арина.	9	

Попов Евгений, Веретенникова Анна, Селезнева Дарья. Институциональное обеспечение развития «долевой экономики» в мировом экономическом пространстве	5	107–122
Прошин Игорь, Коробкова Наталия. Продовольственные карты как инструмент социальной поддержки бедных: перспективы в РФ	11	97–109
Пылин Артем. Влияние антироссийских санкций на экономику стран Южного Кавказа: неожиданные эффекты и их последствия	11	56–65
Расулев Алишер, Воронин Сергей, Угай Дарья. Регулирование водопотребления: зарубежный опыт и возможность его использования в Узбекистане	3	84–99
Расулев Алишер, Воронин Сергей, Угай Дарья. Пути усиления действия налоговых стимулов к водосбережению для коммерческого сектора Республики Узбекистан	10	99–113
Романчук Екатерина. Особенности российской помощи развитию стран Центральной Азии	5	88–106
Романчук Екатерина. Сотрудничество МВФ с развивающимися странами: опыт Центральной Азии	12	81–103
Рудык Эмиль. Инновационные технологии управления человеческими ресурсами на микроэкономическом уровне	2	46–56
Свирина Людмила. Анализ состояния и проблемы цифровой трансформация государственного управления	7	77–83
Седлов Алексей. Институциональные особенности Российского рынка труда иностранной рабочей силы (в контексте вызовов современности)	11	66–82
Селезнева Дарья. См. Попов Евгений, Веретенникова Анна.	5	
Сильнягина Валерия, Гилёв Денис. Оценка факторов устойчивости кредитных организаций на основе количественных методов анализа	8	53–66
Синицина Ирина. См. Куликова Наталия.	12	
Смотряцкая Ирина. Российский корпоративный сектор: от либеральной модели к государственному доминированию	5	5–15
Соболев Эдуард, Соболева Ирина. Российская трудовая модель и политика занятости	3	22–34
Соболев Эдуард. Дифференциация и уравнительность в политике оплаты труда в российской истории XX века	11	40–55
Соболева Ирина. См. Соболев Эдуард.	3	
Соколова Татьяна. Человеческий потенциал стран ЕАЭС: вызовы и угрозы в условиях реформирования постсоветского пространства	12	5–15
Степанова Тамара. См. Маслов Глеб.	3	

Студенцов Виктор. Япония: прощание с коммунитарным капитализмом?	11	110–123
Стыров Максим, Носов Леонид, Колечков Дмитрий, Шишелов Максим. Уровень и возможности повышения конкурентоспособности обрабатывающей промышленности северных регионов России	7	84–95
Султангареев Даниил. См. Маликов Рустам, Гришин Константин.	4	
Сухарев Александр. Ненаблюдаемое как экономическая категория	3	35–43
Сухарев Олег. «Инвестиционный тоннель» российской экономики и необходимость выхода из него	2	12–30
Сухарев Олег, Афанасьева Оксана. Распределение инструментов монетарной политики по целям развития	6	5–28
Тегин Алексей. См. Гальченко Андрей, Тегин Владилен.	6	
Тегин Алексей. См. Гальченко Андрей, Тегин Владилен.	9	
Тегин Владилен. См. Гальченко Андрей, Тегин Алексей.	6	
Тегин Владилен. См. Гальченко Андрей, Тегин Алексей.	9	
Точилкина Ольга. См. Николаев Игорь.	9	
Угай Дарья. См. Расулев Алишер, Воронин Сергей.	3	
Угай Дарья. См. Расулев Алишер, Воронин Сергей.	10	
Уразбаева Алина. См. Васильева Рогнеда, Войтенков Валентин.	12	
Ушаков Константин. Социокультурный аспект горного производства: препятствие или ресурс устойчивого роста?	8	86–88
Федорова Мария. Некоммерческие организации как структурные элементы общества: роль в реализации и развитии человеческого потенциала	4	38–48
Фролова Надежда. См. Черных Сергей.	5	
Хейфец Борис. Государственная поддержка экспорта высокотехнологичной продукции малого и среднего бизнеса азиатских стран	8	18–28
Цзилу Ван. Инвестиционно-экономическое сотрудничество Китая и России в условиях украинского кризиса	9	108–114
Чанцзюнь Гэн. Анализ Интернет-торговли Китая и России: экосистема, тенденция и проблемы развития	1	52–64
Черкасов Всеволод. Вопросы интеграции цифровых денег центрального банка в фиатноденежную систему	7	33–51
Черных Сергей, Фролова Надежда. Институты развития в рамках партнерских отношений государства и бизнеса	5	16–29
Чистякова Юлия. Финансовый анализ криминальных банкротств	4	25–29
Чубарова Татьяна. См. Кислицына Ольга.	2	

Шафранская Анастасия. Конституционные аспекты формирования системы стратегического планирования	9	49–60
Шемет Антон. Теоретическое обоснование единой кадровой политики субъектов инновационной инфраструктуры Республики Беларусь	10	114–121
Шестакова Елена. Основные параметры и механизмы развития непрерывного образования взрослого населения в зарубежных странах	1	33–51
Шишелов Максим. См. Стыров Максим, Носов Леонид, Колечков Дмитрий.	7	
Шлихтер Алексей. Гуманитарная деятельность американских НКО и благотворительных фондов в развивающихся странах	2	105–123
Шлихтер Алексей. Успехи и неудачи Администрации Джо Байдена в усилиях по реализации пакета антикризисных социальных планов	6	100–115

Требования к рукописям, представляемым для публикации в журнале «Общество и экономика»

Содержание статьи должно соответствовать тематическим направлениям журнала, обладать научной новизной и представлять интерес для специалистов по соответствующей проблематике.

Объем рукописи не должен превышать 1,5 авторского листа (60 тыс. знаков).

Текст статьи представляется в формате Microsoft Word в соответствии со следующими параметрами: шрифт Times New Roman, размер шрифта – 14 кегль, межстрочный интервал – 1,5. Иллюстративный материал должен быть представлен в форматах **tiff**, **eps**. Отсканированные изображения должны быть с разрешением не менее 300 dpi для тоновых изображений и не менее 600 dpi для штриховых изображений (графики, таблицы, детали, выполненные чертежными инструментами).

Список литературы приводится в конце статьи в соответствии с принятыми стандартами библиографического описания.

Статью должны сопровождать аннотация (5–10 строк) и ключевые слова на русском и английском языках.

К статье должны прилагаться **сведения об авторе** (авторах) с указанием Ф.И.О. (полностью), ученой степени, ученого звания, места работы, должности, сл. и дом. телефонов, электронного адреса.

Рукописи подлежат рецензированию.

Плата за публикацию с аспирантов не взимается.

Рукописи следует присылать по адресу: socpol@mail.ru

Приглашаем авторов для быстрой и удобной подачи статей в журналы РАН воспользоваться редакционно-издательским порталом RAS.JES.SU:

Приглашаем авторов для быстрой и удобной подачи статей в журналы РАН воспользоваться редакционно-издательским порталом RAS.JES.SU:

1) пройти процедуру регистрации (указать Ф.И.О., e-mail и задать пароль);
2) в меню «**Мои публикации**» станет активной кнопка «**Добавление Публикации**», нажав на которую, Вы автоматически попадете на страницу, где будет предложено внести всю необходимую информацию о статье;

3) можно оставить краткий комментарий в поле «**Комментарии для редактора**». Статья будет отправлена в редакцию сразу же после нажатия кнопки «**Сохранить и отправить**».

Подробная инструкция размещена по ссылке: <https://ras.jes.su/submit-paper-ru.html>

Оформить подписку на журнал «Общество и экономика» можно следующими способами:

1. на печатную версию журнала можно подписаться на сайте ГАУГН-Пресс во вкладке Журналы РАН <https://press.gaugn.ru/journals-ras/oie/>;
2. на электронную pdf-версию журнала оформить подписку можно на сайте журнала <https://oie.jes.su/> или на редакционно-издательском портале Журналы РАН <https://ras.jes.su/oie/>;
3. через подписной каталог Почты России.

Подписано к печати 19.12.2022 г.

Дата выхода в свет: 26.12.2022 Тираж 150

экз. Зак. 12/12а. Цена свободная

70*100¹/₁₆. Уч.-изд. л. 17.5

Учредители: Российская академия наук, Международная ассоциация академий наук

Адрес редакции: 117218, г. Москва, Нахимовский проспект, д. 32, офис 1027.

Тел. (499)-128-79-16

E-mail: socpol@mail.ru

16+

Издатель: Российская академия наук

20 экз. распространяется бесплатно

Исполнитель по контракту № 4У-ЭА-134-21

ООО «Интеграция: Образование и Наука»

105082, г. Москва, Рубцовская наб., д. 3, стр. 1, пом. 1314

Отпечатано в ООО «Институт Информационных технологий»

Свидетельство о регистрации СМИ в Государственном комитете Российской Федерации по печати № 0110199 от 05.05.1999

Адрес типографии: 170021, Тверская область, г. Тверь, Дачная улица, дом 33, офис 1

ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

НА БАЗЕ ЦЕНТРАЛЬНОГО ЭКОНОМИКО-МАТЕМАТИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА РАН

БАКАЛАВРИАТ

Экономика
Экономическая логистика
Менеджмент организации
Менеджмент в СМИ и рекламе

МАГИСТРАТУРА

Экономика и управление наукой, технологиями и инновациями
Общий и стратегический менеджмент

АСПИРАНТУРА

Экономика

ЦЭМИ РАН — крупнейший центр отечественной и мировой экономической науки, собравший под своей эгидой целое созвездие блестящих ученых с мировыми именами. Теоретические дисциплины преподают ведущие ученые, а практические занятия — специалисты бизнес-школ и консультанты по управлению, маркетингу и финансам.

Студенты факультета с первых дней могут проходить стажировки в ведущих научных институтах, принимать участие в различных проектах, международных симпозиумах и конференциях.

Выпускники факультета получают фундаментальную экономическую подготовку, умение квалифицированно разбираться во всех разделах и современных течениях экономической и управленческой науки, что дает им дополнительные преимущества для трудоустройства в органах государственного управления, коммерческих и консалтинговых компаниях, исследовательских центрах, рекламных и информационных агентствах, а также в сфере науки и высшего образования.

5 ПРИЧИН ПОСТУПИТЬ В ГАУГН

ВЫДАЮЩИЕСЯ ПРЕПОДАВАТЕЛИ

Ученые из научно-исследовательских институтов РАН, включая академиков, членов-корреспондентов, докторов и кандидатов наук.

ВОСТРЕБОВАННОСТЬ ВЫПУСКНИКОВ

Выпускники востребованы на рынке труда. Контакты с будущими работодателями устанавливаются во время практики.

МЕЖДУНАРОДНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО

Некоторые лекции читают приглашенные специалисты из других стран. Большое внимание уделяется языковой подготовке.

УДОБСТВО

Факультеты находятся в Москве в непосредственной близости от метро. Обучение в магистратуре и аспирантуре в основном проходит в вечернее время. Подать документы можно онлайн.

СТУДЕНЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ

Студенты ГАУГН могут участвовать в многочисленных студенческих клубах («Что? Где? Когда?», Клуб политического анализа, Китайский разговорный клуб и др.).